

Г. В. Старовойтова

**ЭТНИЧЕСКАЯ ГРУППА
В СОВРЕМЕННОМ
СОВЕТСКОМ
ГОРОДЕ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

Г. В. Старовойтова

ЭТНИЧЕСКАЯ ГРУППА В СОВРЕМЕННОМ СОВЕТСКОМ ГОРОДЕ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Ответственный редактор

чл.-кор. АН СССР

К. В. ЧИСТОВ

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

1987

В книге на материалах социологических исследований, архивных источников, данных переписей населения анализируются основные тенденции, характеризующие социально-демографическую структуру, особенности образа жизни и этнического самосознания этнодисперсных групп армян, татар, эстонцев в Ленинграде. Предназначена социологам, этнографам, психологам и другим специалистам.

Рецензенты:

Ю. В. АРУТЮНЯН, И. И. ТРАВИН

ЭТНИЧЕСКАЯ ТРАПТА
В СОВРЕМЕННОМ
СОВЕТСКОМ ГОРОДЕ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ

Отвественный редактор
К. В. ПИСТОВ

С 0508000000-628 51-87-11
042(02)-87

© Издательство «Наука», 1987 г.

ВВЕДЕНИЕ

Процессы социального развития и сближения наций в нашей стране привели к образованию новой исторической общности — советского народа. Сближение наций происходит во всех сферах жизнедеятельности людей — в материальном производстве, общественной и духовной жизни. Социальная политика Советского государства постоянно направлена на выравнивание условий экономического развития национальных республик, на дальнейшее усиление их социальной однородности, взаимное обогащение национальных культур.

Решение национального вопроса в нашей стране — выдающееся завоевание социализма. «Но наши достижения не должны создавать представления о беспроблемности национальных процессов. Противоречия свойственны всякому развитию, неизбежны они и в этой сфере. Главное — видеть постоянно возникающие их аспекты и грани, искать и своевременно давать верные ответы на вопросы, которые выдвигает жизнь... — говорится в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии. — Идущая от Ленина традиция нашей партии — особая чуткость и осмотрительность во всем, что касается национальной политики, затрагивает интересы каждой нации и народности, национальные чувства людей».¹

В нынешнюю эпоху «... очевидно, что требуется решительный поворот общественных наук в сторону более глубокого изучения реального содержания национальных процессов во всей их сложности и противоречивости».² «При этом предстоит еще более внимательно изучать психологические аспекты национальных процессов, в том числе межличностные отношения».³

Постепенное, все более полное сближение наций на истинно демократической, истинно интернационалистской базе⁴ остается целью советского общества, зафиксированной в Новой редакции Программы КПСС, принятой на XXVII съезде. Однако «нет ничего более чуждого коммунистической идеологии, чем стремление искусственно подталкивать данный объективный процесс или

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 53—54.

² Бромлей Ю. В. Совершенствование национальных отношений в СССР. — Коммунист, 1986, № 8, с. 86.

³ Там же.

⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 68.

препятствовать ему. Задача состоит в том, чтобы дать простор его естественному развитию на основе добровольности, равенства и братского сотрудничества народов».⁵ Одна из форм решения этой задачи — тщательный учет интересов и потребностей каждой нации и органическое их сочетание с интересами советского народа в целом. В последние годы в результате экономически обусловленных миграций населения все более многонациональной становится каждая республика, а в той или иной мере — каждая область, каждый город страны. Исторически прогрессивная роль миграций отмечалась В. И. Лениным: «Без создания подвижности населения не может быть и его развития».⁶

Действительно, освоение новых природных ресурсов, создание всесоюзныхстроек (таких, как БАМ, зоны разработки западно-сибирской нефти и газа, природных богатств Севера и др.) неизбежно влечет за собой и перераспределение трудовых ресурсов по территории страны. Массовые миграционные потоки захватывают представителей различных национальностей, приводят к перемещению переселенцев за тысячи километров от их исторических этнических территорий. Вследствие этого складываются зоны со смешанным в национальном отношении населением, со значительными группами некоренных для данного региона новоселов. К началу 80-х годов число лиц, не являющихся коренными жителями союзных и автономных республик, составляло 55 млн. человек (почти 20 % населения страны).

«В документах партии последних лет не раз подчеркивалась необходимость усиления внимания к некоренным национальным группам в союзных республиках. . . Предстоит не только полнее учитывать и удовлетворять национально-специфические запросы такого рода групп в сфере языка, культуры и быта, но и обеспечивать их должное представительство во всех звеньях общественно-политической структуры».⁷

Решению этих задач применительно к крупным национальным группам в иноэтнической среде способствуют изучение формирующихся этносоциальных явлений, оценка успешности адаптации представителей этнических групп к новой среде.

Урбанизация, охватившая страну в послевоенные годы, вызвала приток значительного числа мигрантов в города и освоение широкими слоями населения промышленных профессий, обусловила расширение их общекультурного кругозора. Эти изменения коснулись в той или иной степени представителей разных национальностей, что существенно увеличило число межэтнических контактов в городах. В связи с этим большое значение приобретает исследование этносоциальных процессов, происходящих в многонациональной среде населения современных крупных городов, являющихся «генераторами» и распространителями

⁵ О 60-й годовщине образования СССР: Постановление ЦК КПСС от 19 февраля 1982 г. М., 1982, с. 18.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 246.

⁷ Бромлей Ю. В. Совершенствование национальных отношений в СССР, с. 83.

прогрессивных форм социалистического образа жизни и ценностей интернациональной культуры. По данным последних переписей населения, в крупнейших городах страны зафиксированы в качестве постоянных жителей представители многих национальностей, причем некоторые национальные группы переселенцев включают десятки тысяч человек.

Особую актуальность приобретает исследование таких «национальных меньшинств» в современных городах РСФСР (т. е. городах русских — как по преобладающей численности русского населения, так и по составу населения на окружающей этнической территории). Группы мигрантов располагаются не в абстрактной среде, а в этнически специфической, активно и избирательно влияющей на разные компоненты культуры переселенцев. С этой точки зрения важно сочетать изучение иноэтнических групп с исследованием региональных проблем основного для данной территории этноса и других народов, «расселенных в одной историко-этнографической области и объединенных общей исторической судьбой и длительными этнокультурными контактами».⁸

В частности, изучение тенденций, имеющих место в инонациональных группах населения, проживающих в русском городе, на наш взгляд, прежде всего должно рассматриваться в контексте этнографического изучения города, влияния русской культуры и языка межнационального общения на культуру других народов. Однако этнические процессы в таких этнотерриториальных группах не определяются однозначно только этим влиянием. Этнокультурные особенности мигрантов в свою очередь оказывают влияние на культуру и быт города. Глубина воздействия привнесенных особенностей культуры может зависеть от численности переселенцев, степени сохранности их этнической культуры, интенсивности их контактов с основным населением, с местами выхода и др. Известно, что для устойчивости уже сформировавшегося этноса достаточно существования «этно-территориального» компактного ядра, «соотносясь или сообщаясь с которым, отделившиеся части этноса, живя в среде других этносов, могут длительное время сохранять свою языково-культурную специфику, свое самосознание».⁹

Таким образом, группы населения, оторвавшиеся от своей исконной этнической территории в разные исторические периоды, развиваются в дальнейшем под влиянием разнородных социально-экономических и этнических факторов, способствующих либо сохранению этнокультурной специфики, либо ее трансформации в новом этническом окружении.

В последние годы перед этнографической наукой встала задача включить в круг своей проблематики изучение этих явлений, углубить всестороннее изучение современных наций, в особенности

⁸ Чистов К. В. Проблемы этнографического и фольклорного изучения Северо-Запада СССР. — В кн.: Этнографические исследования Северо-Запада СССР. Л., 1977, с. 3.

⁹ Козлов В. И. Этнос и территория. — СЭ, 1971, № 6, с. 100.

их представителей, составляющих городское население.¹⁰ Ряд крупных публикаций, посвященных этнографии русского города, отражает существенный этап подобных исследований.¹¹

В ряду этих работ особую значимость приобретает изучение социальных и этнических процессов, происходящих в современных городах. Дело не только в перевесе, которого достигла численность городского населения, но и в особой роли современного города в этнокультурном развитии наций. Города на всем протяжении новой и новейшей истории выполняют функцию центров процесса консолидации наций. При формировании нации повышается гомогенность культуры, усиливается отход ее от локально-дифференцированных форм, происходит «переплавление» местных форм культуры в общенациональные и формирование общенационального языка»¹² на основе локальных диалектов. Очевидно, что эти составляющие процесса национальной консолидации тесным образом связаны с городом и непосредственно обусловлены возникающими в нем профессиональными формами национальной культуры.

Город как сложная социальная система, изучаемая широким комплексом научных дисциплин, включает в себя и явления, которые могут быть адекватными средствами отображены лишь в том «предметном срезе» объекта, который охватывается этнографическим подходом. Такой подход до сравнительно недавнего времени традиционно представлялся применимым лишь к сельскому населению; между тем в последние годы становится очевидным наличие обширной проблематики, подлежащей исследованию в рамках новой, формирующейся «урбанэтнографии», дисциплины, которая изучает: 1) этнический состав населения городов разных типов, его социальные и профессиональные особенности; 2) этническую топографию городов; 3) бытовую культуру горожан (включая те элементы духовной культуры, которые передаются устно-зрительным путем) и специфику их образа жизни; 4) этнические предпочтения в культурном потреблении горожан; 5) факторы городской среды, влияющие на этническое самосознание и этническую самоидентификацию; 6) соотношение национальных, профессиональных и фольклорных форм культуры в городе и др.

В отечественной этнографии ведется активный поиск адекватных методов исследования культуры и быта горожан, а также интернациональных, общесоветских и этнически специфичных

¹⁰ Токарев С. А. О задачах этнографического изучения народов индустриальных стран. — СЭ, 1967, № 5; Покишичевский В. В. Этнические процессы в городах и некоторые проблемы их изучения. — Там же, 1969, № 5; Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973, с. 245—248.

¹¹ Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. М., 1977; Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978; Юхнёва Н. В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Л., 1984, и др.

¹² Юхнёва Н. В. Изучение города как этнографическая проблема. — В кн.: Этнографические исследования Северо-Запада СССР, с. 146.

элементов в городской культуре. Эмпирический материал накапливается в рамках разных исследовательских подходов и отражает региональные особенности этнических процессов в городах.¹³

Работы этнографов и социологов, избравших своим объектом городское население, внесли ценный вклад в определение методических подходов к новой проблематике, способствовали сбору богатого эмпирического материала по этническим процессам в городах. Однако в силу того, что «городская» проблематика вошла в этнографию сравнительно недавно, многие из возможных направлений исследований остаются еще не реализованными.

Так, в городах до сих пор по преимуществу изучалось коренное для данного региона население, представляющее этническое большинство.¹⁴ Между тем назрела потребность рассмотреть особенности культуры, быта и этнопсихологии той части горожан, которая не принадлежит к основной массе местного населения. Настоящая работа, примыкая к общему кругу этносоциологических исследований последних лет, посвящена изучению культуры и быта иноэтнической части населения современного большого города — Ленинграда.

В крупнейших городских центрах страны — в Москве, Ленинграде, Киеве и других в качестве постоянных жителей проживают представители более 100 национальностей, составляющие существенную долю в городском населении.¹⁵ В среде мигрантов (и их потомков), оторвавшихся от исконной этнической территории в разные исторические периоды, происходит трансформация этнической специфики под влиянием разнородных факторов нового этнического и социокультурного окружения, причем тенденции этой трансформации до сих пор остаются почти неизученными.

Ленинград, второй по величине город страны, — один из крупнейших индустриальных, научно-технических, культурных центров Советского Союза и в то же время — город давних интернациональных традиций рабочего класса. В производственных коллективах города наряду с русскими трудятся армяне, белорусы, грузины, евреи, карелы, латыши, мордва, поляки, татары, украинцы, финны, чуваша, эстонцы и представители других крупных групп нерусского населения, составляющие в совокупности в начале 80-х годов 471 тыс. человек, или 10,3 % населения города.¹⁶ Многонацио-

¹³ См. работы Л. А. Анохиной, С. А. Арутюнова, О. Р. Будины, Н. Г. Волковой, Г. В. Жирновой, В. Ю. Крулянской, Л. Ф. Моногаровой, Н. С. Полищук, М. Г. Рабиновича, О. А. Сухаревой, Н. А. Томилова, М. Н. Шмелевой, Н. В. Юхнёвой и др.

¹⁴ Исключением являются этносоциологические исследования, выполненные на городском материале Молдавской ССР и Татарской АССР. См.: Опыт этносоциологического исследования образа жизни. М., 1980; см. также: Этносоциальные проблемы города. М., 1986.

¹⁵ Так, в 1970 г. численность нерусских групп составила в Москве более 700 тыс. человек, в Ленинграде — около 440 тыс. (рассчитано по справочнику: Ленинград и Ленинградская область в цифрах. Л., 1971, с. 10; см. также: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М., 1973, т. 4, с. 103).

¹⁶ Рассчитано по статистическому сборнику: Народное хозяйство Ленинграда и Ленинградской области в 10 пятилетке. Л., 1981, с. 24—25.

нальными являются все крупнейшие предприятия Ленинграда: в объединении «Электросила» насчитывается 68 национальностей, в объединении «Невский завод» им. В. И. Ленина — около 50 национальностей¹⁷ и т. д. Представители более 50 национальностей Советского Союза и иностранные студенты из 70 стран обучаются в Ленинградском государственном университете имени А. А. Жданова, живут в одном и том же общежитии.¹⁸ Другие вузы города тоже многонациональны.

Возникает необходимость более широкого знакомства жителей города с культурой, традициями и обычаями народов, представители которых трудятся бок о бок в одном производственном или учебном коллективе.

Прикладная задача изучения этнических групп в населении современного города — разработка рекомендаций, направленных на облегчение трудностей, которые могут испытывать переселенцы, особенно старшие, при адаптации к новой языковой среде и городскому образу жизни. В частности, это относится к мигрантам из сельской местности, где дольше сохраняются национальные культурно-бытовые традиции. Разнообразные последствия полиэтничности городского населения необходимо шире учитывать в социальном планировании развития городов, в культурно-просветительской и пропагандистской работе, в системе мероприятий атеистического воспитания. Обязательное условие успеха этой работы — наличие научной информации об этнических процессах, идущих в городах. Расширению такой информации и служит эта книга.

Автор приносит глубокую благодарность сотрудникам сектора этнографии восточных славян Института этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая, в котором было выполнено настоящее исследование, и сектора конкретно-социологических исследований ИЭ АН СССР за методические указания; студентам кафедры этнографии ЛГУ им. А. А. Жданова, помогавшим в проведении этносоциологического опроса; М. Э. Коган, участвовавшей во всех стадиях опроса, интерпретации и обработке его материалов на ЭВМ, в соавторстве с которой написан второй раздел гл. V. Автор признателен также академику АН ЭстССР В. А. Маамяги, сотрудникам Литературного музея им. Ф. Р. Крейцвальда АН ЭстССР, сотрудникам Института истории АН ЭстССР Э. Яансен, Л. Рооталу; сотрудникам Института археологии и этнографии АН АрмССР Э. Т. Карапетян, Л. Варданян, Р. Карапетяну и многим другим лицам, помогавшим в сборе материалов и дававшим ценные советы при работе над книгой.

¹⁷ Интернациональное сотрудничество трудящихся Ленинграда / Сост. М. Н. Росенко. Л., 1982, с. 108.

¹⁸ Там же, с. 112.

ГЛАВА I.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Население современных крупных городов в отличие от большинства сельских поселений, как правило, многонационально. «Города везде . . . отличаются наиболее пестрым национальным составом населения»,¹ — отмечал В. И. Ленин еще в 1913 г., расценивая эту пестроту как одно из проявлений «космополитизма общественной жизни».

Полиэтничность неизбежно накладывает отпечаток на всю культуру и быт горожан. В связи с этим возникает проблема взаимной адаптации представителей разных национальностей, живущих в городе. Сложности, связанные с адаптацией к городу, неизбежно затрагивают каждого прибывающего мигранта, даже если его национальность совпадает с национальностью преобладающего в городе населения. Особенно ощутимы отличия социально-культурных навыков сельских мигрантов от норм городской среды.

К. Маркс, подчеркивая динамику соотношения городской и сельской культур на разных этапах исторического развития, отмечал, что «новейшая история есть проникновение городских отношений в деревню».² Таким образом, урбанизация не является только городским процессом; сфера ее проявления — все общество (город, деревня и промежуточные поселения). Одно из последствий урбанизации состоит в том, что пространственно-территориальные различия теряют значение фактора дифференциации культуры. Это проявляется в уменьшении культурных различий между регионами, между городом и деревней и т. д.

Однако «экспансия» городской культуры, городского образа жизни сталкивается с обратным, встречным процессом — «диффузией» элементов сельского образа жизни в города.³ В городе сталкиваются влияние городских традиций, носителями которых являются потомственные горожане, и сельских традиций, принесенных выходцами из села. «Формирование особых форм городской культуры и преодоление сельского влияния идет тем быстрее, чем значительно отличаются условия жизни в городе от сельских и чем больше в нем потомственных горожан. Таким образом, чем выше *уровень* урбанизации, тем более „городской“ является

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 149.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. 1, с. 470.

³ Симуш П. Н. Различия между городом и деревней в свете развития социального образа жизни. — ВФ, 1975, № 3, с. 31.

культура горожан, и в то же время чем выше темпы урбанизации, тем сильнее влияние села».⁴ В городе также имеет место адаптация постоянных, коренных его жителей к городским условиям — и этот процесс непрерывен, поскольку сама городская культура находится в постоянном изменении.

Изучение механизма передачи образцов и норм поведения в общении между разными социальными группами, разными поколениями включает анализ этнопсихологической специфики горожан, их духовной культуры и поведения. Значение этнопсихологической сферы как регулятора поведения горожан увеличивается в связи с тем, что здесь происходит стандартизация и унификация материальной культуры. Тиражирование ее элементов в условиях городского индустриального производства приводит к постепенной утрате этнической специфики материально-вещной средой города; особенно быстро такая специфика утрачивается теми элементами среды, которые выполняют утилитарно-прикладные функции. Таким образом, «зона» этнической специфики у горожан постепенно сужается, все более сосредоточиваясь в сфере духовной культуры и этнической психологии.⁵

Это обстоятельство диктует необходимость расширения методического инструментария этнографического исследования — перехода в этнографическом изучении города от прямого одновременного наблюдения к длительному, а также к анализу «скрытых переменных» (латентному анализу) при помощи опросных, тестовых и других процедур, применяемых в конкретных социологических и психологических исследованиях. В то же время несводимость изучения этнической специфики сознания к анализу стереотипов поведения обуславливает целесообразность использования синтетической категории образа жизни (как в первую очередь «системы повседневного поведения людей»,⁶ которые, однако, регулируются сознанием, принятыми нормами и ценностями).

Проблематика «урбанэтнографии» может быть раскрыта и при исследовании части городского населения — этнической группы в городе.

В связи с изучением городской этнической группы ощущается потребность в специальном термине, характеризующем такую общность людей. Для обозначения «территориально обособленных частей коренных этносов» Ю. В. Бромлеем и В. И. Козловым предложены термины «этно-ареальная» группа и «этнодисперсная группа», подчеркивающие прежде всего оторванность национальных групп от основного этноса. Однако следует иметь в виду, что национальные группы, постоянно образующиеся при территориальном и социальном «перемешивании» населения, принимают как форму территориально-компактных «анклавов», вкрапленных

⁴ Юхнёва Н. В. Изучение города как этнографическая проблема. — В кн.: Этнографические исследования Северо-Запада СССР. Л., 1977, с. 146.

⁵ Бромлей Ю. В., Шкаратан О. И. О соотношении истории, этнографии и социологии. — СЭ, 1969, № 3, с. 6.

⁶ Гордон Л. А., Клопов Э. В. Человек после работы. М., 1972, с. 347.

в среду другого этноса (как правило, в сельских местностях), так и статистических совокупностей людей, рассредоточенных в пределах данного поселения (как правило, в городах). Авторы указанных терминов, принимая эти возможные варианты во внимание, не конкретизируют условий применения названных дефиниций.⁷

Нам представляется целесообразным использование термина «этнодисперсная группа» применительно к этнотерриториальной общности, образованной из представителей какого-либо этноса, дисперсно расселенных в урбанизированной иноэтнической среде и регулярно поддерживающих этнокультурные связи как внутри группы, так и с коренным этносом. Вероятно, условием продолжительности существования такой группы будет служить, помимо отмеченных связей, ее численность, достаточная для обеспечения демографического воспроизводства и межпоколенной трансмиссии хотя бы некоторых образцов этнической культуры.

При анализе этого объекта исследования встают следующие вопросы: является ли этнодисперсная группа уменьшенной копией своего этноса («этносом в миниатюре») по основным социально-экономическим и культурным параметрам? Или она в большей мере представляет собой отражение окружающей (иноэтнической) среды? Возможно, она является специфической частью своего этноса, не воспроизводящей его структуры в целом, но и не копирующей новый этнический «фон»? Для ответа на эти вопросы необходимо исследовать характер этнических процессов в этнодисперсной группе.

Можно предположить, что в этнодисперсных группах развиваются две основные разновидности этнических процессов: этно-трансформационные (ведущие к изменению этнического сознания членов группы) и этноэволюционные (связанные с изменением основных параметров этноса, но не ведущие к перемене этнического самосознания).⁸

Важным фактором, определяющим тенденции этнического развития, является тип расселения — его компактность, плотность и т. д. Принято считать, что редкое расселение и полный отрыв людей от основного этнического ядра «почти неизбежно приводит со временем к этнической ассимиляции».⁹

Вероятно, одним из очевидных следствий длительного проживания членов этнодисперсной группы в иноэтнической городской среде должна являться естественная ассимиляция членов группы.

Добровольная естественная ассимиляция — разновидность этнических процессов объединительного характера, поскольку выражается в растворении одного этноса в среде другого. Суммарная численность контактирующих этносов в итоге не меняется,

⁷ Современные этнические процессы в СССР. М., 1977, с. 16—17.

⁸ См. подробнее: там же, с. 18—20; Бромлей Ю. В. К типологизации этнических процессов. — В кн.: Проблемы типологии в этнографии. М., 1979, с. 3—11.

⁹ Козлов В. И. О классификации этнических общностей. — В кн.: Исследования по общей этнографии. М., 1979, с. 11.

но один этнос уменьшается, а другой увеличивается. В. И. Ленин еще в 1913 г. так оценивал этот процесс: «Кто не погряз в националистических предрассудках, тот не может не видеть в этом процессе ассимиляции наций капитализмом величайшего исторического прогресса, разрушения национальной заскорузлости различных медвежьих углов — особенно в отсталых странах вроде России». И далее: «Пролетариат . . . приветствует всякую ассимиляцию наций за исключением насильственной».¹⁰

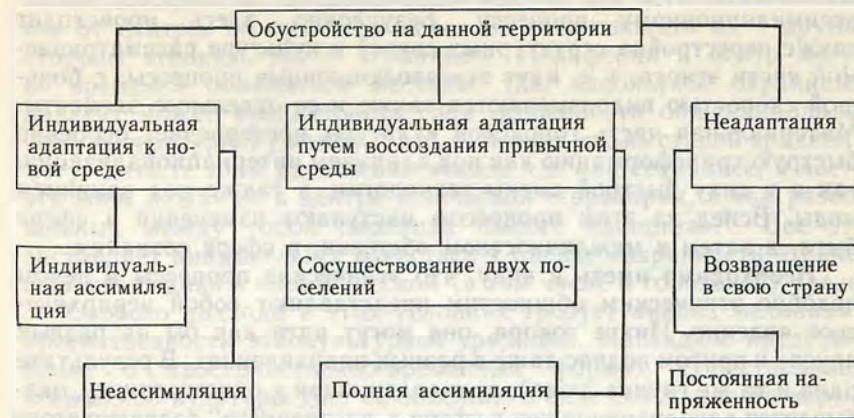
Процесс ассимиляции начинается обычно с изменений в самой пластичной сфере — сфере материальной культуры этноса. Пища, одежда, жилище людей приспосабливаются к новым природным условиям и нормам, принятым в новом социальном окружении. Далее он может быть прослежен в языковой сфере, образе жизни. «Оседая на новом месте жительство, переселенцы приспосабливаются к новой среде, овладевают языком этой среды, если ранее не знали его или знали плохо, постепенно отходят от своих прежних обычаев и привычек и, наконец, если не в первом, то в последующих поколениях этнически растворяются в этой среде, ассимилируются ею».¹¹

Завершается ассимиляция сменой этнического самосознания (иногда проходя через этап «двойного» самосознания), которое в конечном счете фиксируется в смене самоназвания (этнонима).

Описанный процесс длителен и может быть рассмотрен как состоящий из ряда последовательных стадий, например: адаптация (адекватное взаимодействие с новой средой при сохранении исходной этнокультурной специфики); аккультурация (сочетание усвоенных новых этнических стереотипов и значительного объема собственной этнической культуры); ассимиляция (смена этнической идентичности).¹² Смена разговорного языка — важное свидетельство ассимиляционной тенденции, тем более что в этом случае родной язык детей, чьи родители сменили разговорный язык, как правило, будет отличаться от родного языка родителей.

Вообще ассимиляционный процесс в полной мере может, по-видимому, реализовываться лишь на протяжении жизни нескольких поколений; адаптация и аккультурация доступны уже мигрантам в первом поколении. При этом следует иметь в виду, что методические предпосылки исследования, критерии оценки ассимиляции и ее этапов по отношению к этнической группе или отдельной личности будут нетождественными.

Представляется эмпирически весьма обоснованной схема возможных путей адаптации в городе мигрантов в первом поколении, предложенная А. Сови (см. ниже).¹³

Существенная особенность этой схемы — выделение двух разных путей адаптации: восприятие норм новой среды и воспроизведение привычных норм в своей этнической «микросреде».

Однако правомерность определения объединительного процесса, в который включена этнодисперсная группа, как ассимиляционного оспаривалась некоторыми авторами. В частности, отмечалось, что вряд ли можно считать ассимиляцией утрату национальной культуры и своего языка горожанами, так как взамен они усваивают этнически нейтральную культуру (городскую), а не национально-русскую. «Процесс широкого распространения так называемой городской культуры можно скорее назвать процессом ослабления этнического фактора».¹⁴ Но этой позиции в литературе противопоставлены следующие соображения: интернациональная городская культура — скорее межэтническая; она не несет этнического отпечатка лишь на первый взгляд. Культуры городов определенной группы различаются по комплексам этнорегиональных признаков при рассмотрении их на более высоком таксономическом уровне.¹⁵ По-видимому, сопоставляемые здесь точки зрения относятся лишь к разным уровням оценки предмета и по существу не противоречат друг другу.

Применительно к городским поселениям нашей страны правомерно говорить об активном распространении в них «слоя общесоветской культуры»¹⁶ на русскоязычной основе, поскольку русский язык стал средством межнационального общения. Это, однако, не исключает наличия собственно ассимиляционной тенденции у части представителей этнодисперсной группы, особенно если они живут в национально-смешанных семьях.

С другой стороны, несомненно, что структура этнических процессов в этнодисперсной группе сложна и не сводится к одному

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 127, 133.

¹¹ Современные этнические процессы в СССР, с. 136—137.

¹² Арутюнов С. А. Билингвизм и бикультурализм. — СЭ, 1974, № 2.

¹³ Сови А. Общая теория населения. Т. 2. Жизнь населения / Пер. с фр. М., 1977, с. 365—366.

¹⁴ Хомич Л. В. О содержании понятия «этнические процессы». — СЭ, 1969, № 5, с. 85.

¹⁵ Юхнёва Н. В. Изучение города как этнографическая проблема, с. 148.

¹⁶ Современные этнические процессы в СССР, с. 382.

ассимиляционному процессу. Безусловно, здесь происходит также перестройка структурных связей в культуре рассматриваемой части этноса, т. е. идут этноэволюционные процессы; с большой скоростью видоизменяются также и ее отдельные элементы. Материальная часть городской культуры претерпевает особенно быструю трансформацию как под влиянием интернационализации, так и в силу быстрой смены технологии, а также под влиянием моды. Вслед за этим процессом наступают изменения в сфере быта, а затем в межличностном общении, в сфере сознания.

Необходимо иметь в виду, что этнические процессы в целом подобно этническим общностям представляют собой иерархическое явление. Иначе говоря, они могут идти как бы на разных ярусах и притом подчас даже в разных направлениях. В результате одна и та же группа людей, принадлежащая к одному этносу, оказывается одновременно как в сфере «внутреннего» развития этого этноса, направленного на укрепление его в качестве самостоятельной системы, так и в сфере процесса, направленного на объединение того же этноса с другими этническими образованиями.¹⁷

Так, наряду с ассимиляционным процессом в этнодисперсной группе может наблюдаться и некоторая актуализация этнического сознания, так как по законам социальной психологии иноэтничный «фон» способствует более осознанному, выпуклому самовыделению этнической общности. Очевидно, степень развития этнического сознания у членов этнодисперсной группы будет находиться в прямой зависимости от места, которое они занимают в социальной и профессиональной структуре населения, а также от того, насколько близки или далеки в культурно-историческом и языковом отношении контактирующие этнические общности.

Давно замечено, что некоторые элементы культуры, например языковые особенности, архаические обрядовые черты, могут сохраняться в этнодисперсных группах даже дольше, чем в основной зоне расселения этноса. В частности, в таких условиях отмечены случаи консервации локального этнического сознания и связанных с ним элементов. Так, если в местах основного расселения народов диалекты вытесняются общим национальным литературным языком, то в зонах дисперсного расселения в качестве литературного языка функционирует русский язык, и диалект может сохраняться в устной бытовой речи дольше, чем на основной этнической территории.¹⁸

Ареальные исследования (прежде всего в лингвистике) вообще демонстрируют сложность взаимодействия «очага» и «периферии» культурно-языковых явлений.¹⁹ Так, известно, что нередко очагом распространения служил не центр, а другие территории. Маргинальный ареал (как и любой периферийный) может приобретать

¹⁷ Там же.

¹⁸ Терентьева Л. Н. Некоторые стороны этнических процессов в Поволжье, Приуралье и на Европейском Севере СССР. — СЭ, 1972, № 6, с. 43.

¹⁹ Никонов В. А. Очаг и периферия. — В кн.: Ареальные исследования в языковедении и этнографии. Л., 1977, с. 212—215.

новые особенности, специфические именно для него, отличающие его от центра, но при этом вовсе не заимствовать их с другой стороны этнокультурной «границы». Периферия и центр могут со временем поменяться местами: так, какой-либо окраинный диалект может продиктовать свои особенности общенациональному литературному языку²⁰ и т. д. Новую жизнь старой традиции могут дать те зоны расселения этноса, где она сохраннее, и часто эти зоны лежат не в центре этнической территории, а «на разобщенных между собой окраинах былого единства».²¹ Все это заставляет внимательнее отнестись к оценке сохранности этнической специфики в иноэтнической (в том числе и городской) среде.

Особого подхода в этих условиях требует анализ механизма преемственности этнокультурной традиции. Наглядное представление о пространственно-временных формах существования этнической культуры дает ее описание в виде совокупности вертикальных (диахронных) и горизонтальных (синхронных) информационных связей.²² Если первые обеспечивают временную преемственность этнической традиции (а значит, историческую стабильность этноса), то вторые — пространственную гомогенность и целостность этнической культуры и ее распространение на всей этнической территории.

Многообразие возможных сочетаний синхронных и диахронных связей, представляющих в историко-культурном поле один и тот же факт, одно и то же явление, но с акцентом на разные его аспекты, создает в данном участке информационной сети (историко-культурного поля) некий «пучок информационных связей».²³

Соотношение и роль горизонтальных (пространственных) и вертикальных (временных) информационных связей в этнодисперсной группе городского населения будут существенно иными, чем в зоне компактного расселения этноса. Пространственные внутриаэтнические связи здесь оказываются непомерно растянутыми, а значит — ослабленными (иногда и совсем отсутствуют), а временные связи, обеспечивающие межпоколенную передачу этнической культуры, в значительной мере осуществляются путем непосредственного межличностного контакта, т. е. механизма, не типичного для современных наций.

Традиционное устно-зрительное восприятие поведенческих стереотипов приобретает особое значение для сохранения собственной «этничности» в иноэтнической среде, поскольку в этих

²⁰ Так, например, произошло с французским литературным языком, сформировавшимся под заметным влиянием лотарингского диалекта (см.: Бородин М. А. Проблемы лингвистической географии. М.; Л., 1966, с. 172—173).

²¹ Никонов В. А. Очаг и периферия, с. 214.

²² См. подробнее: Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человека. — В кн.: Расы и народы. М., 1972, вып. 2; Алексеев В. П. О различии синхронного и диахронного сравнения этнографических явлений. — В кн.: Фольклор и историческая этнография. М., 1983.

²³ Куббель Л. Е. Культурная традиция в информационной сети культуры: функционирование и трансформация. — СЭ, 1985, № 6, с. 18.

условиях объективно ограничен объем «собственной» этнокультурной информации, поступающей через mass media. Можно предположить, что при общем сокращении числа носителей этнических традиций от поколения к поколению в иноэтнической среде могут сохраниться более традиционные элементы народной культуры, не испытывавшие влияния профессиональных форм и сосуществующие с последними параллельно.

Даже приведенный неполный перечень проблем, встающих в связи с изучением этнодисперсных групп, свидетельствует о большом теоретическом и прикладном значении исследования таких объектов.

За рубежом изучению этнических групп, «вкрапленных» в социальную структуру крупного города, посвящено значительное количество исследований. Некоторые из них стали широко известными в качестве классических примеров использования специальных методических приемов эмпирического социологического исследования и упоминаются в большинстве учебников по социологии. Именно с точки зрения методического опыта они и представляют для нас интерес, ибо содержание этносоциальных процессов при социализме и в капиталистическом обществе различно.

Прежде всего следует отметить исследования У. Томаса и Ф. Знанецкого (1916 г.), а также У. Уайта (1936—1939 гг.). Работа У. Томаса и Ф. Знанецкого представляет собой по существу первое этносоциологическое исследование. Оно было посвящено сравнительному изучению положения польских крестьян в Польше и польских эмигрантов в Америке.²⁴ Методическое значение этого исследования состояло в том, что для описания социальных и этнокультурных процессов впервые в социологии систематически использовались массовые документальные источники, как личного характера (переписка крестьян-эмигрантов с родными, оставшимися в Польше, автобиографические материалы), так и официальные (архивы эмигрантских газет, материалы церковноприходских обществ, судебные дела эмигрантов).

В исследовании У. Уайта был использован другой ценный методический прием: включенное наблюдение. Изучая этнокультурные процессы в итальянском гетто, расположенном в американском городе, Уайт вошел в местную общину, изучил ее особый жаргон, научился местным обычаям и был принят в одну из эмигрантских семей, скрывая свои исследовательские цели. Включенное наблюдение в общей сложности велось ученым (У. Уайт был тогда сотрудником Гарвардского университета) в течение трех лет, а объектом наблюдения служили особенности поведения эмигрантов в иноэтнической среде, их культурные и личностные ориентации, взаимоотношения с преступным миром, полицией, политическими группами.²⁵

²⁴ Thomas W., Znaniecky F. The Polish peasant in Europe and America. Cambridge, 1918—1920, vol. 1—5.

²⁵ Whyte W. Street corner society. Chicago, 1943.

Значительное внимание проблемам адаптации переселенцев, принадлежащих иной культуре, к образу жизни высокоурбанизированного общества, уделяют зарубежные ученые, сотрудничающие в Афинском центре по изучению расселения. Этот центр, созданный по инициативе известного теоретика урбанистики К. А. Доксиадиса в послевоенные годы, ставит задачей изучение широкого комплекса взаимосвязей пространственных и социокультурных факторов в рамках специальной научной дисциплины — экистики (теории расселения). К сотрудничеству в Афинском центре и его изданиях были привлечены известные этнографы — М. Мид, Э. Эриксон и др.

В работах М. Мид, посвященных культурной адаптации мигрантов к условиям крупных городов (в качестве примера приводятся пуэрториканцы в Нью-Йорке, сицилийцы в Нью-Джерси, скандинавы в Миннесоте и др.), анализируются факторы, влияющие на скорость и меру адаптации иноэтнического элемента, и предпринимается попытка продемонстрировать прикладное значение таких исследований. Автор приходит к выводу, что скорость и степень социокультурной интеграции переселенцев зависят от уровня целостности, связности («когерентности») их этнической культуры, от того, заложена ли в ней восприимчивость к новым элементам. Существенная роль отводится М. Мид социальному статусу старшего поколения в рассматриваемом этносе и отношению старших к инновациям. Кроме того, по мнению М. Мид, сам пространственный характер городской среды (типы застройки, вариативность функционального зонирования жилища, маркированность внутреннего и наружного пространства и т. д.) в известной мере влияет не только на успешность адаптации, но и на развитие психики у детей мигрантов, определяя этническую специфику перцепции и других познавательных процессов, т. е. в конечном счете определяя изменения в «национальном характере».²⁶ Сочетание отмеченных факторов, по М. Мид, порождает разные типы аккультурации мигрантов в городах с иноэтнической средой. Глубина адаптации при этом характеризуется (в типичной для М. Мид фрейдистской терминологии) снижением «комплекса неполноценности», который уменьшается от поколения к поколению у потомков мигрантов со скоростью, обратно пропорциональной степени «когерентности» (целостности) первоначальной культуры. Рекомендации американских этнографов архитекторам и городской администрации, как правило, сводятся к необходимости создать в городах условия для сохранения этнической общины сельского типа, «поддержать общинный характер народностей».²⁷ Для этого рекомендуется стабилизация искусственно замкнутой социокультурной среды, разработка специальных архитектурных проектов жилых микрорайонов с реализацией в них условий, отвечающих привычным потребностям «пришель-

²⁶ Mead M. What kind of fit? — Ekistics, 1971, may, vol. 31, N 186.

²⁷ Mead M. Cross-cultural significance of Space. — Ibid., october, vol. 32, N 191.

цев», потребностям не только социальным (в общении, в религиозных отправлениях и др.), но и физиологическим (в составе пищи и условиях ее приема, в привычном крове и убежище для сна, создающих ощущение автономии и безопасности, и т. п.). Если привычные для мигранта этнокультурные условия не воспроизводятся в городе, то это свидетельствует, по мнению М. Мид, о дефектах современной цивилизации. Близкую позицию занимает и видный социолог С. Либерзон. Считая оправданным существование этнических зон в топографии города, занятых в результате конкретной борьбы за пространство, он заключает, что «сегрегация... можно считать формой адаптации».²⁸

Однако нетрудно усмотреть противоречие между формулируемой таким образом гуманистической позицией, которая прокламируется американскими этнографами и урбаносоциологами по отношению к этническим меньшинствам в городах, и реально проводимой муниципальными властями политикой. На деле попытка сохранения этнокультурной «мозаичности» городского населения путем концентрации этнодисперсных групп в гетто приводит не столько к ускоренной адаптации, сколько к искусственной изоляции переселенцев, замедлению процессов их естественной ассимиляции, закреплению за ними низших мест в социальной структуре общества. Об этом свидетельствуют результаты фундаментального социологического исследования Р. Колемана и Б. Неугартен, в котором анализируется социальный статус жителей больших городов.²⁹ Рассматривая взаимосвязь этнической или расовой принадлежности и места в социальной иерархии, авторы приходят к выводу, что этническая принадлежность мигрантов или их потомков оказывается даже более значимым фактором, чем уровень дохода, образование и другие социально-экономические параметры. Особенно ярко эта зависимость выражена применительно к неграм и другим группам «цветного» населения.

Как в общественном мнении, так и в системе стратификации городского населения, принятой буржуазными социологами, негры ранжируются по социальному статусу в отдельной от белых шкале, так как они «тотально сегрегированы и почти тотально неравны».³⁰

Социальный статус белого населения, принадлежащего к иноэтническим группам американских горожан, тоже в значительной мере зависит от национальных различий. Исследователи этносоциальной структуры американского города признают, что главное различие между нижним и более высокими классами

²⁸ Liberson St. Ethnic patterns in American cities. Glencoe, 1963, p. 5.

²⁹ Coleman R. P., Neugarten B. Z. Social status in the city. San-Francisco, 1971, p. 21.

³⁰ Ibid., p. 56. Социальные и этнокультурные характеристики небелого населения зарубежных городов рассмотрены в большом числе исследований. См., напр.: Cole D. B. Immigrant city: Lawrence, Massachusetts, 1845—1921. Chapel Hill, 1963; Fanon F. White mask and black skin. N. Y., 1968; Gleason Ph. An immigrant group's interest in progressive reform. — Amer. hist. rev., 1967, december; Rex G. Race, colonialism and the city. London; Boston, 1973.

состоит не только в расовой дифференциации, но и в этническом или региональном происхождении белых. Так, среди белых, относящихся к нижним слоям, представлены европейские иммигранты первого поколения, мексиканцы, не владеющие английским языком, и другие неассимилирующиеся группы, плохо приспособляющиеся к городскому образу жизни. В качестве причин этих трудностей для некоторых белых иммигрантов выдвигаются скорее личные особенности, чем культурная специфика: «дефекты характера», «низкие умственные способности» и т. п. Этнические группы итальянцев и мексиканцев представляют собой самые нижние слои в социальной структуре белого населения городов Америки. По данным опросов общественного мнения, причина этого состоит в том, что члены указанных групп часто связаны с преступным миром; однако эта связь сама является следствием дискриминации. Итальянцы наряду с мигрантами из других частей Европы (Австро-Венгрии, России, Польши) составляли заметную долю в переселенческом потоке конца XIX—начала XX в. (в отличие от миграции периода гражданской войны, когда большинство переселенцев приезжало в США из Германии, Англии и Ирландии).³¹ Их адаптации и аккультурации посвящено значительное число исследований, некоторые из них, как и упомянутое исследование В. Уайта, основаны на сборе полевых этносоциологических данных.³²

Итальянские гетто — «маленькие Италии» — это районы, очень «иностранные» даже по внешнему виду, районы, соседство с которыми оценивается как опасное. Попытки некоторых итальянцев держаться как американцы вызывает лишь удивление, так как существующее общественное мнение не допускает возможности ассимиляции. Итальянец «может купить самый большой мраморный дворец» в привилегированном районе города — «он все равно останется социальным нулем».³³ Так же изолированы и мексиканцы; их социальные «низы» отличаются от социальных «низов» итальянцев лишь в иерархии преступного мира: «Если мексиканец совершает преступление, то обычно это мелкая кража, а не крупное воровство или убийство, как у итальянцев».³⁴

Другие белые иммигранты из Европы — шведы,³⁵ немцы,³⁶ евреи, голландцы,³⁷ ирландцы, норвежцы, армяне, славяне разных

³¹ Берзина М. Я. Этнический состав населения США: Краткий историко-статистический обзор. — В кн.: Национальные процессы в США. М., 1973, с. 39; Богина Ш. А. Иммигранты в США. М., 1965; см. также: США глазами американских социологов. М., 1982, с. 135—167.

³² Child I. L. Italian or American? The second generation in conflict. London, 1943; Gans H. I. The urban villages: Group and Class in the Life of Italian-Americans. N. Y., 1965; Lopreato I. Italian Americans. N. Y., 1970.

³³ Coleman R. P., Neugarten B. Z. Social status in the city, p. 24.

³⁴ Ibid., p. 25.

³⁵ Beijbom U. Swedes in Chicago: A demographie and social study in 1846—1880 Immigration. Vaxjö (Sweden), 1971.

³⁶ Friedmann W. German immigration into Canada. Toronto, 1952.

³⁷ Cavelaars A. Integration of a group of Dutch settlers in British Columbia. — Intern. migration. Geneva, 1967, vol. 5, N 1.

этнических групп и др. — также испытывают специфические трудности в адаптации к городской среде в США и Канаде.³⁸ Как правило, при переселении (в первой половине XX в.) у них происходила смена сельскохозяйственного труда на промышленный,³⁹ а также «вступление в контакт с непривычно анонимной, разобщенной на классовые, сословные и этнические группы городской средой, выживание в условиях нещадной эксплуатации, бедности и унижений».⁴⁰

Как показывают данные американских переписей, именно переселенцы из Европы и их потомки составляют значительную часть американского рабочего класса, причем 50 % итальянцев, 49 % поляков и 44 % ирландцев, проживающих в США, относятся к категории рабочих, занятых физическим трудом.⁴¹ Такова этносоциальная структура этнодисперсных групп в американских городах, как ее описывают буржуазные социологи.

В исследовательском и прикладном аспектах зарубежные, прежде всего американские этнологи и социологи выделяют в качестве важнейших следующие проблемы этнографии города: сегрегация национальных меньшинств, социально-стратификационное зонирование городского расселения, взаимоотношения муниципальных властей и владельцев предприятий и т. д.⁴² Эти явления реально имеют место в капиталистическом городе, и они определяют специфику тематики западных исследований. В советских городах снята проблема пространственного обособления разных классовых или этнических групп (отсутствуют кварталы богачей, трущобы бедноты, гетто этнических меньшинств) и, таким образом, не актуальна соответствующая исследовательская проблематика.

Важным разделом этнографии городов разных типов выступает исследование бытовой культуры горожан и самих особенностей городского образа жизни, описанных представителями чикагской школы социальной экологии.⁴³ Они отмечают такие универсальные черты «урбанизма как образа жизни»: регламентирование времени труда и отдыха и их пространственное разделение; автономизация от соседско-родственного контроля; анонимность личной жизни горожанина; распространение деперсонализированного «ролевого» общения (по типу «продавец—покупатель»).

³⁸ Национальные процессы в США. М., 1973; Национальные проблемы Канады. М., 1972.

³⁹ *Ericson Ch.* American industry and the European immigrant: 1860—1885. Cambridge (Mass.), 1957.

⁴⁰ США глазами американских социологов, с. 135.

⁴¹ *Divided Society: The ethnic experience in America.* N. Y., 1974; *White ethnics: their life in working class of America.* Englewood cliffs, 1973, p. 21.

⁴² *Walton J.* Cities in Change. Boston, 1977; *Schnare and Duncan.* The Dynamics of Neighbourhood Change. — *Urban Stud.*, 1978, october, vol. 15, N 3; *Pahl R.* *Whose City?* London, 1975.

⁴³ См. работы Л. Вирта, Р. Парка, С. Либерсона и др., напр.: *Park R. E.* *Human Communities: The city and human ecology.* Glencoe, 1952; *Wirth L.* *On city and social life.* Chicago; London, 1964.

⁴⁴ *Wirth L.* *Urbanism as a way of life.* — In: *Wirth L.* *On cities and social life,* p. 60—82.

К сфере этнографии города относятся и исследования, посвященные этническому составу населения городов разных типов, взаимному влиянию городских и сельских поведенческих стереотипов, бытовым формам повседневной жизнедеятельности горожан и трансформации этничности в ходе освоения городского образа жизни.

Понятие «этничности» становится одним из ключевых при рассмотрении сохранности этнокультурного своеобразия разных групп современного городского населения (хотя в работах зарубежных авторов с этим термином не всегда ассоциируется одинаковое содержание).⁴⁵ О большом числе публикаций, посвященных этничности и ее эмпирическим референтам, свидетельствует издание в 1981 г. «Библиографического указателя литературы по этничности и национальности».⁴⁶

В течение нескольких десятилетий многие американские исследователи разделяли концепцию «плавильного котла» (*melting pot*), согласно которой господствующим процессом среди иммигрантов разного происхождения является утрата собственной этничности и обретение некоторых общенациональных этнокультурных черт, вобравших в себя основные составляющие элементы исходных этносов.⁴⁷

Важнейшим механизмом этой этнокультурной гомогенизации считаются национально-смешанные браки, хотя дети, родившиеся в гетероэтнических семьях, нередко стремятся сохранить и продолжить этническую линию одного из предков (отца, матери, одного из дедушек или бабушек), что сказывается на их предпочтениях, когда наступает их очередь выбирать себе брачного партнера.⁴⁸

Этносоциологические публикации последних лет нередко базируются на другой трактовке путей изменения этничности — на концепции плюралистической интеграции, согласно которой ассимиляция затрагивает главным образом суперэтнические черты, а наиболее устойчивые элементы этничности (прежде всего этническое самосознание) сохраняются или даже возрождаются у потомков мигрантов («ревитализация»)⁴⁹ Американцы говорят по этому поводу: «Мы полагали, что у нас варится суп, а получился салат».

⁴⁵ Обзор концепций этничности см., например, в работе: *Peterson W.* *Concepts of Ethnicity.* Cambridge; London, 1982.

⁴⁶ *Bentley G. C.* *Ethnicity and nationality: A bibliographic guide.* Seattle, 1981, vol. XXII.

⁴⁷ *Glazer N., Moynihan D. P.* *Beyond the Melting Pot: The Negroes, Puerto-Ricans, Jews, Italians and Irish of New York City.* Cambr. (Mass.), 1963; *Liberson St.* *Unhyphenated whites in United States.* — *Ethnic and Racial Stud.*, 1985, january, vol. 8, N 1, p. 159—180.

⁴⁸ *Liberson St., Waters M.* *Ethnic mixtures in the United States.* — *Sociology and social Res.*, 1985, october, vol. 70, N 1.

⁴⁹ *Jablour A.* *Ethnicity American style: Selecting symbols of interlocking identity.* Washington, 1981; *Morris R. A.* *Ethnic presence, preservation and change in a multi-ethnic local environment.* Univ. of Oregon, 1985.

Эмпирические исследования, выполненные на методологической основе концепции этнокультурного плюрализма, регулярно освещаются в «Американском социологическом ревю», журналах «Американский этнолог», «Американский антрополог», «Городская жизнь (этнографическое изучение)»⁵⁰ и других периодических изданиях США и Европы. Но подробный обзор этих работ не входит в нашу задачу, поскольку, как правило, данные западных эмпирических исследований несопоставимы с нашими материалами, отражающими иные социальные условия развития этнических групп в городском населении.

Наше этносоциологическое исследование выполнено на ленинградском материале. Город с четырехмиллионным населением, развитой промышленной и научно-технической центром, крупнейший порт, город уникальных музеев и архитектурных ансамблей, занимает особое место в хозяйственной и культурной жизни страны. Город такого масштаба неизбежно является не только «генератором» и распространителем образцов научно-технического прогресса, но также центром, в котором формируются ценности интернациональной культуры, общезначимые стереотипы образа жизни, тенденции этнических процессов.

«Именно в городской среде . . . только и могут сформироваться в массовом масштабе культурно-личностные свойства, соответствующие требованиям, предъявляемым производством в условиях научно-технической революции и всем строяем социалистических общественных отношений».⁵¹

Ленинград в отличие от Москвы, занимающей центральное географическое положение на территории расселения русского народа, расположен вблизи этнических границ и при самом своем основании олицетворял идею «окна в Европу». В населении новой столицы русские всегда составляли большинство (82—83 % во второй половине XIX—начале XX в.,⁵² около 89 % — в наше время), и Ленинград обычно считается городом русским. Издревле земли, ставшие впоследствии территорией и окрестностями Петербурга, были заселены, помимо других народов (главным образом финно-угорских), русскими и входили в состав Водской пятины Великого Новгорода.

⁵⁰ Журнал выходил в Сан-Франциско до 1979 г.

⁵¹ Развитие рабочего класса в социалистическом обществе: Интернациональные особенности / Под ред. Т. Т. Тимофеева, Л. А. Гордона, Э. В. Клопова. М., 1982, с. 426—427. Подробнее о роли крупного города в этих процессах см.: Город: Проблемы социального развития. Л., 1982. О народнохозяйственном комплексе и культурном развитии Ленинграда см. статистические сборники: Ленинград в восьмой пятилетке (1966—1970): Историко-социальный очерк. Л., 1979; Ленинград и Ленинградская область в цифрах. Л., 1974; Народное хозяйство Ленинграда и Ленинградской области в 10 пятилетке. Л., 1981; см. также: Ленинград: Историко-географический атлас. М., 1977, и др.

⁵² Юхнёва Н. В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Л., 1984, с. 24, табл. 1. Далее мы пользуемся материалами главы I («Многоязычный характер населения Российской столицы») этой книги.

Начиная со второй половины XIX в. доля русских в населении Петербурга практически не менялась, тогда как состав нерусского населения и размеры этнических групп в нем изменялись значительно. В первые десятилетия существования города иноэтничный элемент был представлен почти исключительно иностранцами, доля которых составляла 6—8 % (из 95 тыс. общего населения в середине XVIII в.).⁵³ Это были главным образом немцы, шведы, французы, англичане, подданные Австро-Венгрии, Швейцарии, Италии и др.

В начале XIX в., кроме русских и иностранцев, среди жителей столицы стал появляться третий компонент — представители национальностей, населявших многонациональную Российскую империю, и доля этих переселенцев быстро росла, особенно во второй половине прошлого века, в связи с отменой крепостного права и развитием капитализма. Окрестные, или «петербургские», финны, жившие на будущей территории города еще до его основания, появились в столице в числе первых нерусских российских переселенцев. Они везли в Петербург товары и продукты новым помещикам и для продажи, а также нанимались в извоз. Среди других нерусских народов в наибольшей близости к новой столице жили эстонцы (эсты). Небольшая группа эстонцев и латышей крестьянского происхождения сформировалась в Петербурге в конце XVIII в. благодаря военной службе (при Екатерине II рекрутская повинность была распространена и на прибалтийских крестьян). После службы часть из них оставалась в столице. По некоторым данным, в 1818 г. в Петербурге было 1600 латышей и эстонцев,⁵⁴ тогда же здесь возникают, помимо финской, эстонская и латышская лютеранские общины. После расширения прав крестьян на передвижение (паспортная реформа 1863 г.) и аграрных реформ в Прибалтике численность эстонцев и латышей в Петербурге стала быстро расти.

В 1815 г. в состав России вошло Царство Польское (а земли белорусов, украинцев, литовцев — еще ранее, в результате разделов Польши в XVIII в.). В Петербурге появились чиновники, офицеры, студенты польской национальности — в основном выходцы из высших слоев. Польские и литовские крестьяне стали приезжать в Петербург позднее — к концу века.

Белорусы стали прибывать в Петербург в заметном количестве только в пореформенное время, и в основном из ближней к Петербургу Витебской губ. Их доля в населении столицы была гораздо выше доли украинцев. Очевидно, на эмиграции последних сказывались расстояние и притяжение других развивающихся регионов — Новороссии, Донецкого бассейна, а также растущих Киева и Одессы.

В этот же период начинается миграция из Западного края евреев, пребывание которых вне черты оседлости было строго

⁵³ Очерки истории Ленинграда. М.; Л., 1955, т. 1, с. 103.

⁵⁴ Там же, с. 509.

ограничено. Поэтому доля евреев (как правило, фабрикантов и ремесленников) в населении Петербурга вплоть до конца века была незначительной, и только к 1910 г. их численность достигает 35 тыс.

Татары составляли малочисленную и медленно растущую группу в населении Петербурга, однако их отличала давняя традиция жизни в инонациональных городах при замкнутости этнической микросреды.

Структурные изменения нерусского населения Петербурга за 40 лет показывают данные городских переписей (производились в 1869, 1881, 1890, 1900, 1910 гг.; табл. 1).

За 40 лет возросла мозаичность нерусской части населения Петербурга. «В 1869 г. было четыре группы, составлявшие во всем населении свыше 1 %: немцы, финны со шведами, поляки с литовцами и евреи. К 1910 г. таких групп стало семь — добавились белорусы, эстонцы, латыши. Кроме того, сильно изменились соотношение и удельный вес разных этнических групп. Если в 1869 г. преобладал (среди мигрантов, — Г. С.) немецко-финский компонент, то в 1910 г. первенствующее место занял славянский».⁵⁵ Этническая пестрота населения дополнялась языковой⁵⁶ и конфессиональной его неоднородностью (в городе действовали храмы более чем десяти вероисповеданий); кроме того, существовали жесткие социально-сословные барьеры.

Социально-исторические изменения, происшедшие в результате победы социалистической революции и последующего переустройства общества, существенно изменили структуру населения страны и ее городов, привели к ломке прежних сословных барьеров, ликвидировали прежние привилегированные классы. Индустриализация страны и тесно связанная с ней культурная революция привлекли в город новые слои сельского населения и жителей малых городов.

Большие потери в населении Петрограда были связаны с первой мировой и гражданской войнами. Так, к 1921 г. из двухмиллионного населения в городе оставалось лишь около семисот тысяч.⁵⁷ Известно, какие людские потери понес Ленинград в годы Великой Отечественной войны и героической обороны в период 900-дневной блокады: довоенная численность городского населения была восстановлена лишь к началу 60-х годов, что зафиксировано в материалах переписи населения 1959 г. При колебаниях численности населения ее восстановление в значительной мере шло за счет мигрантов из разных районов страны. Эти социальные и демографические процессы не могли не сказаться и на соотношении этнических компонентов в структуре городского населения.

⁵⁵ Юхнёва Н. В. Этнический состав. . . , с. 33.

⁵⁶ Русскоязычные нерусские петербуржцы и представители славянских народов вместе составляли в 1869 г. 16 %, в 1910 г. — 55 % всех нерусских жителей Петербурга (Юхнёва Н. В. Этнический состав. . . , с. 35), что говорит о недостаточном широком распространении русского языка среди нерусского населения.

⁵⁷ Козлов В. И. Национальности СССР. М., 1975, с. 78.

Т а б л и ц а 1

Этнический состав населения Петербурга

Этническая группа	1869		1910	
	тыс. человек	%	тыс. человек	%
Русские	555.0	83.2	1568.0	82.3
Белорусы	3.0	0.4	70.0	3.7
Украинцы	0.5	0.1	17.0	0.9
Евреи	6.7	1.0	35.1	1.8
Эстонцы	4.0	0.6	23.4	1.2
Латыши	2.8	0.4	18.5	1.0
Финны	18.0	2.7	18.0	0.9
Шведы	5.1	0.8	3.0	0.2
Поляки	14.4	2.2	65.0	3.4
Литовцы	0.6	0.1	11.5	0.6
Немцы	45.6	6.8	47.4	2.5
Французы	3.1	0.5	3.7	0.2
Англичане	2.1	0.3	2.2	0.1
Татары	2.0	0.3	7.3	0.4
Прочие	4.2	0.6	17.8	1.1
Все население	667.2	100.0	1905.6	100.0

И с т о ч н и к и: Санктпетербург по переписи 10 декабря 1869 г. Спб., 1872, вып. 1, 2; 1875, вып. 3; Петроград по переписи 15 декабря 1910 г. Спб., б. г., ч. 1, 2, вып. 1. Цит. по: Юхнёва Н. В. Этнический состав. . . , с. 24, табл. 1 (с сокращениями).

Наиболее крупные этнодисперсные группы (всего их свыше ста) по данным трех последних переписей населения представлены в табл. 2.

Уже первое знакомство с динамикой изменения численности этнических групп в населении города приводит к выводу, что тенденции их этнического развития различны. Некоторые группы растут быстро, другие — медленнее. Так, русские каждое десятилетие увеличивали свою численность примерно на полмиллиона, т. е. на 16—17 % от их общей численности (или одну шестую). Почти вдвое увеличили за 20 лет между переписями 1959 и 1979 гг. свою численность украинцы, белорусы, финны, армяне, грузины, а число чувашей выросло более чем втрое. Из малочисленных прежде в заметные группы превратились карелы и азербайджанцы. Другие этнодисперсные группы хотя и росли, но медленно — это литовцы, татары. Существенный скачок в росте татарской группы, очевидно, приходится на послереволюционный и предвоенный периоды (20-е—30-е годы), а в XIX и второй половине XX в. их численность в городе увеличивалась постепенно.

Отнести целиком увеличение численности растущих групп на счет естественного прироста нет оснований, поскольку рождаемость в больших городах невысока. Коэффициент рождаемости по Ленинграду с середины 70-х годов по настоящее время составляет около 13.5 на тысячу жителей, а естественный прирост снизился с 3.6 в 60-е годы до 2.1 на тысячу жителей к концу

Таблица 2

Национальный состав населения Ленинграда

	1959		1970		1979	
	тыс. человек	лица, считающие родным язык своей национальности, %	тыс. человек	лица, считающие родным язык своей национальности, %	тыс. человек	лица, считающие родным язык своей национальности, %
Все население	3339.7	91.5	3986.8	91.8	4569	92.4
Русские	2968.3	99.9	3548.1	99.9	4098	100.0
Украинцы	68.7	30.2	98.1	31.5	117	31.2
Белорусы	47.3	27.2	64.6	28.6	82	29.9
Эстонцы	7.4	26.0	6.9	25.4	6	22.4
Латыши	4.6	31.1	4.3	32.5	4	32.7
Литовцы	2.7	41.4	3.3	53.8	—	—
Евреи	168.7	8.6	162.9	5.2	143	4.4
Татары	27.3	70.1	33.1	56.1	39	54.4
Поляки	11.7	9.2	10.9	10.8	10	9.3
Финны	3.1	32.3	4.4	27.7	6	23.0
Армяне	4.9	32.2	6.6	34.6	8	34.4
Грузины	1.9	58.3	3.8	62.7	4	57.9
Чуваши	1.8	48.4	3.5	49.7	6	50.6
Карелы	—	—	—	—	3	25.4
Азербайджанцы	—	—	—	—	3	67.4
Другие национальности	21.3	60.0	36.3	59.9	36	50.1

Источники: Статистические сборники: Ленинград и Ленинградская область в цифрах. Л., 1974, с. 19; Народное хозяйство Ленинграда и Ленинградской области в 10 пятилетке. Л., 1981, с. 24—25.

Примечание. Данные перегруппированы; прочерк означает, что по группе не приведено сведений.

70-х годов и остается на этом уровне⁵⁸ (хотя, конечно, возможны вариации уровня рождаемости у разных этнических групп). Если условно принять средний прирост (около 2 человек на тысячу) за фактический, то численность русских выросла бы между последними переписями всего на 65—70 тыс. человек, украинцев — на 2 тыс., татар — на 700 человек, армян — на 130 и т. д. Реальный же рост этих групп, как и населения в целом, был много больше; следовательно, главным его источником служил приток мигрантов.

Некоторые группы численно стабильны на протяжении 20 лет. Это латыши, литовцы (вероятно, их численность несколько упала к 1979 г. против 1970 г.).

И, наконец, три этнодисперсные группы показывают уменьшение численности: эстонцы (на одну пятую за 20 лет), евреи (на одну шестую), поляки (также примерно на одну шестую). Отток населения из крупнейших городов РСФСР в другие местности нехарактерен, поэтому представляется, что главной причиной уменьшения этих групп является естественная ассимиляция.

⁵⁸ Народное хозяйство Ленинграда и Ленинградской области в 10 пятилетке, с. 27.

Об этом, в частности, свидетельствует прослеживаемая взаимосвязь изменения численности разных групп и изменения внутри них доли лиц, считающих родным язык своей национальности. Уменьшение доли таких лиц говорит о языковой ассимиляции — важном этапе ассимиляции этнической.

Эстонцы, евреи и поляки, живущие в Ленинграде, уже в 1959 г. в подавляющем большинстве не считали язык своей национальности родным — родным для них стал русский язык, что свидетельствует о большой доле в этих группах уроженцев города (т. е. потомков мигрантов, а не самих мигрантов). Доля лиц, признающих родным язык своей национальности в этих группах, снижалась и к началу 80-х годов составила 22.4 % у эстонцев, 4.4 % у евреев, 9.3 % у поляков.

Те этнодисперсные группы, численность которых за рассматриваемый период выросла, демонстрируют несколько иные языковые тенденции: стабилизацию доли лиц, не ассимилированных в языковом отношении (например, украинцы) или даже некоторый рост этой доли (особенно характерный для белорусов, армян, чувашей). Стабильной численности латышской группы соответствует постоянство количества лиц, считающих родным латышский язык. Быстрый рост грузинской группы в 60-е годы сопровождался заметным ростом доли лиц в этой группе, считающих родным грузинский язык; снижение темпа роста грузинской группы в 70-е годы коррелирует с уменьшением таких лиц. Вероятно, распространение признания языка своей национальности в качестве родного свидетельствует о развитии национальной культуры в соответствующей республике, которое в свою очередь ведет к расширению базы этнического самосознания мигрантов, а также тех людей, которые давно оторвались от своего «этнического ядра».

Несколько особую картину отмеченных связей демонстрируют финны и татары: рост численности этих групп сопровождается снижением количества людей, считающих родным соответствующий язык. Но это старейшие группы нерусского населения города, сформировавшиеся здесь давно, и, по-видимому, их представители сохраняют свое этническое самосознание⁵⁹ за счет каких-то других, внелингвистических элементов этничности.

Согласно данным последней переписи населения, подавляющее большинство нерусского населения Ленинграда свободно владеет русским языком (от 93.9 % грузин до 99.2 % евреев),⁶⁰ что позволяет говорить о развитом билингвизме у тех представителей этнодисперсных групп, которые считают родным язык своей национальности или хотя бы владеют им.

Знание русского языка естественно для уроженцев Ленинграда. Для мигрантов же оно является важным фактором принятия

⁵⁹ Как известно, национальная принадлежность в практике переписей населения в нашей стране определяется по этническому самосознанию.

⁶⁰ Народное хозяйство Ленинграда и Ленинградской области в 10 пятилетке. ..., с. 24—25.

решения о переселении. Это было показано в исследовании В.И. Переведенцева о влиянии этнических факторов на миграцию населения. Он сопоставил данные об интенсивности миграций коренного населения союзных республик с данными Всесоюзной переписи населения 1959 г. о доле лиц коренной национальности (по республикам), не считающих язык своей национальности родным. Оказалось, что эти пропорции совпадают почти идеально. Так, интенсивность миграции украинцев (в пропорции к русским) — 11 %, а доля украинцев, не говорящих на родном языке, — 12.3 %; для белорусов соответственно 15 % против 15.8 %; для народов Закавказья — 5 % против 4.6 %; для народов Средней Азии около 1 % против 1.5 %; для народов Прибалтики 4 % против 3.5 %.⁶¹ Отсюда можно заключить, что в этнодисперсных группах населения русского города велика доля мигрантов (даже в первом поколении), для которых родным является русский язык; процесс языковой ассимиляции мог начаться еще в исходной этнической среде.

Анализ данных переписей населения, проводившихся в последние десятилетия, показывает, что этнокультурные процессы в разных этнодисперсных группах ленинградского населения неодинаковы. Это происходит оттого, что они обусловлены не только конкретной городской средой, но и другими факторами: эти различия зависят от истории формирования групп, от соотношения в них мигрантов и их потомков, от этносоциальных процессов, идущих на основных этнических территориях представленных в городе этносов, а также от степени близости или различия контактирующих этнических языков, культур, исходных регионов, откуда шла миграция. Поэтому особый интерес представляет сопоставление тех групп, в которых реализуются разные тенденции. На наш взгляд, важно было бы также изучить группы, отличные от основного населения региона (и его центра) по языковой и антропологической принадлежности, по культурным традициям, по господствовавшей в прошлом религии. Этническая специфика скорее может проявиться в группах горожан неславянского происхождения, поскольку славянские группы, очень близкие по языку и культуре к русским, быстро сливаются с основной массой русского населения города. Существенным также представлялось выбрать для изучения те этнодисперсные группы, в которых национальный язык еще не утратил своих функций и сохраняется хотя бы у части людей в качестве родного или разговорного.

В населении Ленинграда крупнейшими этническими группами неславянского происхождения, удовлетворяющими этим требованиям, являются армяне, татары и эстонцы. Все они имеют полутора-двухвековую историю проживания в Петербурге—Ленинграде, но представляют разные тенденции: быстрый количе-

⁶¹ Переведенцев В. И. О моделировании миграции населения. — В кн.: Количественные методы в социологии. М., 1966, с. 275.

ственный рост в последние годы (армяне), значительную миграцию в прошлом при относительно медленном дальнейшем приросте (татары) и, наконец, «плавное» уменьшение численности (эстонцы). Избранные в качестве объекта исследования этнодисперсные группы, кроме того, представляют отделившиеся части народов, чьи этнические территории лежат в далеких друг от друга регионах (Прибалтика, Поволжье, Закавказье), а языки относятся к разным семьям (финно-угорской, тюркской, индоевропейской). Конфессиональные традиции, во многом определявшие в прошлом культуру и быт этих народов, тоже различны (связаны с исламом, лютеранством и григорианским христианством). Столь разнородные по исходным этнокультурным характеристикам группы должны адаптироваться к новым условиям по-разному — тем важнее проследить процесс сближения их образа жизни в современном советском городе.

Предметом исследования выбранных таким образом объектов послужили:

- характеристики социально-демографической и социально-профессиональной структур этнодисперсных групп;
- особенности образа жизни и его этнокультурная специфика в семейно-бытовой сфере у армян, татар, эстонцев;
- характер проявления этнического сознания и этнокультурных ориентаций; определение степени сохранности традиционной этнической культуры, элементов обрядности, языка, этничности в целом.

В конечном счете изучение всех этих явлений позволит судить о тенденциях этнических процессов в многонациональной среде населения современного крупного советского города.

Выявлению специфики влияния городской иноэтнической среды на ход этнокультурных процессов способствует их сравнение с аналогичными явлениями в моноэтнической среде — т. е. в городах на основной этнической территории соответствующих народов. Главное внимание здесь должно быть уделено формам существования этничности, получающим наибольшее распространение в крупнейших городах национально-государственных образований армян, эстонцев, татар, т. е. в Ереване, Таллине, Казани. Эти урбанистические центры располагают современными народно-хозяйственными комплексами, в них расположены крупнейшие передовые предприятия разного профиля, для них характерен высокий социальный потенциал населения (прежде всего, проявляющийся в его профессионально-квалификационных характеристиках), и они вполне сопоставимы с Ленинградом по ряду социально-экономических параметров.

Кроме того, эти города являются столицами национальных республик, т. е. главными центрами концентрации и распространения профессиональных форм соответствующих этнических культур.

Сравнение материалов этносоциологического исследования этнодисперсных групп и исследований по всему этническому

массиву позволяет проанализировать особенности социально-экономического развития этноса не только в пределах его основной этнической территории, но и в зоне дисперсного расселения. Одной из предпосылок применения сравнения в нашем исследовании служило предположение о том, что оно позволит выявить различия в степени устойчивости отдельных культурных элементов в этнически однородной, компактной среде, с одной стороны, и в условиях дисперсного расселения и иноэтнического окружения — с другой.

Можно предположить, что различия в функционировании элементов этнически специфической культуры обусловлены двумя важнейшими факторами: а) воздействием национальной культуры профессионального слоя, развитой в городах соответствующих союзных и автономных республик и менее представленной в русском городе; б) влиянием инонациональной среды на этническое сознание членов этнодисперсной группы, от которого в свою очередь в большей степени зависят особенности повседневного поведения и черты образа жизни в бытовой сфере.

Единственным источником предварительной информации служили уже приведенные данные переписей населения — сведения о численности той или иной группы и о доле лиц, считающих родным язык своей национальности. Помимо того что интервалы между переписями достаточно велики и собранные материалы позволяют проследить лишь крупномасштабные тенденции этнических процессов, переписные сведения не всегда соответствуют потребностям этнографического или этносоциологического исследования. Так, материалы переписей населения не позволяют судить о местах выхода переселенцев, об их самоотнесении с той или иной этнографической группой и т. д. Для восполнения недостающей информации в Ленинграде был предпринят выборочный этносоциологический опрос армян, татар, эстонцев.

В городах Эстонии, Татарии, Армении за последние годы был также проведен ряд этносоциологических исследований, материалы которых (там, где сопоставимы исследовательские программы) могут быть привлечены в качестве сравнительных по отношению к материалам этносоциологического исследования армян, татар, эстонцев в Ленинграде. Исследования в этих республиках проводились в рамках всесоюзной научной программы «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций в СССР»,⁶² разработанной в секторе конкретно-социологических исследований Института этнографии АН СССР.

Эстонские материалы обобщены в монографии «Социологические очерки о Советской Эстонии», вышедшей в Таллине в 1979 г. (руководители исследования — Ю. В. Арутюнян и Ю. Кахк). По материалам исследования населения Еревана (руководители

⁶² О программе этого исследования см.: Арутюнян Ю. В. Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР. — СЭ, 1972, № 3.

Ю. В. Арутюнян и Э. Т. Карапетян) опубликована коллективная монография «Население Еревана. Этносоциологические исследования» (Ереван, 1986).

Обширные материалы этносоциологических исследований собраны в городах Татарской АССР в 1967, 1974, 1983 гг. Они позволяют сопоставить направление и особенности этносоциальных процессов в городах разных типов в динамике.⁶³ По объему полученной информации и широте программных задач этносоциологические исследования в ТАССР являются исключительными; достаточно отметить, что только в городах было опрошено методом стандартизированного интервью каждый раз свыше 6 тыс. человек. Хотя главным объектом сравнения служит для нас татарская группа населения Казани, сравнительное исследование проводилось еще в двух городах ТАССР: Альметьевске и Мензелинске. При их выборе учитывалось то обстоятельство, что разные типы городов (крупный промышленный и культурный центр, столица республики; молодой, интенсивно развивающийся город среднего размера; малый город со стабильным хозяйственным профилем) могут быть интерпретированы как стадийно различные (промежуточные), но последовательные ступени развития городского образа жизни.

Основные гипотезы ленинградского исследования формулировались в соответствии с очерченной выше предметной областью урбанэтнографии и касались социально-демографической и социально-профессиональной структуры, содержания этнического сознания членов этнодисперсных групп, их семейно-бытового поведения.

Так, мы предположили, что элементы материальной культуры в этнодисперсной группе ближе к доминирующему в большом русском городе набору предметов, нежели в городах национальных республик, а также что в процессе этнокультурной трансформации именно они подвергаются изменениям в первую очередь.

Далее, мы исходили из допущения, что социально-демографическая структура этнодисперсной группы должна сохранять отпечаток традиционной для изучаемых народов системы естественного воспроизводства (чаще будут встречаться трехпоколенные многодетные семьи, реже — типичные для Ленинграда двухпоколенные нуклеарные семьи с одним ребенком и т. д.).

Важнейшее место в числе этносоциальных показателей занимает социально-профессиональная структура, тесно связанная с образовательным уровнем. Вероятно, она должна развиваться под влиянием разнородных противоречивых тенденций. Сдержи-

⁶³ Результаты исследования 1967 г. обобщены в монографии: Социальное и национальное: Опыт этносоциологических исследований / Под ред. Ю. В. Арутюняна, Л. М. Дробижевой, О. И. Шкаратана. М., 1973. Этносоциологические исследования 1974 и 1983 гг. (руководитель О. И. Шкаратан) являются интервальными, повторными по отношению к первому. Автор принимала участие в одном из них, используя расширенный опросник по своей программе. См.: Этносоциальные проблемы города. М., 1986, ч. III.

вающее влияние языкового барьера на рост образовательного уровня может быть компенсировано другими факторами, стимулирующими ускоренную социальную мобильность членов этнодисперсной группы: влиянием крупного промышленного и культурного центра, широким диапазоном выбора мест учебы, профессиональной деятельности, наконец, «престижностью» образования в новой среде и т. д.

Далее, предполагалось, что затрудненность культурного потребления, ориентированного на национальную культуру профессионального слоя, в иноэтнической среде может продуцировать две тенденции: усиление ассимиляционной установки у мигрантов, переориентацию на русскую и интернациональную культуру или некоторое оживление национальных форм традиционной духовной культуры (непрофессиональных, например обрядовой жизни).

Кроме того, не все мигранты в равной мере готовы к восприятию новых форм образа жизни, новой этнокультурной информации.

Многочисленные исследования эффективности средств массовой коммуникации показали, что информационное взаимодействие социальной микросреды и личности опосредовано микросредой непосредственного общения, которая выступает как «ретранслятор» массовой информации.⁶⁴

Усвоение норм и требований общества, окружающей социальной макросреды зависит от содержания коммуникации с другими людьми, с ближайшим окружением. Очень важно, чтобы микросреда общения не создавала информационного барьера, чтобы ее установки не вступали в противоречие с содержанием массовой коммуникации.

Информационные связи в современном городе становятся все более универсальными и разнообразными, они попадают в зависимость от большого числа референтов, с которыми соотносится в своем информационном потреблении личность. В результате вокруг каждого отдельного человека «возникают относительно замкнутые информационные системы, призванные обслуживать этого человека и людей, принадлежащих к кругу его непосредственного общения. Диалог с бесконечной культурой сочетается с использованием вполне конечных, дискретных хранилищ информации, владельцами и пользователями которых являются малые группы».⁶⁵

Естественные трудности этнокультурной адаптации иноэтнических переселенцев могут усугубиться и тем, что средства массовой коммуникации в новой среде не приспособлены к их специфическим нуждам, ориентированы на информационное обслуживание преобладающего большинства населения. Для части мигрантов

⁶⁴ Социологические проблемы общественного мнения и деятельность средств массовой информации. М., 1979; Лосенков В. А. Социальная информация в жизни городского населения. Л., 1983, с. 60.

⁶⁵ Яницкий О. Н. Социально-информационные процессы в обществе и урбанизация. — В кн.: Урбанизация, научно-техническая революция и рабочий класс. М., 1972, с. 42.

(особенно менее образованных, не вполне свободно владеющих всеми формами языка межнационального общения) в этих условиях может повыситься значение родственных и земляческих каналов коммуникации. Этнодисперсная группа (или ее часть) для этих переселенцев может выполнять роль референтной группы.

Кроме того, «растущее культурное сходство не снижает внутренней национальной солидарности и интенсивности национальных чувств. В зависимости от этапа культурного развития действуют различные механизмы, способствующие сохранению и упрочению национальной солидарности».⁶⁶

В частности, все более значимую этноконсолидирующую роль приобретает духовная культура профессионального слоя (в ряду других символов этнической идентификации), в то время как развитие и выработка новых национальных форм в бытовой сфере этнодисперсной группы, оторвавшейся от этнического ядра, сильно затруднены. Расширение базы этнического сознания членов этнодисперсной группы может происходить за счет временной «консервации» старых традиционных культурных форм, иногда, как уже отмечалось выше, даже более архаичных, чем в основном ареале расселения. Вероятно, такая консервация может приводить лишь к стагнации этих форм (а не к развитию) и последующей их утрате в ходе ассимиляционного процесса.

Структура этнического сознания и сами его компоненты, вероятно, также могут претерпевать изменения у членов этнодисперсной группы, так как эти компоненты обладают разной подвижностью и разной относительной ценностью в качестве символов этнической идентификации.

Этническое самосознание в иноэтнической среде, на наш взгляд, может проявляться в следующих процессах: тяготение к сфере неформального общения с представителями своей национальности; специфическая направленность «социальной перцепции»; проявление внимания к людям близкого антропологического типа, стремление узнавать в незнакомых людях представителей своей национальности; усиление интереса к истории своего народа, к национальной культуре, иногда связанное с некоторым оживлением семейной и календарной традиционной обрядности и др.⁶⁷

Вероятно, структура и эмпирические референты этнического сознания существенным образом будут зависеть от социального статуса носителей этнических свойств — этнофоров, в первую очередь — от уровня их образования. Однако применительно к нашему объекту у нас нет оснований предполагать, что повышение социального статуса, как правило, приведет к ослаблению приверженности национальным ценностям, национальным формам быта и культуры. По-видимому, взаимосвязь социального статуса и национально-культурных ориентаций является многофакторной

⁶⁶ Арутюнян Ю. В. Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР. — СЭ, 1972, № 3, с. 7.

⁶⁷ См. Приложение — опросную анкету.

и зависит, помимо прочего, как от этнической ситуации, в которой осуществляется культурное потребление, так и от меры развития конкретного национального фонда культуры, от соотношения в нем профессиональных и фольклорно-бытовых форм. Как отмечалось в литературе, профессиональные формы национальной культуры обладают большей «проникающей способностью» в иноэтническую среду, нежели фольклорные формы.⁶⁸

Если попытаться определить критерий оптимальности социально-культурных этнических процессов, то, на наш взгляд, следует признать правомерной точку зрения, выработанную в ряде программных документов этносоциологических исследований. Согласно этой позиции, полная замена одной культурной ориентации другой не может считаться оптимальным вариантом. «Оптимальным является абсолютное расширение культурного диапазона индивида, освоение мирового фонда культуры при сохранении прогрессивных элементов собственной культуры».⁶⁹ Принимая такую позицию, отметим, однако, что установка на естественную ассимиляцию, по-видимому, тесно коррелирующая с осуществлением самого акта добровольной миграции в иноэтническую среду, может снижать значение элементов собственной национальной культуры для этнофора.

В ходе исследования, помимо проверки названных гипотез, предполагалось также изучить и описать некоторые черты распространения билингвизма, специфику семейно-бытового уклада армянских, эстонских, татарских и смешанных семей, факторы национального самоопределения подростков в таких семьях и другие, ставшие уже традиционными в этносоциологических исследованиях коренного городского населения, проблемы.

Основным источником информации для нас являлся этносоциологический опрос членов этнодисперсных групп, проводившийся в технике стандартизированного интервью по месту жительства респондентов, по сопоставимым программам. Структура анкет соответствовала целям исследования (см. Приложение).

Для снятия влияния национальной принадлежности интервьюера на ответы опрошенных и повышения достоверности информации⁷⁰ в городах ТАССР опрос татар по этнокультурной программе проводился исключительно интервьюерами-татарами (на татар-

⁶⁸ Арутюнян Ю. В. О некоторых тенденциях в изменении культурного облика нации. — СЭ, 1973, № 4; см. также: Современные этнические процессы в СССР, с. 318 (автор раздела о духовной культуре — К. В. Чистов).

⁶⁹ Арутюнян Ю. В. Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР, с. 6.

⁷⁰ Это влияние может быть существенным, как показано в исследовании В. С. Кондратьева (на татарском материале). См.: Кондратьев В. С. Эксперимент *ex post facto* в этносоциологическом исследовании. — СЭ, 1970, № 3, с. 39. В общем виде проблема влияния процесса этносоциологического опроса на достоверность ответов рассматривается в контексте «принципа дополнительности». См. подробнее: выступление Г. В. Старовойтовой в дискуссии «Методика полевых этнографических исследований» (СЭ, 1985, № 4, с. 68).

ском или русском языке в зависимости от желания опрашиваемого). Тот же принцип выбора языка опроса респондентом соблюдался в Армении и Эстонии.

В Ленинграде опросом охвачено более 1000 человек (около 2 % от численности каждой из трех этнодисперсной группы), отобранных с помощью двухступенчатой выборки. На первом этапе было произведено предварительное районирование генеральной совокупности по территориальному принципу — были отобраны в соответствии с плотностью населения разных районов города паспортные столы жилищных контор (от 2 до 4 во всех 14 собственно «городских» районах Ленинграда), репрезентирующие территорию города и исторически разные типы ее застройки.

На втором этапе была организована серийная («гнездовая») выборка лиц интересующих нас трех национальностей, постоянно проживающих в отобранных районах. Отобранные в выборку серии подвергались сплошному опросу. Таким образом, выбор серий носил вероятностный характер, а их элементы сплошь вошли в выборочную совокупность. Проверка выборочной совокупности на репрезентативность по параметрам образования, родного языка, пола, возраста показала, что ее отклонения от генеральной совокупности ни по одной из характеристик не превышали 5 %.

Помимо материалов, полученных в ходе опроса, и сравнительных этносоциологических материалов, в исследовании использовались следующие источники:

1) материалы переписей населения Петербурга—Ленинграда и другие данные Ленинградского областного статистического управления при ЦСУ СССР;

2) материалы Центрального государственного исторического архива СССР в Ленинграде, касающиеся дореволюционного татарского населения Петербурга (фонд 821 и др.);

3) материалы Государственного исторического архива Ленинграда и Ленинградской области, относящиеся к истории формирования армянской и эстонской колоний в Петербурге (фонды 14, 1824, 569 и др.);

4) материалы Государственного исторического архива Эстонской ССР и Архивной библиотеки Литературного музея им. Ф. Крейцвальда АН ЭстССР (Тарту);

5) документы финансовой отчетности Ленинградской соборной мечети, включающие сведения о количестве обрядов;

6) карточки прописки паспортных столов жилконтор, с помощью которых были найдены ленинградские армяне, эстонцы, татары;⁷¹

7) различные мемуарные и беллетристические источники, газеты 1870—1914 гг.

8) данные непосредственных этнографических наблюдений, проводившихся в семьях информаторов, на гастрольных пред-

⁷¹ Так отбирались лица для последующего опроса, но, кроме того, составлялась картотека по 10 крупнейшим этнодисперсным группам. В карточках (их около 5 тыс.) отражены пол, возраст, место и время рождения, время прибытия в данное место жительства, профессия и должность.

ставлениях национальных художественных коллективов, на национальных участках кладбищ, в мусульманской мечети и лютеранской кирхе Ленинграда, во время календарных обрядов и других собраний представителей этнодисперсных групп (сабантуй, траурная дата начала армянского геноцида и др.).

Наконец, учитывая, что город является социально-пространственной системой, в качестве дополнительной процедуры в исследовании применено картографирование районов повышенной плотности татарского населения в Петербурге.

Таким образом, осуществлено комплексное применение разных методических средств (социологический опрос, анализ документов и архивных материалов, привлечение методов математической статистики, данные непосредственного полевого наблюдения и др.). Такой междисциплинарный подход и разнообразие исследовательских средств диктуются сложностью объекта исследования.

ГЛАВА II.

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОДИСПЕРСНЫХ ГРУПП В НАСЕЛЕНИИ ПЕТЕРБУРГА—ЛЕНИНГРАДА

Остановимся несколько подробнее на истории формирования этнодисперсных групп, так как она определяет некоторые черты их этнического и социального развития.

1. ЭСТОНЦЫ

Эстонские колонии издавна существуют на обширной территории от Кавказа до Дальнего Востока. Их перечень неоднократно публиковался эстонскими авторами, и каждое новое издание расширяло список. В 1900 г. Ю. Меомуттель издал в Тарту брошюру «Эстонские поселенцы на просторах Русского государства. Первая попытка дать сведения о всех эстонских поселениях»,¹ где было названо 125 поселений. Следующий перечень, изданный редакцией газеты «Петербури театая» («Петербургский вестник») в 1912 г., содержал 165 пунктов.² Пастор Аугуст Николь в 1918 г. опубликовал в Тарту список эстонских поселений за пределами эстонских этнических границ,³ включающий 347 названий; здесь были впервые упомянуты и города, где осели эстонские переселенцы (Петроград, Москва, Кронштадт и др.).

Позже были и другие попытки собирать сведения об эстонских поселениях (С. Соммера, Я. Нэрмана и др.).⁴ Наиболее полная сводка этих сведений содержится в труде В. А. Маамяги «Эстонские поселенцы в СССР (1917—1940 гг.)».⁵ История Петербургской колонии эстонцев представляет интерес не только с точки зрения восстановления этнокультурной истории города, но и изучения эстонского народа в целом. «Он относится к числу малых народов. Тем ценнее для него полнота исследования его истории, историография Эстонии многое потеряет без включения в нее истории эстонского национального меньшинства в СССР».⁶

¹ Meomuttel J. Eesti asunikud laialises Wene riigis: Esimene katse sõnumid kõikide Eesti asunduste üle tuua. Jurjevis, 1900.

² Laulupidi Narvas 23. ja 24. juunil 1912. aastal. Teejuht. Narvas. Pidutoimkonna väljanne.

³ Eesti asundused ja asupaigad Wenemaal/Kõkku eadmid August Nigol. Tartus, 1918.

⁴ См. подробнее: Маамяги В. А. Эстонские поселенцы в СССР: (1917—1940 гг.). Таллин, 1977, с. 11—14.

⁵ Там же.

⁶ Там же, с. 10.

Основной причиной переселенческого движения среди эстонцев было безземелье. «Нет сомнения, что только крайняя нищета заставляет людей покидать родину...», — писал В. И. Ленин о переселенцах. — Но только реакционеры могут закрывать глаза на прогрессивное значение этого современного переселения народов».⁷

Как уже отмечено выше, немногочисленная группа эстонцев появилась в Петербурге во второй половине XVIII в. благодаря военной службе (при Екатерине II рекрутская повинность была распространена и на прибалтийских крестьян, которые нередко оставались в столице после прохождения здесь службы). В конце XVIII в. в городе появляется первая эстонская лютеранская община — приход св. Иоанна; с 1787 г. проповедник И. Хоффман начал в церкви Иоанна читать проповеди на эстонском языке. Позднее пастором Г. Рейнфельдом при этом приходе была учреждена начальная эстонская школа (1844). При Корнелиусе Лаланде (пасторе прихода св. Иоанна с середины века до 1877 г.) на углу улиц Офицерской и Малой Мастерской была построена в 1866 г. новая эстонская лютеранская церковь св. Иоанна,⁸ вокруг которой на первых порах сосредоточилась вся эстонская культурная и общественная жизнь, так как церковь стала тем местом, где по воскресным и праздничным дням встречались после богослужения жившие в разных концах города эстонцы.⁹

Эстонские крестьяне были раскрепощены царскими законами 1816 и 1819 гг., однако «перемена места жительства продолжала зависеть от воли помещика — немецкого барона».¹⁰

Миграции эстонских крестьян активизировались только в 60-е годы XIX в., когда в результате аграрных законов 1849—1869 гг. и введения нового порядка выдачи паспортов (1863) крестьяне Эстляндии и Лифляндии получили свободу передвижения и разрешения на занятия, не связанные с земледелием.

Петербург сразу стал естественным центром притяжения эстонского населения, тем более что еще со средних веков население городов в самой Прибалтике было по преимуществу иноземным (немецким, шведским, датским и др.) и города на собственной этнической территории эстонцев не могли в полной мере выполнять своей экономической и этнокультурной миссии по отношению к коренному населению региона. Переезд в Петербург к тому же облегчился с постройкой Балтийской железной дороги (1870), связавшей Таллин и Палдиски через Нарву со столицей. В город ехали те, кто занимался из-за малоземельности отхожими про-

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 89.

⁸ Pullat R. Peterburi eestilased. Tallinn, 1981, lk. 47.

⁹ Цит. по: Самойлов В. А. Эстонский театр и некоторые особенности культурной жизни эстонцев в Петербурге: (1873—1917 гг.). — В кн.: Старый Петербург: Историко-этнографические исследования. Л., 1982, с. 81; см. также его работу: Театральная деятельность петербургских эстонских обществ (1873—1917). — В кн.: XIX Kreuzwaldi Päev. 26—27 detsembril 1975a. Tallinn, 1975, lk. 5—12.

¹⁰ Маамяги В. А. Эстонские поселенцы. . . , с. 17.

мыслими или ремеслом, а также крестьяне. Для последних характернее была двухступенчатая миграция: из села в малый или ближний город (Нарву, Таллин), и только после этого, освоившись с городским образом жизни, переезжали в столицу империи.¹¹ Некоторые богатые петербургские семьи, отдыхавшие на популярных курортах Эстонии (в Хаапсалу, Усть-Нарве, Силламяэ, Хунтерштадте), привозили оттуда эстонскую прислугу. Многие эстонцы переезжали в Петербург из эстонских крестьянских колоний Петербургской губ., куда переселились раньше. По данным первой всеобщей переписи населения в 1897 г., Петербургская губерния стояла на третьем месте в стране (после Эстляндской и Лифляндской) по количеству эстонского населения — 64 116 человек;¹² здесь было около 100 эстонских поселений.

За тридцать последних лет XIX в. миграционная активность крестьян в Эстонии, как и в Прибалтике в целом, выросла почти в семь раз,¹³ что сказалось и на увеличении численности эстонского населения Петербурга.

Согласно скорректированным Н. В. Юхнёвой (с учетом национального языка и вероисповедания) данным петербургских переписей населения,¹⁴ численность эстонцев в дореволюционный период и их доля в населении столицы изменялись следующим образом:

	1869	1881	1890	1900	1910
Тыс. человек	4.0	7.2	10.0	18.0	23.4
%	0.6	0.8	1.0	1.3	1.2

Как можно видеть из материалов переписей, численность эстонцев в Петербурге постоянно росла в предреволюционный период. Но, по некоторым оценкам, данные переписи существенно ее занижают, так как не учитывают русскоязычных и онемеченных эстонцев. Так, в отчете о деятельности Петербургского эстонского школьного общества говорится, что эстонцы, стоящие на 5-м месте среди национальных групп в населении Петербурга, составляют около 40 тыс., но «это число могло быть вдвое больше, если бы все, кто в качестве эстонцев приезжали сюда, оставались бы таковыми — и они сами, и их потомки».¹⁵ Далее отмечается, что молодые уроженцы забывают язык и обычаи, сохраняют лишь эстонское имя; на деле у многих немецких и русских семей предками были эстонцы. Здесь современник однозначно указывает на суще-

¹¹ Эта двухступенчатость показана Р. Пуллатом, изучившим регистрационные книги эстонского прихода в Петербурге (Pullat R. Pietarin virolaiset ja suomalaiset. — Turun historiallinen arkisto, 1974, N 29, s. 50).

¹² В том числе в самом Петербурге — 12 238 человек (см.: Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. Спб., 1905, т. 2, с. 28).

¹³ Юхнёва Н. В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Л., 1984, с. 96.

¹⁴ Там же, с. 24.

¹⁵ Peterburi Eesti Kooli Selts: 1885—1910. Spb., 1910, lk. 3.

ствование ассимиляционной тенденции у петербургских эстонцев. Определение точной численности эстонцев к началу XX в. затруднено наличием у них разных вероисповеданий (была, в частности, 1.1 тыс. православных эстонцев с эстонским языком — прихожане эстонской православной церкви)¹⁶ и распространенностью среди эстонцев разных языков. Часть онемеченных эстонцев ходила не в эстонскую, а в немецкую церковь.

Газета «Sakala» в конце 70-х годов отмечала, что «большинство ремесленников примыкает к немцам... представители высшего сословия обрусели или онемечились».¹⁷ Некоторых эстонцев ассимилировали также финны.

Распределение эстонцев по языку (в тыс. человек) приведено в работе Н. В. Юхнёвой:¹⁸

	1869	1881	1890	1900	1910
Эстонский язык	3.0	4.4	7.4	15.4	20.1
Немецкий язык	1.0	2.0	1.1	0.9	0.5
Русский язык	—	0.8	1.5	1.7	2.8
Всего	4.0	7.2	10.0	18.0	23.4

Судя по показателям языковой ассимиляции, в XX в. происходит заметная переориентация петербургских эстонцев с немецкой на русскую культуру (при этом здесь не учтены «бывшие» эстонцы с завершённой ассимиляцией, о существовании которых свидетельствуют современники).

Этот процесс обусловлен увеличением среди эстонцев доли потомственных петербуржцев, а также изменением обстановки в Прибалтике, где обучение в конце XIX в. было переведено с немецкого на русский язык. В эстонском обществе в это время растёт «мода» на эстонский и русский языки;¹⁹ интенсифицируется процесс обрусения и в Петербурге. Об этом писала эстонская газета в 1883 г.: «Русский язык и русские нравы дома. Русский язык и русский дух в школе. Русская вера и русские мелодии в церкви. Русская пища и русская одежда. Об Эстонии и своем народе второе-третье поколение не будет знать уже ничего».²⁰

В конце XIX в. более четверти эстонцев Петербурга были его уроженцами, но и темп миграции все еще рос. В 1866—1870 гг. в город переселилось 6.3 % эстонцев, а в 1890 г. — 18 % (от чис-

¹⁶ Возможно, среди православных эстонцев хотя бы отчасти представлена этнографическая группа сету, живущая в селах Причудья. К сожалению, данными о локальных этнографических группах эстонцев в Петербурге мы не располагаем и опросные материалы не показывают наличия в современной этнодисперсной группе неассимилированных сету.

¹⁷ Sakala, 1879, 10 марта, lk. 3. Цит. по: Дридзо А. Д. К историографии эстонского населения Петербурга: (60-е—80-е годы XIX в.). — В кн.: Старый Петербург. Л., 1982, с. 74—75.

¹⁸ Юхнёва Н. В. Этнический состав... с. 195.

¹⁹ Пуллат Р. Городское население буржуазной Эстонии. Таллин, 1973, с. 74.

²⁰ Eesti postimees, 1883, 25 сент.; цит. по: Юхнёва Н. В. Этнический состав... с. 193.

ленности в колонии). Крупнейшими районами расселения в Петербурге были Нарвская застава (13.6 %), Коломна (13.5 %), Васильевский остров (13.4 %). Затем следуют Литейная, Петербургская, Казанская, Выборгская и другие части города.²¹

Расселение эстонцев по территории столицы уже в 1869 г. — довольно широко и равномерно, но имелся район их концентрации — Коломенская часть и два участка Нарвской части.²² Здесь были расположены эстонская лютеранская церковь св. Иоанна, школа при ней, а также эстонская православная церковь. Доля эстонцев в этих частях города в 2—3.5 раза превышала среднегородскую.

Некоторое представление о семейном состоянии эстонцев в Петербурге дают материалы переписи 1897 г.:²³

	Тыс. человек	%
Одинокие	7797	63.7
Женатые (замужние)	3638	29.7
Вдовцы и вдовы	763	6.3
Разведенные	18	0.1
Нет сведений	22	0.2
Всего	12238	100.0

Из этих данных следует, что петербургские эстонцы были главным образом несемейными людьми. Это может объясняться тем, что одиночки мобильнее (им легче осуществить миграцию), а также недостаточной материальной обеспеченностью переселенцев, что не позволяло им длительное время обзаводиться семьей. Возможно, сказывались также диспропорции в соотношении мужчин и женщин в группе (в петербургском населении вообще преобладали мужчины).

Социальный состав и занятия эстонцев на протяжении двух веков существования колонии в Петербурге не оставались неизменными. В 1869 г. наиболее крупная группа принадлежала к военному сословию (по преимуществу отставные нижние чины и их семьи) — 42 % всех эстонцев города. Второй по численности группой в городе были крестьяне (36 %), третьей — мещане. Интенсификация миграций в конце XIX в. привела к увеличению доли крестьян до 66 % всех эстонцев.²⁴

На рубеже веков все заметнее выражен процесс пролетаризации эстонского населения города; расширяется также ранее очень немногочисленная группа служащих и интеллигенции. Многие эстонцы были ремесленниками, извозчиками, слугами в состоя-

²¹ Pullat R. Peterburi eestilased, lk. 62.

²² См. о расселении эстонцев подробнее: Юхнёва Н. В. Этнический состав... с. 199, карты на с. 197.

²³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Спб., 1903, т. XXXVII, с. 120 (группировка Р. Пуллата: Peterburi eestilased, с. 33; нами сокращена).

²⁴ Юхнёва Н. В. Этнический состав... с. 195—196.

тельных домах. Таким образом, эстонцы занимали в целом невысокие места в социальной иерархии,²⁵ хотя и отличались высоким уровнем грамотности по сравнению с другими национальными группами.²⁶

Особое место в эстонской петербургской колонии занимала творческая интеллигенция, сыгравшая видную роль в национальном возрождении эстонского народа,²⁷ освобождении его национальной культуры от немецкого засилья. В 60-е—70-е годы возник кружок петербургских интеллигентов-эстонцев, поддерживавших систематические связи с родиной (их называли «друзья народа»). В него входили лейб-медик Ф. Каррель (бывший одно время личным врачом Александра II), академик живописи Й. Келер, биолог Й. Йонсон, журналист Н. Руссов, писатель и общественный деятель К. Р. Якобсон (впоследствии издатель демократической газеты «Sakala» и глава Эстонского общества писателей — с 1872 г.) и др. В Петербурге бывал Ф. Р. Крейцвальд — выдающийся эстонский писатель, опубликовавший эпос «Калевипоэг». Заслуживают упоминания видные эстонские композиторы, в разное время обучавшиеся в Петербургской консерватории — Й. Каппель, А. Томсон, М. Герман, Ф. Себельманн, а также обучавшиеся в Академии художеств художники К. Майбах, Р. Нюман, скульпторы А. Вейценберг и А. Адамсон. Эстонцы учились также в художественном училище барона Штиглица.²⁸ С 1873 г. в Кронштадте жила замечательная эстонская поэтесса, основательница эстонского театра Лидия Койдула. В Петербурге работали выдающиеся режиссеры и театральные деятели К. А. Херманн, О. Петерсон, актрисы Ида Томсон, Ида Пыдрам-Таго и др. Именно в Петербурге впервые возник первый профессиональный эстонский театр и были поставлены пьесы эстонских авторов.²⁹

Помимо общественных деятелей демократического крыла, в среде петербургских эстонцев были представлены и сторонники буржуазно-клерикального направления — Й. В. Яннсен и Я. Хурт. Последний, будучи пастором прихода св. Иоанна с 1880 по 1901 г., занимался также просветительской и научной деятельностью, собирал материалы по фольклору и этнографии эстонцев, принимал участие в работе Русского географического общества, стал основателем Александровского общества для поддержания школы.

В то время одной из распространенных форм организации культурной жизни в России стали всякого рода благотворитель-

²⁵ Pullat R. Peterburi eestilased, lk. 63.

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 264.

²⁷ См. подробнее: Исаков С. Г. 1) Петербург—Ленинград в истории эстонской культуры. — Нева, 1978, № 10; 2) У истоков дружбы. — Сов. Эстония, 1979, 24 ноября, № 268.

²⁸ См. о них подробнее: Nurk T. Eest kunstipilased Steiglitz kunsttööstuskoolis. — Tartu Riikliku Kunstimuseumi almanakh. Tartu, 1972, III.

²⁹ См. подробнее об этом: Самойлов В. А. Эстонский театр и некоторые особенности культурной жизни эстонцев в Петербурге: (1873—1917 гг.). — В кн.: Старый Петербург: Историко-этнографические исследования. Л., 1982, с. 80—97.

ные и просветительные общества. Будучи легальными формами общественной жизни, они могли способствовать распространению демократических идей. Петербургские эстонцы также ощущали необходимость создания подобного эстонского общества. Поначалу активистами устраивались концерты и вечера, приуроченные к праздникам (например, концерт духовной музыки в церкви св. Иоанна 2 февраля 1866 г.).³⁰ Нередко для этих вечеров предоставляло помещение немецкое общество «Пальме», и его руководство претендовало на ведущую роль среди эстонского и латышского населения. Однако в 1879 г. эстонские художественные кружки и ансамбли, участвовавшие в эстонских концертах при обществе «Пальме», оформились в эстонское отделение этого общества, и 14 декабря 1879 г. состоялось его торжественное открытие, отмеченное постановкой пьесы Лидии Койдулы «Племянник с Сааремаа».³¹ Драматический коллектив при обществе «Пальме» ставил пьесы на эстонском языке и раньше (впервые в 1873 г. под руководством поэта и композитора К. А. Херманна),³² но теперь можно было говорить о возникновении первого светского (помимо объединений при церкви св. Иоанна) эстонского учреждения в столице. На основе этого первого общества возникают и другие: Петербургское эстонское благотворительное общество (1880 г.), которое ставило своей целью способствовать просвещению и культуре эстонского населения города, расширять сеть школ, организовывать лекции и т. д.; Петербургское эстонское школьное общество (1885 г.), общество трезвости «Ustavus» («Верность»; 1893 г.); молодежное, студенческое, спортивные³³ и другие общества.

Учреждение этих обществ проходило с трудом, так как ему препятствовали городские власти; уставы обществ подолгу не утверждались. Например, устав Школьного общества возвращался его составителям (в их числе был Я. Хурт) Министерством внутренних дел много раз.³⁴ Впоследствии Школьное общество стало очень влиятельным и имело филиалы в разных концах города (в его члены хотели вступить также эстонцы г. Нарвы). В уставе общества была сформулирована его цель: убежище, содержание, обучение и воспитание эстонских детей. С 1891 г. общество ведет активную деятельность: было создано 4 школы (все — начальные,

³⁰ Eesti postimees, 1866, N 9, lk. 72—73.

³¹ Самойлов В. А. Эстонский театр и некоторые особенности культурной жизни эстонцев в Петербурге, с. 82—83.

³² Исаков С. Г. Петербург—Ленинград в истории эстонской культуры, с. 182.

³³ О спортивных эстонских обществах Петербурга см.: Kristjanson G. Eesti gaskejõustinn ajalooost. Lurichist Taltsini. Tallinn, 1973. Материалы по истории Благотворительного, Школьного обществ и Общества ремесленников хранятся в Государственном историческом архиве Ленинградской области; см.: ф. 569, оп. 13, ед. хр. 29, 173, 332, 529, 911, 940, 1051, 1166; см. также: ф. 139, оп. 1, ед. хр. 10714, л. 2 и др.

³⁴ Об этом свидетельствуют материалы эстонской прессы, издававшейся в Петербурге и городах Эстонии. По газетным материалам выполнено исследование: Эльмик А. Культурная жизнь эстонцев в Петербурге в 1890—1900 гг. Дипломная работа (руководитель С. Г. Исаков). Тартуский гос. ун-т, 1981, с. 18.

всего на 80 учеников) и приют для бедных. Во всех школах поначалу программы были разными; с 1897 г. разработана единая программа, позволяющая после эстонской школы поступать в 3-й класс реального училища.³⁵ Школьному обществу помогали эстонские студенты Петербурга (собрали библиотеку), общество потребителей Путиловского завода ежегодно передавало Школьному обществу деньги.³⁶ Денежные средства приносили также лотереи и платные концерты (особенно после выборов председателем общества А. Йохансона, бывшего коммерсанта). С 1897 г. стали регулярно издаваться официальные отчеты Школьного общества.³⁷ Рассмотрим подробнее один из отчетов о деятельности общества.³⁸ Из него следует, что в 1903 г. в обществе состояло 237 членов (в конце 1902 г. — 314 членов и 7 кандидатов). Председателем был Т. Риомар, помощником — О. Мяги; имелись также казначей, секретари, библиотекари, управдом и бухгалтер. В составе общества числились ревизионная комиссия, комиссия по устройству елки, комиссия хора, комиссия благотворительного базара и др. В течение года было проведено 3 общих собрания членов общества, на которых рассматривалась деятельность эстонских школ:³⁹

- 1) школа (основана в 1887 г.) в собственном доме общества за Нарвской заставой, Ушаковская ул., д. № 12 (50 учащихся, большинство евангелическо-лютеранского вероисповедания);
- 2) школа (основана в 1888 г.) на Петербургской стороне, Большая Монетная ул., д. № 22 (тоже около 50 учащихся);
- 3) школа (основана в 1889 г.) на 5-й Рождественской ул., д. № 3 (около 40 учащихся);
- 4) школа (основана в 1902 г.) на Шлиссельбургском проспекте, д. № 45 (около 30 учащихся).

Школьное общество приплачивало около 70 % стоимости содержания школ и содержало приют на Ушаковской ул., д. № 12. При обществе функционировал драмкружок (ставились в переводе на эстонский язык «Разбойники» Шиллера, «Лес» А. Н. Островского и др.). Объединенным хором Школьного и Благотворительного обществ (72 человека) руководил композитор Й. Каппель. Средства, полученные от концертов хора, поступали на содержание школ. При обществе работала библиотека. В течение года устраивались семейные и музыкально-драматические вечера (платные). В зале при церкви св. Иоанна устраивался базар, где продавались специально изготовленные вещи; проводился также сбор пожертвований для пополнения кассы общества.

³⁵ Postimees, 1897, 9 дек. N 274.

³⁶ Эльмик А. Культурная жизнь эстонцев. . . , с. 24; см. также: ГИАЛО, ф. 569, оп. 13, ед. хр. 173 и др.

³⁷ См., в частности, уже цитированный юбилейный отчет к двадцатилетию общества: Peterburgi Eesti Kooli Selts. 1885—1910. Спб., 1910.

³⁸ Отчет Санктпетербургского общества убежища и училища для малолетних детей эстонского происхождения за 1903 г. Юрьев, 1904.

³⁹ Там же, с. 4.

Той же цели служила сдача квартир собственного дома общества. Жертвователями общества числилось около 800 человек, в том числе, например, принцесса Саксен-Альтенбургская (пожертвовала в 1903 г. 10 руб.).⁴⁰ На рождество для 400 детей была устроена елка (в зале Ремесленного общества на Серпуховской ул., д. 38). Благотворительная деятельность общества распространялась на бедных учащихся, которые получали от него вспомоществование. На вечерах, кроме драматических постановок, исполнялись оратории Мендельсона, по церковным праздникам выступал с проповедями Я. Хурт. Устраивались различные игры; появилась модная новинка — «живые картины» (статические пантомимы на разные темы).⁴¹

Общество отмечало юбилеи своего создания, а также другие важные даты, например годовщины отмены крепостного права, отмечавшиеся всеми эстонскими обществами. Мероприятия Школьного и других эстонских обществ посещали, кроме эстонцев, также финны, немцы, латыши, русские.

Близкой по содержанию была и деятельность эстонского Благотворительного общества.⁴² Истинной целью его была консолидация петербургских эстонцев, а благотворительная деятельность выступала удобной формой взаимопомощи «компатриотов». С 1889 г. председателем общества стал П. Хеллат — врач и энергичный общественный деятель. Общество активнее функционировало в зимний сезон. В 1900 г. в нем насчитывалось 116 членов. При этом обществе также были драмкружок (им руководил А. Томбах, студент Института восточных языков; ставились пьесы Н. В. Гоголя и Л. Койдулы) и хор (им с 1892 г. руководил Й. Каппель). На концертах, устраиваемых обществом, выступала певица Ида Томсон. Членом общества был известный русский писатель, эстонец по отцу, А. Шеллер-Михайлов, автор, в частности, патриотического стихотворения «Мой род». Был объявлен конкурс на лучший перевод стихотворения на эстонский язык — первое место занял Г. Луйк. Объявлялись конкурсы на лучшие работы по истории Эстонии, например на тему «Шведское время в Эстонии» и др.⁴³ Все это свидетельствует о культурно-патриотической направленности работы Благотворительного общества.

Значительно шире обозначенной в названии была также деятельность общества трезвости «Уставус», основанного в 1893 году,⁴⁴ и общества ремесленников (1898 г.).⁴⁵ При каждом обществе действовали драматические и хоровые коллективы, библиотеки и т. п. Устраивались вечера, читались различные доклады. При эстонском обществе трезвости в Петербурге (так же как и при

⁴⁰ Отчет Санктпетербургского общества убежища и училища. . . , с. 9.

⁴¹ Эльмик А. Культурная жизнь эстонцев. . . , с. 24.

⁴² Устав общества см.: ГИАЛО, ф. 569, оп. № 13, ед. хр. 29, л. 36—41.

⁴³ Эльмик А. Культурная жизнь эстонцев. . . , с. 59.

⁴⁴ Устав общества «Уставус» см.: ГИАЛО, ф. 569, оп. 13, ед. хр. 529, л. 3.

⁴⁵ Устав общества ремесленников см.: ГИАЛО, ф. 139, оп. 1, ед. хр. 10714, л. 2.

финском обществе трезвости «Алку») регулярно проводились медицинские и нравственно-просветительские лекции в русле движения трезвенников. Большинство членов этого общества принадлежало к петербургской социал-демократической организации. Будущий видный деятель большевистской партии В. Кингисепп был секретарем общества «Уставус» (председателем с 1897 по 1900 г. был А. Томбах).⁴⁶

В Петербурге действовали также эстонские молодежные организации. Истоки студенческого общества восходят к 1880-м годам, когда существовал кружок «друзей народа», но в качестве студенческого общества оно легализовалось лишь в 1908 г., точнее, его половина, «Пыхъяла» («Северное»), — явный намек на общество декабристов.

К этому времени Школьное и Благотворительное общества, близкие по существу деятельности, слились в единое эстонское Просветительное общество (1907 г.) Студенческие объединения эстонцев были связаны с последним, хотя внутри молодежного движения были разные направления: клерикально-националистическое, реализовавшееся в деятельности эстонского общества молодых людей лютеранского вероисповедания (1897), и демократическое. Общество молодых лютеран помещалось в школе при церкви св. Иоанна; одной из главных целей общества его председатель Г. Розенберг выдвинул воспитание христианских нравов у эстонской молодежи. На собраниях общества устраивались чаепития, чтения Библии, доклады на духовные темы, играли в шахматы и т. д. Членов этого кружка было немного — около 40 человек.

О демократической направленности петербургского кружка эстонских студентов свидетельствует содержание его контактов с Эстонским студенческим обществом в Тарту. Так, еще в 1886 г. эстонские студенты Петербурга направляют в Тарту поздравительную телеграмму по поводу 70-летия освобождения крестьян в Эстонии (1816 г.).⁴⁷

В 1880-е годы официально студенческого общества еще не существовало, студенты были объединены только общностью взглядов, но уже выступали в ряде случаев как единое целое.⁴⁸ Так, например, они посылают во время летних каникул 1886 г. своего председателя (К. Геллата) из Петербурга в Тарту для установления связей с местными студентами.⁴⁹

Позднее, в годы Первой российской революции, 16 октября 1905 г., эстонские студенты столицы проводят митинг и пригла-

⁴⁶ О деятельности в этом обществе В. Кингисеппа см. подробнее: ГИАЛО, ф. 569, оп. 13, ед. хр. 940; 529, л. 18. См. также об эстонских обществах начала XX в. в Петербурге: *Лийв Э. Эстонцы в Петербурге (1905—1914): Хроника культурной жизни.* Дипломная работа (руководитель С. Г. Исаков). Тартуский гос. ун-т, 1981. Это исследование, как и работа А. Эльмик, выполнено методом контент-анализа эстонских газет.

⁴⁷ ГИАЭ, ф. 1767, оп. 1, ед. хр. 175, л. 1.

⁴⁸ Там же (письмо студента Д. Вареса).

⁴⁹ Там же, л. 3—4.

шают гостей из Тарту для совместного обсуждения политических вопросов. В Таллине в этот же день произошел расстрел митинга, о чем пишет У. Кангур — председатель студенческого эстонского общества.⁵⁰ Совпадение этих дат, по-видимому, не случайно: действия эстонских студентов в столице и в Эстонии могли быть согласованными.

В годы послереволюционной реакции рамки деятельности студенческого общества несколько сужаются, но контакты с Эстонией поддерживаются. Так, в 1909 г. петербургские студенты приглашают тартуских провести совместный съезд эстонских студентов, но он был запрещен властями.

К 1909 г. число студентов-эстонцев выросло вдвое по сравнению с концом века, причем многие происходили из бедных слоев населения и не получали из дома поддержки. Нужен был план организации помощи им, поскольку уроки уже не могли обеспечить всех. При подготовке несостоявшегося студенческого съезда была разработана довольно грамотная методически анкета⁵¹ обследования положения студентов (ее составитель — А. Рей, впоследствии правый социалист и член буржуазного правительства Эстонии). Вопросы анкеты касались материального положения и источников доходов студентов, их образа жизни и гигиены (характера питания, курения, половой жизни),⁵² литературных интересов, круга чтения и др. Однако пока не удалось установить, сколько таких анкет было заполнено и сохранились ли они.

Тартуские студенты разработали свой вариант анкеты и выслали его в Петербург, но члены общества «Ильмаринен» (по имени эпического кузнеца «Калевалы») писали в ответ, что эта анкета слишком односторонняя по содержанию.⁵³ Авторы петербургской студенческой анкеты считали необходимым прежде всего поднять научно-политические вопросы жизни студенчества и отразить социально-экономические стороны их труда и быта (в частности, влияние материальных трудностей на снижение производительности труда). Интерес студентов к этим проблемам свидетельствует не только о сложности их реального положения, но и о знакомстве с современными течениями социально-экономической мысли.

Юридическое оформление эстонского студенческого общества было очень долгим из-за препятствий, чинимых властями. Когда в 1913 г. студент Политехнического института А. Орг подал в Министерство внутренних дел ходатайство об учреждении Санкт-Петербургского общества студентов-эстонцев и утверждении устава этого общества, проект был отклонен. Департамент полиции мотивировал запрет тем, что «объединение в какие бы то ни

⁵⁰ Там же, л. 5—6, 8.

⁵¹ Там же, л. 16—21.

⁵² Эта часть вопросов при печатании анкеты не была пропущена цензурой.

⁵³ ГИАЭ, ф. 1767, оп. 1, ед. хр. 161. Актив общества «Ильмаринен» в 1909 г. помещался в Лесном, на Старо-Парголовском проспекте (ныне пр. Мориса Тореза), д. 29 (позднее д. 31), кв. 4.

было общества студентов-инородцев, являющихся по большей части крайне беспокойным элементом, с явно выраженным левым направлением, едва ли представляется целесообразным с государственной точки зрения, так как развитие подобного рода объединяющих ту или иную народность начал всегда ведет к самым нежелательным последствиям... и угрожает общественному спокойствию и безопасности».⁵⁴

Нелегальное эстонское студенческое общество (*Peterburi eesti ulliopilaste selts*) существовало уже с 1900-х годов, и в него входили студенты разных вузов. Вскоре это название распространилось и на официально разрешенное властями Эстонское студенческое землячество при Петербургском университете. Кроме того, в 1913 г. был утвержден устав Эстонского землячества высших сельскохозяйственных курсов (иначе это землячество называлось обществом «*Taim*» — «Росток»)⁵⁵. Цели этого общества, сформулированные в уставе, были внеполитическими: 1) развитие академической и всеобщей науки; 2) изучение эстонской сельскохозяйственной культуры; 3) взаимная моральная и материальная поддержка студентов.⁵⁶

Однако значительное влияние на эстонские студенческие землячества университета и сельскохозяйственных курсов оказывали члены нелегального студенческого общества, в состав которого входили и некоторые грамотные рабочие (например, металлург Карл Арно и др.). Деятельность этого студенческого объединения не ограничивалась просветительской и благотворительной сферами. В период 1907—1911 гг. Петербургское эстонское студенческое общество стало одним из центров распространения марксизма среди учащейся молодежи и рабочих-эстонцев. Более того, под руководством известного в дальнейшем эстонского публициста, одного из руководителей Эстонской Коммунистической партии, тогда студента Петербургского университета, Я. Анвельта, эстонские студенты приняли активное участие в так называемых «студенческих беспорядках» в Петербургском университете. В 1911 г. Анвельт был исключен из университета, арестован и затем выслан под надзор полиции в Эстонию.⁵⁷

Петербург являлся одним из центров развития революционного движения эстонского пролетариата. В 1905 г. при Петербургском комитете РСДРП возникает первая эстонская большевистская секция, которая в 1917 г. насчитывала 423 человека.⁵⁸ В нее входили такие известные члены партии, как В. Кингисепп, рабочий-путиловец И. Газа, рабочий фабрики «Новый Лесснер»,

⁵⁴ ЦГИА, ф. 1284, оп. 187, ед. хр. 20, л. 20. Цит. по: *Самойлов В. А. Эстонский театр...*, с. 92.

⁵⁵ ГИАЭ, ф. 1767, оп. 1, ед. хр. 189.

⁵⁶ Председателем общества «*Taim*» был П. Ладин (с 1914 г.); при обществе были библиотека, хор.

⁵⁷ *Самойлов В. А. Эстонский театр...*, с. 93.

⁵⁸ Великая Октябрьская социалистическая революция в Эстонии: Сборник документов и материалов. Таллин, 1958, с. 181.

будущий советский дипкурьер И. Махматсталь, герой гражданской войны, будущий декан исторического факультета Ленинградского университета Я. Пальвадре и др.

Эстонские рабочие, матросы и солдаты принимали активное участие в подготовке Великой Октябрьской революции, в том числе в штурме Зимнего.⁵⁹

О деятельности различных эстонских обществ в Петербурге в конце XIX—начале XX в. писали эстонские газеты.

Уже с 1851 г. выходит Петербургский «Эстонский календарь», затем газета «*Peterburi eesti tantramaat*». В самой Эстонии жизнь петербургской колонии соотечественников освещалась газетами «*Eesti postimees*» (выходила 2 раза в неделю), «*Postimees*» (с 1891 г. выходила ежедневно), «*Olewik*» и «*Virgmaline*» (выходили раз в неделю; последняя издавалась в Нарве — полурусском-полуэстонском городе). В годы перед первой мировой войной культурную жизнь эстонцев в Петербурге комментировали также газеты «*Elu*», «*Kiir*», «*Pealinna teataja*», «*Teataja*», «*Sakala*», «*Säde*», «*Uus viir*», «*Virgulane*» и др.⁶⁰

Особенно подробно жизнь колонии освещалась газетой «*Peterburi teataja*» — «Петербургский вестник», выходившей в столице с 1908 г. В этой газете печатались, кроме новостей, рекламные объявления эстонских обществ, в том числе и об эстонских мероприятиях в столице, а также объявления книжного эстонского издательства «Общественная жизнь», книжного магазина и аптеки, открытых эстонцами. Свои услуги через газету предлагали эстонские адвокаты, врачи и др.

Вся эта разнообразная издательская деятельность была приостановлена начавшейся первой мировой, а затем гражданской войнами. Наступление на Петроград войск Юденича принесло большие лишения жителям города. Приток новых мигрантов прекратился. Многие ушли на фронты гражданской войны; значительный был также отток населения в деревню. Общее уменьшение численности петроградцев сказалось и на численности эстонской колонии. В 1920—1923 гг. Эстонской буржуазной республикой по соглашению с Советским правительством была развернута опционная кампания, в ходе которой часть эстонских поселенцев выехала обратно в Эстонию.⁶¹

Согласно данным переписи населения 1926 г., в Ленинграде насчитывалось около 16 тыс. эстонцев. В послереволюционные десятилетия миграционные связи с Эстонской буржуазной республикой фактически были прерваны и этнокультурная жизнь эстонских переселенцев происходила в отрыве от процессов на основной этнической территории. В таких условиях обычно возрастает доля национально-смешанных браков, снижается число лиц,

⁵⁹ Подробнее см.: *Маамяги В. А. Эстонские поселенцы...*, с. 50—56.

⁶⁰ Газетное хранилище Архивной библиотеки Литературного музея им. Ф. Крейцвальда АН ЭССР (Тарту).

⁶¹ См. об опционной кампании подробнее: *Маамяги В. А. Эстонские поселенцы...*, с. 200—218.

считающих родным язык своей национальности, и т. п. Как было показано выше, петербургские эстонцы и прежде, несмотря на наличие активного «этнокультурного ядра», различных кружков и обществ, сравнительно легко ассимилировались группами, с которыми были близки в конфессиональном отношении (немцами), по языку (финнами) или численно преобладающим большинством (русскими).

В последующие годы численность ленинградских эстонцев продолжала уменьшаться. С 1939 по 1959 г. в Советскую Эстонию реэмигрировало из-за ее пределов 46 тыс. человек. Этот процесс затронул и ленинградских эстонцев, причем мобильнее в таких случаях обычно бывают молодые, трудоспособные люди. Надо полагать, что сохранность этнической специфики (в частности, знание эстонского языка или признание его родным) и желание строить новую жизнь на родине тоже сыграли важную роль в мотивации переезда реэмигрантов в Советскую Эстонию после ее освобождения от немецких захватчиков. Таким образом, эта волна могла увлечь за собой молодых людей с наиболее выраженным этническим самосознанием.

Численность ленинградских эстонцев между переписями населения 1959 и 1970 гг. сократилась на 7,4 %. Как уже было сказано в главе I, к началу 80-х годов в Ленинграде проживало 6 тыс. эстонцев; около четверти из них считает родным эстонский язык; 98 % свободно владеет русским языком,⁶² что говорит о значительном межэтническом этнокультурном сближении эстонского и русского населения города.

2. ТАТАРЫ

Татары составляют заметную часть иноэтнического населения городов европейской части страны, Урала, Средней Азии и Казахстана Сибири. Уровень их урбанизированности за пределами ТАССР выше, чем внутри республики: в 1970 г. по СССР в целом горожане среди татар составляли 55,0 %, а в ТАССР — 38,6 %.⁶³ Исторические и экономические причины дисперсного расселения татар охарактеризованы в специальной литературе.⁶⁴ Однако пути миграции татар и само татарское население городов до сих пор недостаточно привлекали внимание исследователей. Исключением являются городские жители ТАССР и городов Западной Сибири.⁶⁵

⁶² Народное хозяйство Ленинграда и Ленинградской области в 10 пятилетке: Статистический сборник, Л., 1981, с. 25.

⁶³ Терентьева Л. Н. Некоторые стороны этнических процессов в Поволжье, Приуралье и на Европейском севере СССР. — СЭ, 1972, № 6, с. 41, табл. 3.

⁶⁴ Воробьев Н. Н. Казанские татары. Казань, 1953; Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967; Мухамедова Р. Г. Татары-мишари. М., 1972; Мухаметшанов Р. Х. Татары-кряшены. М., 1977.

⁶⁵ См. в кн.: Социальное и национальное: (Опыт этносоциологического исследования). М., 1973; Томилов Н. А. 1) Современные этнические процессы у татар городов Западной Сибири. — СЭ, 1972, № 6; 2) Современные этнические процессы среди сибирских татар. Томск, 1978, с. 129—148.

Между тем уже с XVIII в. татары составляли особую прослойку в населении городов России. Это обусловлено давними хозяйственными отношениями и спецификой традиционных занятий части татарского населения, не связанных с крестьянским трудом.

Земледелие мало обеспечивало татар ввиду скудности наделов, поэтому отхожие промыслы, извоз, работа в фабричных центрах, мелкая торговля стали их обычными занятиями.⁶⁶ Кроме того, с XVIII в. (начиная с Петра I и при его непосредственных преемниках) магометанам было запрещено владение крепостными крестьянами, что способствовало превращению значительной части татарской феодальной аристократии в торговую буржуазию.⁶⁷ В результате к концу XIX в. несколько тысяч татар было рассеяно по разным городам России в качестве ресторанной прислуги, старьевщиков, рабочих, купцов, а некоторые отрасли торговли — хлебом, солью, кожами — почти всецело находились в их руках. В качестве рабочих татары славились добросовестностью, выносливостью, трезвостью и аккуратностью.⁶⁸

Столица многонационального государства — Петербург в числе прочих иноэтнических групп издавна имела в составе своего населения и татар. Перепись населения 1869 г. фиксирует двухтысячную группу татар в Петербурге. Согласно данным последующих переписей населения, численность этой группы неуклонно увеличивается (табл. 3).

Татарская часть населения города за 40 лет (с 1869 по 1910 г.) выросла более чем в 3,5 раза. В городе действовало несколько мечетей, имелись татарские продуктовые лавки, мусульманское кладбище и т. д.

Автор очерка «Татары в Петербурге» А. Бахтияров отмечал: «Живя вдали от родины, татары, однако же, крепко держатся религии и обычаев своих предков и не смешиваются с другими элементами столичного населения».⁶⁹

По сведениям, полученным из Архива неправославных церквей, до революции практически все татарское население Петербурга (около 8 тыс. человек) было верующим и неукоснительно соблюдало мусульманскую семейную и календарную обрядность. В 1912 г. в столице Российской империи имелись три мусульманских прихода, одна соборная мечеть, три мусульманские школы и благотворительные мусульманские общества.⁷⁰ Постройкой соборной мечети в Петербурге способствовало крупное пожертвование эмира Бухарского. В городе существовала периодическая мусульманская пресса: еженедельник «В мире мусульманства»

⁶⁶ Энцикл. словарь / Изд. Ф. Брокгауза и Н. Ефрона, 1902, т. 67, с. 349 (статья «Турко-татары»).

⁶⁷ Воробьев Н. Н. Казанские татары, с. 349.

⁶⁸ Энцикл. словарь / Изд. Ф. Брокгауза и Н. Ефрона, т. 67, с. 349.

⁶⁹ Бахтияров А. Татары в Петербурге. — В кн.: Брюхо Петербурга. Спб., 1888, с. 227.

⁷⁰ ЦГИА, Архив неправославных церквей, ф. 821, оп. 133, № 545, 1911—1917 гг.

Таблица 3

Динамика численности татарской части населения Петербурга

Показатели	Год переписи				
	1869	1881	1890	1900	1910
Численность татар (тыс. человек)	2.0	2.7	3.5	5.8	7.3
Процент к численности населения города	0.3	0.3	0.4	0.4	0.4

Источники: С.-Петербург по переписи 10 декабря 1869 г. Спб., 1872, 1875, вып. 1 — 3; С.-Петербург по переписи 15 декабря 1881 года. Спб., 1883—1885, т. I, ч. 1, 2; т. II, ч. 1, 2; С.-Петербург по переписи 15 декабря 1900 года. Спб., 1903, вып. I, II; Петроград по переписи 15 декабря 1910 года. Пг., [б. г.], т. I, II. Необходимо учесть, что в переписях фиксировались не национальность, а только религиозная принадлежность и язык; татары выделены здесь по языку.

(на татарском языке), еженедельная «Мусульманская газета» (на русском и татарском языках), газета «Нур» (на татарском языке), выходящая дважды в неделю. Кроме того, периодически публиковалось «Иностранное обозрение» с разделом «Из жизни петербургских мусульман» (в качестве приложения к журналу «Православный собеседник»)⁷¹.

В церковных отчетах отмечается крайняя обособленность столичных мусульман (в подавляющем большинстве — татар): «Мусульмане живут весьма замкнуто и проникнуть в татарскую среду дело почти невозможное, так они весьма подозрительны и недоверчивы к власти»⁷².

Можно выделить три основных вида занятий городских татар: торговля, услужение, ремесло. Как правило, татары приписывались к купцам или мещанам (как и русские ремесленники). Интересно отметить, что вся прислуга, исполнявшая черную работу в Зимнем дворце (около 100 человек), были татары. Татары-торговцы жили артелями по 20—30 человек и разделялись на два типа: «халатники» (торговцы старьем, издали узнаваемые по характерному крику: «Халат—халат!») и разносчики «красного» (галантерейного) товара.⁷³

Перечень занятий татар говорит о том, что они наряду с другими «иностранцами» были дискриминируемой группой в населении столицы и других русских городов. Характерно в связи с этим воспоминание Л. Успенского о типичной надписи на домах в некоторых кварталах Петербурга: «Татарам и прочим крикунам вход во двор запрещен»⁷⁴.

Социальное обособление находило свое отражение и в относительно компактном расселении татар в разных районах города.

⁷¹ Там же, № 554, Отчеты о магометанских приходах в Петрограде и его уездах, 1911—1917 гг.

⁷² Там же.

⁷³ Бахтияров А. Татары в Петербурге, с. 226; см. также: Кони А. Ф. Петербург: Воспоминания старожила. Пг., 1922, с. 20.

⁷⁴ Успенский Л. Записки старого петербуржца. Л., 1969, с. 79.

В нашем исследовании на основании данных городских переписей населения была предпринята попытка определить «татарские зоны» в этнической топографии Петербурга. Районы повышенной концентрации татарского населения «перемещались» по карте города в промежутках между переписями населения. Так, в 1869 г. 28 % всех городских татар жили в Московской части (главным образом торговцы-лоточники), 17 % — в Адмиралтейской части (в основном прислуга). Впоследствии начало расти число татар на окраинах города (табл. 4). В 1910 г. уже более трети татар (36 %) живет в Московской и Александро-Невской частях, они селятся также за Нарвской заставой. Возможно, перемещение зон компактного расселения татар обусловлено не только расширением городской территории, но и изменениями в структуре их профессиональных занятий, в частности включением татар в крупное промышленное производство, их пролетаризацией.

В городах с высокой интенсивностью социальных процессов, быстрым профессиональным «перемешиванием» разных групп оказывается возможным (даже применительно к XIX в., не говоря о современности) выделение не столько этнически однородных районов, сколько районов с повышенной «парциальной плотностью» определенной этнической, профессиональной или иной группы населения.

Численность татар даже в тех частях города, где их плотность выше теоретически вероятной, не превышала 1 % населения. К тому же сводные переписные данные относятся к довольно крупным территориально-административным единицам и не отражают этнического состава населения кварталов и тем более — отдельных домов с преимущественно татарским населением, объединенным культурно-бытовыми и хозяйственными связями. Тем не менее очевидно, что одни части города (Адмиралтейская, Казанская и Московская) характеризуются из десятилетия в десятилетие повышенной долей татарского населения, другие (Спасская, Нарвская, Александро-Невская) постепенно становятся центрами его притяжения. Для некоторых районов города, например Василеостровской части, постоянно характерна низкая доля татар (табл. 4).

Дореволюционная этническая топография города (в частности, расселение в нем татар) определялась прежде всего сословной принадлежностью, родом занятий, имущественным ценом. Постепенный территориальный рост города приводит сначала к расширению зон повышенной плотности татарского населения, а затем к их размыванию (при преимущественной концентрации татарского населения в южной, промышленно развивающейся части города).

Тем не менее в течение рассматриваемого периода постоянно наблюдаются участки повышенной «парциальной плотности» рассматриваемого компонента этнически смешанного населения столицы. По-видимому, определенная компактность расселения однородной в социальном отношении национальной группы зави-

Таблица 4

Доля татар в общей численности населения отдельных частей Петербурга (в %)

Части города	Год переписи			
	1881	1890	1900	1910
Адмиралтейская	0.90	0.67	0.84	0.80
Казанская	0.44	0.42	0.42	0.68
Спасская	0.19	0.24	0.48	0.67
Коломенская	0.16	0.12	0.13	0.19
Нарвская	0.17	0.13	0.94	0.36
Московская	0.72	0.90	0.67	0.77
Александров-Невская	0.12	0.29	0.55	0.57
Рождественская	0.20	0.29	0.38	0.25
Литейная	0.21	—	0.15	0.18
Василеостровская	0.27	—	0.32	0.27
Петербургская	0.38	0.26	0.46	0.29
Выборгская	0.18	—	0.24	0.15

сит не только от социально-экономических факторов (хотя их влияние и ведущее). На степень компактности национальных групп, расселенных в этнически мозаичной среде, могут влиять и семейные связи, традиции и т. п. Основное ядро татарского населения в Петербурге сложилось из отходников, которые, постепенно оседая в городе (в определенных его районах), могли информировать других «потенциальных мигрантов» о возможностях устройства в данном конкретном месте. В отношении отходничества такая тенденция замечена давно: «Движение начинается с какого-нибудь случайного выхода в город нескольких личностей, которые, найдя выгодное занятие и заработок. . . начинают понемногу привлекать к нему своих родичей и односельчан».⁷⁵ При этом естественно односельчанам и родственникам селиться поблизости от помогающих им на первых порах земляков, создавая целые «колонии», налагающие своеобразный культурно-бытовой отпечаток на весь облик большого города.⁷⁶

Рассмотрим эволюцию татарской этнодисперсной группы за последние полвека, опираясь на данные анкетного опроса. Прежде всего, оказывается, что существование современной татарской группы в Ленинграде является скорее результатом механической миграции новых переселенцев, нежели следствием естественного воспроизводства старожильческих семей.

В XX в. численность населения города в целом (как и его татарской части) претерпевала значительные изменения под

⁷⁵ Россия: Полное географическое описание нашего отечества. Спб., 1902, т. 2, с. 264; см. также: *Покшишевский В. В.* Миграции населения как общественное явление и задачи статистического их изучения. — В кн.: Статистика миграций населения. М., 1973.

⁷⁶ Факторы такого рода могут действовать и в современных условиях, влияя на расселение мигрантов в городах; см.: *Любовный В. Я.* Опыт изучения формирования городского населения. — В кн.: Вопросы географии населения СССР: Сборник статей к I Межведомственному совещанию по географии населения. М., 1961.

Таблица 5

Динамика миграций в город опрошенных татар и членов их семей (в %)

Кто мигрировал	Годы миграций					
	неизвестны	до 1900	1900—1919	1920—1939	1940—1959	1960—1975
Сам респондент	—	1.6	11.8	38.6	36.5	11.5
Первые переселенцы семьи	5.1	14.0	12.2	54.5	12.3	1.9

влиянием социально-экономических причин (войны, революция, блокада и др.). Достаточно упомянуть, что к 1921 г. в связи с гражданской войной и голодом численность населения Петрограда упала вдвое против дореволюционного уровня.⁷⁷ Потери городского населения после Великой Отечественной войны были восполнены лишь к 1959 г. В связи с этим в составе городского населения сократилась доля коренных жителей, особенно тех семей, которые насчитывали несколько поколений.

Как показывают данные этносоциологических исследований, современная 40-тысячная группа татарского населения города сложилась главным образом в результате новых волн послереволюционной и послевоенной миграций. Однако с учетом значительной эволюции населения Ленинграда доля старожильческих татарских семей в группе не так уж мала: около 46 % обследованных семей начали переселение в город до 1920 г., в том числе более 15 % — в XIX в. Вероятно, в XIX в. переехали в Петербург и предки тех, кто не смог указать, в какие годы (или не позднее каких лет) их прямые родственники впервые приехали в город (5.1 %).

Согласно анкетным данным, в миграционном потоке татар в Ленинград отчетливо видны две «волны» повышенной активности миграций, приходящиеся на начало 30-х годов и послевоенные годы. Миграции разных лет связаны с разными объективными социально-экономическими причинами, хотя субъективно миграция населения, будучи целенаправленным процессом, осознается как осуществление стремления переселенцев улучшить условия жизни (табл. 5).⁷⁸

Если переселение татар в Петербург в прошлом и начале нынешнего века естественно связывалось с отходничеством, то потоки переселенцев в начале 30-х годов, вероятно, связаны с двумя комплексами изменений: с одной стороны, с коренной перестройкой сельского хозяйства (развитие разделения труда и профессионализации, сопутствующих коллективизации, распространение грамотности и т. п.), с другой — с развитием индустриа-

⁷⁷ См. об этом, например: *Козлов В. И.* Национальности СССР. М., 1975, с. 78.

⁷⁸ *Переведенцев В. Н.* Современная миграция населения в СССР. — В кн.: Народонаселение и экономика. М., 1967.

лизации, обусловившей потребность городской промышленности в притоке трудовых ресурсов из села. Послевоенная волна миграции, по-видимому, является частью общего процесса урбанизации, активизировавшего разные типы перемещений трудовых ресурсов в масштабах страны: из села в малые и крупные города, а из малых городов — в крупные. Кроме того, существенным оказалось воздействие Великой Отечественной войны на ход этнических процессов (особенно в европейской части страны): оно проявилось в усилении межэтнических контактов, широком распространении русского языка, влиянии эвакуированного населения на культуру и быт коренного населения в районах его размещений.⁷⁹

Приобщение к интернациональной и русской культуре, расширение «этнического кругозора» жителей сел и городов с коренным татарским населением, распространение билингвизма за счет длительных контактов с временными переселенцами должны были усиливать потенциальные ориентации на миграцию в русские города.⁸⁰

Определение мест выхода ленинградских татар и размера миграций отсюда представляет интерес для создания картины миграционных связей. Большая часть мигрантов (а их 2/3 среди опрошенных) являются выходцами из сел Мордовской АССР или Пензенской обл.⁸¹ — 38.2 %, из крупных городов страны (столиц республик или областных центров) — 15.7 %, из различных малых городов — 10 %. В число указанных городов не входят города, расположенные на территории ТАССР, БАССР, т. е. в зонах более или менее компактного расселения татар. Часть переселенцев из малых городов, расположенных на территориях дисперсного расселения татар, составляют переселенцы из Саранска (Мордовская АССР), Касимова (Рязанская обл.) и городов Поволжья (Ульяновская, Саратовская, Куйбышевская области, Чувашская и Марийская АССР). Остальные переселенцы из малых, а тем более из крупных городов, как правило, с переездом в Ленинград осуществили уже не первый цикл миграции в иноэтническую среду, т. е. их семьи покинули татарские села задолго до этой последней миграции. Проблемы адаптации к иноэтнической среде и городскому образу жизни для этих новоселов не так актуальны, как для приезжих из татарских деревень.

Из самой ТАССР, а также из Башкирии, где доля татарского населения была выше доли башкир, в общей сложности прибыло 18.8 % ленинградских татар-переселенцев, в том числе 10.1 % из сел, 2.4 % из малых городов, 6.3 % из Казани.

⁷⁹ Гурвич И. С. К вопросу о влиянии Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. на ход этнических процессов в СССР. — СЭ, 1976, № 1.

⁸⁰ О значении таких факторов см.: Переведенцев В. Н. О влиянии этнических факторов на территориальное перераспределение населения. — Изв. АН СССР, Сер. географ., 1965, № 4.

⁸¹ Часть территории Мордовской АССР в 1939 г. перешла в административное подчинение Пензенской обл.

Сравнивая географию мест выхода опрошенных с географией мест выхода предков уроженцев Ленинграда, можно обнаружить значительную межпоколенную устойчивость связи «полюса вселения» и «полюсов выхода» переселенцев (коэффициент связи Чупрова составляет 0.69). Родители, деды и более отдаленные предки живущих в городе татар приехали из тех же районов, что и мигранты последних десятилетий, причем соотношения мигрантов разных поколений из тех или иных районов близки. Заметно лишь межпоколенное различие: мигранты старших поколений чаще выезжали из сел, чем из городов, особенно крупных, что естественно объясняется изменением уровня урбанизированности современного населения.

Обращает на себя внимание отчетливо выраженный поток миграции из сел Мордовской АССР и Пензенской обл. (43.5 % всех переселений предков опрошенных и 38.2 % переселений самих опрошенных). Поскольку этот регион территориально значительно ближе к другим возможным центрам притяжения переселенцев, в первую очередь к Москве и Казани, встает вопрос о причинах тяготения «мордовских» татар к Ленинграду.

Известно, что зависимость объема прибывающих от расстояния перемещений хорошо описывается обратной связью и характеризуется кривой гиперболического типа,⁸² т. е. с увеличением расстояния перемещений, как правило, уменьшается объем миграционного потока. Однако для Ленинградской обл. (и самого Ленинграда как главного центра притяжения новоселов) получены заметные отклонения от этой зависимости, выраженные «всплеском» объема потока прибывающих из зоны, удаленной от Ленинграда на 1250 км. В начале 60-х годов из этой зоны (куда входит и Мордовия) в город постоянно прибывало почти втрое больше ожидаемого количества переселенцев.⁸³

Вероятно, пространственные закономерности миграции зависят от сложного механизма формирования оценок притягательности того или иного центра, не сводимых к одним экономическим факторам. Иначе трудно было бы интерпретировать зафиксированные отклонения, явно не определяемые ни экономическими расчетами, ни даже культурным значением центра. Можно выдвинуть предположение об известной инерционности миграционных связей, что зависит в свою очередь от функционирования информации о возможности миграции, передающейся по каналам родственного и дружеского общения, т. е. в рамках неформальной коммуникации. На такую закономерность указывал и В. В. Покшишевский: «Своеобразная географическая черта миграции, подмеченная статистически и хорошо объясняемая в ходе при-

⁸² Эта зависимость описывается уравнением $y = ax_i^{-1} + b$, где y — объем потока прибывших в i -тый населенный пункт; x_i — номер зоны удаленности; a, b — параметры уравнения; см.: Татевосов Р. В. Исследование пространственных закономерностей миграции населения. — В кн.: Статистика миграции населения. М., 1973, с. 44.

⁸³ Там же, с. 46, рис. 5.

стального изучения отдельных случаев, — устойчивость раз сложившихся корреспонденций. Всякая достаточно заметная по объему одновременная миграция приводит к неизбежному продолжению и в дальнейшем в силу, с одной стороны, лучшей информированности потенциальных мигрантов о том, что может дать им переселение, с другой — более легкого устройства на новом месте, возможности воспользоваться помощью земляков или родственников». ⁸⁴ Он также пишет: «Имея в районе вселения как бы коллектив своих земляков, мигрант не в такой мере ощущает свою оторванность от родной почвы». ⁸⁵

Как уже отмечено, сравнительно небольшое число татарских семей, живущих в Ленинграде в течение нескольких поколений (с начала нынешнего или с прошлого века), не позволяет считать довольно быстрый рост татарской части населения города результатом естественного воспроизводства и прямой преемственности механической миграции. Следует предположить (и об этом свидетельствует ряд опрошенных), что значительная доля первых переселенцев из разных сел и городов ориентировалась на устойчивую информацию о наличии большой группы татар в городе и рассчитывала на установление связи с этой группой при устройстве на новом месте. Такая информация могла оказаться и недостойверной (так, она явно устарела к 30-м годам — времени, соответствующему наибольшей волне переселения татар в Ленинград), но она сохранялась и передавалась по семейно-родственным каналам, традиционно значимым в татарской среде, по инерции оказывая влияние на пространственные закономерности миграции. Географические источники миграции в известной мере характеризуют и этническую принадлежность переселенцев. Однако, следуя принципу самоидентификации, мы получили в ходе опроса дополнительные сведения об этнографических группах в структуре городского татарского населения. Судя по ответам на вопрос о том, к какой группе татарских народов причисляет себя опрошенный, в городе имеются разные локальные этнографические группы татар в следующих пропорциях:

казанская	— 27.2 %;	мишари	— 30.6 %;
астраханская	— 0.5 %;	другие группы	— 13 %;
тобольская	— 0.2 %;	затруднились	
касимовская	— 3.6 %;	в определении	
		группы	— 24.9 %.

Таким образом, среди ленинградских татар представлены две значительные группы (казанские татары и мишари) и одна небольшая, этнографически переходная между ними, — касимовские татары. Еще две крупные группы татар: не указавшие локальной этнической принадлежности (24.9 %) и «другие группы» (13 %) — особенно интересны с точки зрения изучения

⁸⁴ Покшишевский В. В. Миграции населения. . . , с. 29—30.

⁸⁵ Там же, с. 14.

уровня их этнического сознания. По сути дела обе они включают этнофоров с неопределенной субэтнической идентификацией. При этом представители групп, не учтенных в списке возможных вариантов ответов, как правило, определяли свою «локальную этническую принадлежность» в соответствии с географией мест выхода, именуя себя уфимскими, саратовскими, мордовскими, горьковскими и даже ленинградскими татарами. Характерно, что приехавшие из Казани назывались исключительно «казанскими» татарами, хотя, безусловно, в этой группе переселенцев, как и в самой Казани, присутствуют представители и других этнографических групп. По-видимому, во всех этих случаях наблюдается трансформирующее влияние топонима на этноним; оно тем ощутимее, чем глубже нивелируются локальные культурно-бытовые различия и другие дифференцирующие признаки этнической принадлежности жителей большого города, вплоть до утраты локального самосознания и первоначального самоназвания. Самоназвания опрошенных групп татар, отсутствующие в научной классификации, могут также быть рассмотрены как отражение существующих расхождений между этническими группами татар и этнографическими группами, т. е. группами осознанного самовыделения и группами с фиксированной исследователями культурной спецификой. ⁸⁶

Иногда этническое самосознание членов таких «неучтенных» этнических групп довольно высоко развито; в подтверждение реальности существования группы информаторами приводятся разнообразные сведения о ее расселении, а также народная этимология этнонима. Так, например, информатор из группы опрошенных, относящих себя к «межгарам», пояснил, что этноним «межгары» является трансформацией более раннего этнонима «нежгар» (самоназвание, в свою очередь происходящее от топонима Нижний Новгород; т. е. межгары — нижегородские, или горьковские, татары). ⁸⁷

Учитывая возможность несовпадения «внутриэтнической» и этнографической классификаций, мы тем не менее считаем правомерным отнесение разнообразных, как правило, «топонимических» самовыделяющихся групп к группе респондентов, затрудняющихся в определении своей узкой этнографической принадлежности. Выпадение промежуточных уровней этнического сознания (сохранение представления лишь о своей принадлежности к татарскому этносу) является естественным следствием контактирования с преимущественно иноэтнической средой, главным образом русскими.

Применительно к этнодисперсной группе в иноэтнической среде это явление, на наш взгляд, нельзя рассматривать в ка-

⁸⁶ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973, с. 114.

⁸⁷ Не исключено, что эта народная этимология не лишена основания, так как известно, что типичное явление в области консонантизма тюркских языков — древнее чередование *м~н*. Некоторые исследователи выводят тюркское *м* из *н*; см.: Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, с. 29.

честве показателя процесса этноконсолидации (что могло бы быть правомерным для локальных групп, расселенных в основном в этническом ареале). По-видимому, следует интерпретировать отмеченную направленность изменений в этническом сознании представителей этнодисперсной группы как ступень естественной ассимиляции с русским окружением. Известно, что самоназвание в ходе этого процесса оказывается устойчивее других элементов этнического сознания.

Характерно, что доля лиц, не знающих своей локальной этнической принадлежности, уменьшается при переходе от потомков мигрантов прежних поколений к группам недавних переселенцев:

Неизвестные	Годы миграции			
	1850—1900	1900—1919	1920—1939	1960—1970
50 %	43.8 %	34.8 %	25.5 %	22.2 %

Чем раньше прямые родственники опрошенного приехали в город, тем чаще последний не знает, к какой локальной группе принадлежали его предки. Значит, утрата представлений о локальной этнографической группе нередко сопровождается забвением первых переселенцев в роду.

Однако, сопоставляя места выхода предков переселенцев и хронологию их миграции с аналогичными характеристиками определенных, известных групп, можно предположительно судить и о принадлежности респондентов с неопределенным субэтническим сознанием к той или иной этнографической группе (табл. 6).

Сходство мест первоначального расселения и близость времени миграции говорят о том, что представители «неопределенных» групп, утратившие «узкое» самосознание, как правило, относятся к мишарям или касимовским татарам.

Вообще, несмотря на то что «пик» миграционной активности татар приходится на 1930-е годы (табл. 5), имеются небольшие различия в сроках переселения разных групп (табл. 6). Вероятно, в числе первых были касимовские татары. Ранняя волна миграций касимовских татар, видимо, объясняется тем, что эта группа уже с начала XV в. переселилась в пределы южных земель Московского государства и служила опорой для проникновения русского влияния на Казанское ханство.⁸⁸ Таким образом, касимовские татары имели самый длительный опыт сотрудничества с русскими. В последующие годы число переселяющихся в Петербург касимовских татар постепенно падает до нуля, очевидно, в связи с этноконсолидационными и ассимиляционными процессами в основном регионе их расселения. В XIX в. значительны также миграции мишарей и представителей «неопределенных» этнографических групп (по-видимому, также мишарей); к началу XX в. к этим

⁸⁸ Татары Среднего Поволжья и Приуралья, с. 11—12.

Т а б л и ц а 6

Динамика миграций разных этнографических групп татар в Петербург—Ленинград (в %)

Этнографические группы татар	Годы миграций первых переселенцев семьи						
	неизвестны	не позднее 1850	1850—1900	1900—1919	1920—1939	1940—1959	1960—1975
Казанская	15.3	0.0	18.7	16.7	27.2	45.5	55.6
Касимовская	9.7	28.6	0.0	4.6	3.0	0.0	0.0
Мишари	25.0	42.8	37.5	34.8	32.8	25.8	11.1
Другие группы	0.0	0.0	9.1	12.0	12.6	11.1	11.1
Группа неизвестна	50.0	28.6	43.8	34.8	25.0	16.1	22.2

группам присоединяется поток казанских переселенцев. К 30-м годам казанские татары среди мигрантов составляют уже более четверти, как и представители неопределенных групп, а мишари — треть; как правило, они в отличие от казанских татар — сельские жители.

В потоке переселенцев 1940—1969 гг. имеет смысл учитывать лишь послевоенную миграцию в Ленинград; среди послевоенных переселенцев, отчасти увлекаемых потоками возвращающихся из эвакуации жителей Северо-Западного региона, уже преобладают казанские татары — 45.5 %, а мишарей и представителей всех остальных групп (вместе) — по 25 % от общего числа новоселов-татар. В последние годы наблюдается сокращение миграции татар в город (общая численность прибывших после 1960 г. составляет около 2 % мигрантов всех лет, тогда как доля прибывших с 1920 по 1939 г. — 57.9 %; с 1940 по 1959 г. — 14.3 %). Очевидно, сокращение переселений обусловлено административными ограничениями роста крупнейших городов, а также промышленно-экономическим и культурным развитием городов самой Татарии. Среди немногочисленных мигрантов последних лет казанских татар уже более половины; третью часть составляют представители групп с неопределенным локальным этническим самосознанием (обычно переселенцы из других крупнейших городов страны).

Доля мишарей падает до 11.1 % от приезжающих, что связано также с сокращением прямого потока миграций из села в крупный город и повышением удельного веса «двухступенчатых миграций»: село — малый или средний город — большой город. Миграционный поток казанских татар несколько отстает по времени от потока переселений мишарей и особенно касимовских татар. Увеличение доли переселенцев с неопределенным локальным этническим сознанием, несомненно, связано с влиянием процесса урбанизации на этническое сознание жителей коренных татарских районов.⁸⁹

⁸⁹ Доля татар-горожан в целом по стране к переписи 1970 г. уже превысила долю сельских жителей.

Сопоставление конкретных населенных пунктов, из которых прибыли ленинградские татары, с этнической самидентификацией последних позволяет выдвинуть предположение и о более дробной дифференциации представленных в исследовании этнографических групп (темниковско-лямбирская, сергачская, буинская группы, башкирские тептяри и др.). Однако о наличии представителей этих этнических групп среди татарского населения Ленинграда можно судить только по списку сел и областей, из которых они приехали; соответствующая дифференциация не находит никакого отражения в этническом самосознании опрошенных.

Завершая исторический экскурс, хотелось бы коротко остановиться на развитии «социально-экологического» положения членов этнодисперсной группы.

Мы попытались проследить преемственность в этнической топографии — районов расселения татар на территории Петербурга. Черты такой традиционной преемственности отмечает ряд исследователей городского татарского населения (в ТАССР, в Западной Сибири). Так, Н. А. Томилов сообщает, что около 30 % татар Томска в начале 1970-х годов по-прежнему жили в районе бывшей Татарской слободы.⁹⁰ В. О. Рукавишников отмечает наличие микрорайонов с повышенной долей лиц русской или татарской национальности в Казани и Альметьевске (по материалам исследования 1974 г.).⁹¹

Татары по численности никогда не составляли в столице Российской империи группы с таким удельным весом, который мог бы обеспечить их абсолютное преобладание в рамках каких-то значительных территориально-административных единиц. Как уже отмечалось, по данным дореволюционных переписей мы можем судить только о районах с повышенной плотностью татарского населения (при теоретически более вероятном для города дисперсном расселении).

Современный крупный город с его интенсивным жилищным строительством и высокими темпами социальной мобильности создает условия для «перемешивания» всех социальных и национальных групп и не способствует территориальному закреплению какой-либо из них. Действительно, отмеченные старые районы преимущественного проживания татар, как правило, теперь таковыми не являются. И наоборот, северные районы города (Петроградская и Выборгская стороны, Васильевский остров), которые до революции не входили в число предпочитаемых татарами районов, теперь являются местами проживания значительной части этой этнодисперсной группы. Однако следует упомянуть и об одном исключении из этого правила — устойчивом сохранении на протяжении более чем полувека большой группы татарских семей в северной и средней части Московского района

⁹⁰ Томилов Н. А. Современные этнические процессы у татар городов Западной Сибири, с. 87.

⁹¹ Рукавишников В. О. Этносоциальные аспекты расселения в городах Татарии. — СЭ, 1978, № 1.

(как на участках дореволюционной застройки, так и в микрорайонах послевоенного строительства 50-х годов). Сохранение одного района с относительно компактной группой татарского населения может объясняться тем, что «изменения в расселении следуют за изменениями в социальной и этнической структурах с некоторым отставанием во времени; при этом система этнотерриториальной дифференциации более консервативна».⁹² Кроме того, наличие стабильного района проживания татар в городе может объясняться желанием мигрантов поселиться вблизи земляков, что дает некоторые преимущества, а также стремлением части татарских семей жить вблизи от родственников,⁹³ с которыми они поддерживают традиционно тесные связи.

В этом можно усмотреть специфику этнотерриториального распределения татарской группы в населении города, связанную, по-видимому, с традициями общения в соседско-родственной среде. Как мы видели, для эстонцев, напротив, уже в XIX в. характернее дисперсное расселение по территории города — тем более это типично для современной этнодисперсной группы. Та же тенденция, как будет показано далее, проявляется и в этнотерриториальном распределении армян в современном городе.

3. АРМЯНЕ⁹⁴

Армянская колония в Петербурге сыграла значительную роль в истории русско-армянских связей и в развитии культуры армянского народа. Она возникла вскоре после основания города, в связи с тем, что Петр I, а впоследствии и Екатерина II поощряли приезд в новую столицу деловых людей и мастеров, владеющих каким-либо ремеслом. Поначалу в Петербурге обособились армянские купцы. Первое упоминание об армянах в Петербурге относится к 1708 г., а в 1710 г. их насчитывалось уже 40—50 человек, организованы первые «армянские конторы».⁹⁵ «Армяне суть купцы, мастера галантерейных вещей. . . и проч.», — пишет современник об армянах Петербурга на рубеже XVIII—XIX вв.⁹⁶

В 1714 г. архимандрит Минас просит у подканцлера барона Шафирова дозволения строить в Петербурге армянскую церковь.⁹⁷

⁹² Там же, с. 89.

⁹³ Заметная часть татарских семей (более 10 %) получила свое нынешнее жилье в результате самостоятельного обмена жилой площади внутри города.

⁹⁴ Раздел написан при участии А. Б. Вартанова.

⁹⁵ Базиянц А. П. Правда интереснее легенд. М., 1975, с. 30. Ранняя история колонии частично изложена в работе: Григорьян К. Н. Армянская культурная колония в Петербурге в XVIII веке. — Изв. АН АрмССР, Ереван, 1953. См. также: Агаян Ц. П. Роль России в исторических судьбах армянского народа. М., 1982, с. 124—130.

⁹⁶ Словарь географический Российского государства, собранный Афанасием Шекотовым. М., 1807, ч. V, с. 664 (источник любезно указан нам М. Э. Коган). См. также: ЦГИА, ф. 880, оп. 5, д. 108, л. 12 и др.

⁹⁷ Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. М., 1933, ч. 1, с. 358.

С начала 1730-х годов в городе уже существовала Армянская улица; в 1740 г. Лука Ширванов получил высочайшее разрешение на постройку церкви во дворе своего дома.⁹⁸

Вероятно, вначале армянская колония располагалась на Васильевском острове. Официально участком, заселенным армянами, владели Лука Ширванов, в затем «бенгальский гражданин, армянский купец и ювелир Артемий Шериман»,⁹⁹ владелец судов и мануфактур, который к 50-м годам имел дома не только на Васильевском острове, но и близ Зимнего дворца.

К. Н. Григорьян, ссылаясь на архив влиятельной армянской семьи Абамелек-Лазаревых, считает, что в Петербурге в 80-е годы XVIII в. постоянно жило около 150 армян. Несколько меньшую цифру приводит И. Г. Георги: «Армянский приход состоит не более как из ста человек».¹⁰⁰

В середине XVIII в. в Петербург из Ирана переезжает семья Лазаревых, ставшая фактически во главе армянской колонии. Старший из братьев Лазаревых, Иван Лазаревич (1735—1801), благодаря активной предпринимательской и политической деятельности, а также огромному богатству сближается с царским двором, общается с Потемкиным-Таврическим, Безбородко, Вяземским, Зубовым, Суворовым и Румянцевым. Впоследствии он способствовал приобретению в российскую казну от армянского купца Г. Сафрасова знаменитого бриллианта, поднесенного Г. Г. Орловым Екатерине II в день ее тезоименитства в 1774 г.¹⁰¹ И. Л. Лазарев получил разрешение на постройку новой армянской церкви св. Екатерины на Невском проспекте (1771—1780). Строительство осуществил Ю. М. Фельтен. Он же выстроил по заказу Лазаревых несколько домов возле церкви.¹⁰² На освящении церкви присутствовал князь Г. А. Потемкин. По инициативе и за счет И. Л. Лазарева через десять лет после постройки церкви на Невском проспекте строится другая армянская церковь — на Васильевском острове (св. Арутюна). Здесь же отводится место для погребения приверженцев армяно-григорианской церкви.¹⁰³ В 1800 г. в Петербурге действует армянская школа (возле церкви на Невском), здесь же «была основана в 1780 г. и функционировала первая армянская типография в России».¹⁰⁴

⁹⁸ Правда, А. П. Базиянц считает, что более вероятным было отведение части уже имевшегося дома под богослужение (Базиянц А. П. Над архивом Лазаревых. М., 1982, с. 16—17).

⁹⁹ Центральный гос. архив древних актов, ф. 1252, оп. 1, ч. 1, д. 19, л. 10 (цит. по: Базиянц А. П. Над архивом Лазаревых, с. 16).

¹⁰⁰ Георги И. Г. Описание российского императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопримечательностей в окрестностях его. СПб., 1794, т. 2, с. 282.

¹⁰¹ Подробнее об этом: Базиянц А. П. Правда интереснее легенд, с. 53—73.

¹⁰² Ныне Невский пр., д. 40—42.

¹⁰³ Ныне это так называемое Армянское кладбище (возле Смоленского кладбища). Его надгробные памятники описаны в работе: Григорян Г. Эпиграфические сведения об армяно-русских отношениях XVIII—XIX вв. — Вестн. общественных наук АН АрмССР, 1983, № 8, с. 45—60. (На арм. языке).

¹⁰⁴ Арешян С. Г. Армянская печать и царская цензура. Ереван, 1957, с. 18.

Таблица 7

Численность и вероисповедание армян Петербурга

	1869	1881	1890	1900	1910
Всего армян	370	572	656	1147	2120
В том числе:					
армяно-григориан	329	556	645	1127	2047
армян-католиков	32	7	5	5	17
армян-протестантов	1	1	1	2	9
армян-православных	8	8	5	11	47
армян-мусульман	—	—	—	2	—

Ее создателем был Г. Х. Халдарян, поборник просвещения, автор армяно-русского словаря, изданного в Петербурге в 1788 г. Издательско-просветительскую деятельность продолжает впоследствии его жена Катарине Халдарян (Сафарова), которая выпускает первый учебник русского языка для армян. В 1789 г. армянская типография из Петербурга была переведена в Нахичевань-на-Дону, но с 1812 г. в тех же домах была открыта вторая армянская типография.

«Петербург XVIII века, — пишет К. Н. Григорьян, — занимает весьма важное место в истории армянского просвещения. Здесь именно, в стенах Академии наук, разрабатывалась программа будущей первой армянской школы на территории России».¹⁰⁵

После присоединения Восточной Армении к России (1828 г.) численность петербургской армянской колонии продолжала расти, хотя наряду с ней формировалась крупная армянская колония в Москве, где возник Лазаревский институт восточных языков — крупный культурный и научный центр.

О численности армянского населения Петербурга в XIX в. свидетельствуют городские переписи, проводившиеся в 1869, 1881, 1890, 1900 и 1910 гг., а также результаты Первой всероссийской переписи населения 1897 г. (табл. 7).

Наибольший рост численности приходится, таким образом, на период после 1890 г. Хотя приезжали армяне в город отдельными семьями, а не компактными группами, в Петербурге сложилось несколько районов, где проживало до 70 % армянской колонии. Это территория Московского и Василеостровского районов, а также кварталы, примыкающие к Невскому и Литейному проспектам (табл. 8). Армяне, численность которых в общем населении города не превышала 1 %, в указанных районах составляли до 8 % жителей (например, в третьем участке Литейной части Петербурга).

Живя в русском городе, армянам приходилось приспосабливаться к особенностям его быта, учиться русскому языку — одним словом, в большей или меньшей степени подвергаться воздействию русской культуры. Степень этого воздействия простиралась от

¹⁰⁵ Григорьян К. Н. Армянская культурная колония. . . , с. 74.

Т а б л и ц а 8

Расселение армян по районам Петербурга

Части города	1869	1881	1890	1900	1910
Адмиралтейская	37	31	28	43	42
Казанская	40	27	67	87	88
Спасская	90	78	94	137	168
Коломенская	12	5	6	31	73
Нарвская	9	29	31	45	60
Московская	63	163	193	306	430
Александро-Невская	9	4	6	13	25
Рождественская	3	9	14	34	83
Литейная	57	104	103	184	312
Васильевская	35	82	64	107	230
Петербургская	8	26	23	51	384
Выборгская	7	3	16	41	28
Пригородная часть	—	—	—	24	123
Всего	370	578	645	1103	2047

незначительных культурных заимствований до полного растворения в многочисленном русском населении путем языковой и религиозной ассимиляции. Вероятно, часть петербургских армян перешла на другие языки и приняла другую веру еще до переезда в город. Это могло произойти в других колониях в России (Нор-Нахичевань, Крым, Украина). В Могилеве-Подольском и Львове, например, местные армяне, остатки некогда многочисленных армянских поселений, давно перешли на польский и литовский языки и приняли католицизм. На Кавказе, где армяне жили дисперсно среди грузин, турок, персов, и др., они также часто перенимали языки окружающих народов (табл. 9).

Число перешедших в православие (а это было обязательным условием при поступлении на государственную службу в царской России) значительно уступало числу армян, перешедших на русский язык, но сохранивших национальную религию. Учитывая, что в Петербурге постоянно находились армяне-студенты, недавно приехавшие в город и еще не подвергшиеся интенсивному воздействию русской культуры (в 1869 г. их было 85 человек, в 1910 — свыше 300), можно определить численность затронутых языковой ассимиляцией — 35—40 %, религиозной — 2—3 % (ср. табл. 7 и 9). Среди представителей колонии одновременно существовали группы, хранившие национальное самосознание, хотя и испытывавшие культурное воздействие окружающей среды и уже двуязычные; перешедшие на русский язык (таких было особенно много среди представителей второго и третьего поколения петербургских армян); наконец, слившиеся с основным населением города.

Если первые армяне Петербурга занимались почти исключительно торговлей, то к середине XIX в. наиболее многочисленными были преподаватели и студенты высших учебных заведений, составлявшие свыше 40 % самостоятельного армянского населения и около 30 % от общей численности общины. К тому времени

Т а б л и ц а 9

Распределение армян Петербурга по языку

Родной язык	1869	1881	1890	1900	1910
Армянский	370	492	485	1016	1596
Русский	—	70	157	182	481
Греческий	—	1	—	—	2
Грузинский	2	3	6	11	15
Немецкий	—	2	—	—	3
Польский	—	1	1	—	1
Татарский	—	1	—	—	1
Турецкий	—	2	1	—	—
Английский	—	—	—	—	8
Литовский	—	—	—	—	12
Персидский	—	—	—	—	1
Горские наречия	—	—	3	3	—
Прочие	—	—	3	11	6
Всего	370	572	656	1223	2106

В том числе, %:

Армянский	100	86	74	83	76
Русский	—	12	24	15	22
Кавказские языки	—	1	1.5	1	1
Прочие	—	1	0.5	1	1

основными мигрантами стали молодые мужчины (они составляли до 80 % населения колонии, женщин было в пять раз меньше), приехавшие в столицу Российской империи для получения образования или желавшие усовершенствоваться в различных областях науки, прежде всего в медицине и филологии. Постепенно Петербург стал одним из наиболее крупных центров арменоведения. В Петербургском университете была основана кафедра армянского языка и литературы, на которой работали Н. Л. Бероев, К. П. Патканов, Н. Г. Адонц, И. А. Орбели. Здесь наряду с московским Лазаревским институтом осуществлялась подготовка кадров арменистов. Здесь же было сосредоточено несколько типографий, осуществлявших издания как арменоведческой и исторической литературы, так и периодические. К сожалению, мы располагаем сведениями о социально-профессиональном составе армянской колонии только на 1869 г., но и они достаточно хорошо иллюстрируют вышесказанное (табл. 10).

Согласно нашим расчетам, в это время 78 % армян составляли представители интеллигенции (преподаватели, студенты, служащие), 8 % — буржуазия, 7 % — рабочие и ремесленники и, кроме того, 11 генералов и офицеров, 4 священнослужителя. Согласно оценке, проведенной нами по адресной книге Петербурга на 1913 г., интеллигенция в послевоенный год составляла около 70 % от общей численности общины, продолжая оставаться наиболее значительной социальной группировкой. Несколько возрос к этому времени и удельный вес рабочих и ремесленников (до 15 %). В целом армянское население Петербурга начиная с середины

Т а б л и ц а 10

Социально-конфессиональный состав армянской колонии Петербурга в 1869 г.

Социальные группировки	Армяне православные	Григориане	Католики	Протестанты	Всего
Генералы и офицеры	1	5	5	—	11
Капиталисты	1	19	2	—	22
Торговцы	—	5	3	—	8
Служащие	—	47	1	1	49
Преподаватели и студенты	—	89	4	1	94
Рабочие и солдаты	1	20	3	—	24
Духовенство	—	4	—	—	4
Пенсионеры и иждивенцы	6	117	12	—	135
Арестанты	—	3	—	—	3
Приезжие	—	1	—	—	1
Всего	9	320	30	2	361

XIX в. существенно отличалось от других армянских колоний в России высоким удельным весом представителей интеллигенции.

Положение в конце века изменилось в сторону увеличения доли перподавателей и студентов. Торговцев оставалось сравнительно немного, хотя они и сосредоточили в своих руках всю так называемую «восточную торговлю». Согласно адресной книге на 1913 г., торговлей занимались 27 армян, имевших только на Невском проспекте девять крупных магазинов.

Довольно сложно определить районы, откуда направлялись миграционные потоки армян в Петербург. Косвенные данные можно получить на основе изучения сведений о родном языке и занятиях армян, прежде всего торговцев. Последние, переселяясь в город, обычно сохраняли активные торговые связи с районами прежнего местожительства. Так, судя по материалам Адресной книги Санкт-Петербурга, среди торговцев преобладали выходцы из Крыма, где издавна существовали богатые армянские колонии (Я. А. Ходжейнатов, В. А. Каракосов, Э. Ванианц и др.). Довольно много было выходцев из Грузии (так, в 1910 г. свыше 1% от общей численности петербургских армян признавали в качестве родного языка грузинский), а также из армянских колоний в Польше и Нор-Нахичевани.

Армянский священник Габриел Тер-Габриелянц, посетивший в 80-е годы прошлого века Петербург, отмечал, что «в Петербурге... армянской колонии нет в буквальном смысле этого слова, все армяне живут рассеянно с другими народами, но знают друг друга, их связывает общность языка, религии, в этом смысле и понимается „колония“».¹⁰⁶

¹⁰⁶ Тер-Габриелянц Г. Армянские колонии Москвы и Санкт-Петербурга. М., 1883.

Анализируя роль различных социальных групп в процессе формирования армянской колонии в Петербурге, колонии в полном смысле этого слова, со всеми общественными институтами, следует отметить роль интеллигенции, определявшей — в отличие от большинства других армянских колоний в России — развитие общины. Интеллигенция, по крайней мере значительная ее часть, тесно связана с национальной культурой и служит общественным интересам. При этом национальное самосознание в той или иной степени абстрагируется от классовых противоречий в сфере производства, опираясь на общезнающие элементы (язык, культуру и т. п.).

Начиная с 70-х годов XIX в. в среде петербургской армянской интеллигенции, студенчества в особенности, получили широкое распространение идеи освободительного движения, усилившиеся после русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и образования независимого болгарского государства. Армянский народ увидел пример победоносной борьбы за независимость при поддержке русской армии. Этот подъем патриотизма нашел отражение в многочисленных корреспонденциях из Петербурга, публиковавшихся в популярных армянских газетах и журналах Кавказа («Мшак», «Псак» и др.) и посвященных вооруженной борьбе славянских народов против османского ига. Характерны подписи под этими корреспонденциями: Булгар Авазакапет, Данчо.

Одновременно происходило и усиление общественной деятельности армянской интеллигенции. В начале 80-х годов в городе активно действовал кружок интеллигенции, группировавшийся вокруг Мариам Варданян («Маро») и Мушега Серопяна, впоследствии организаторов партии «Гнчак».

Еще большую популярность приобрело движение «северных», объединившее армянскую интеллигенцию Петербурга и Москвы. Во главе его стоял Саркис Гугонян, петербургский студент, который смог в 1888—1890-е годы создать довольно значительную организацию, целью которой было обеспечение выполнения решений Берлинского мирного конгресса в части реформ в армянских провинциях Турции, а как более отдаленная перспектива — возрождение армянского народа. Как отмечает исследователь армянского освободительного движения XIX в. Л. Налбандян, по своим политическим установкам группа Гугоняна ориентировалась на национально-консервативное течение, послужившее впоследствии основой для создания организации арменаканов, позднее — «Демократически-либеральной» партии (Рамкавар—Азаткан).¹⁰⁷

В социальном плане этой группе, судя по имеющимся сведениям, прежде всего выступлениям в печати, в том числе и в тифлисском «Мшаке», импонировали народнические идеи П. А. Лаврова и Н. К. Михайловского, что в сочетании с общей ориентировкой

¹⁰⁷ Nalbandian L. The Armenian revolution movement. Berkeley; Los-Angeles, 1963, p. 152.

на национально-клерикальное течение в армянском освободительном движении было характерно для части мелкобуржуазных слоев армянских колоний в России.

В целом общественные движения среди петербургских армян в XIX в. отличались эклектичным характером, что определялось в первую очередь социальным составом населения колонии, а также стремлением к деятельности прежде всего в Закавказье, а не к развитию национальных структур непосредственно в Петербурге.

Новый всплеск общественной жизни среди армян города, положивший начало формированию организованной колонии в Петербурге, приходится на период Первой российской революции. Революция обусловила изменения общественно-политической ситуации в стране, устранила многочисленные преграды на путях развития национальной культуры. В атмосфере революционного подъема в Петербурге, как и в других армянских колониях в России, быстро развивалась национальная печать. Следует отметить, что попытки издания армянской периодики, создания национальных общественных организаций предпринимались на протяжении всей второй половины XIX в. Так, например, в 1890 г. С. С. Гуламян предоставил в цензурный комитет ходатайство о разрешении издания журнала «Аракс», в 1905 г. Т. С. Арутюнян — журнала «Циациан». Но царское правительство проводило жесткую линию в отношении развития культуры «инородцев», поэтому начинания такого рода обычно оказывались безуспешными. Характерны обоснования отказов: «...при недостаточном числе проживающих в столице армян едва ли существует потребность в органе печати на родном для них языке».¹⁰⁸ Всего нам известно 17 попыток издания газет и журналов (с середины XIX в. до 1905 г.), из которых удачными были только три. Причем обычно удавались издания сборников переводов, литературных произведений, к числу которых, например, относится ежегодник «Банбер граканутюн ев Арвест», издававшийся в 1903—1904 гг. под редакцией Н. Г. Адонца и А. М. Меликяна.¹⁰⁹

Издания, появившиеся в годы революции, в отличие от ежегодников предыдущих лет имели преимущественно политическую направленность. В наиболее радикальных из них, например в «Саприче», прямо ссылались на Манифест 16 октября 1905 г. как отправную точку своей публицистической деятельности. Эти издания во многом шли в своих требованиях дальше ограниченных свобод, провозглашенных царским режимом.

Социальный состав армянской колонии Петербурга определил в значительной мере демократическую направленность национальной периодической печати. Вместе с передовыми представителями российского пролетариата и интеллигенции сотрудники петер-

¹⁰⁸ Арешян С. Г. Армянская печать и царская цензура, с. 236.

¹⁰⁹ Мкртумян Н. С. Армянская периодическая печать в России в развитии национальной культуры (1900—1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1986.

бургской периодики последовательно выступали за развитие революционного движения в стране, против организуемых царским правительством межнациональных столкновений, при помощи которых оно пыталось сбить накал революционной борьбы. Специально разоблачению роли властей в армяно-азербайджанских столкновениях был посвящен журнал «Арцункнер», издававшийся в 1907 г. под редакцией Е. Багдасаряна и Э. Берберяна. Эти же проблемы постоянно обсуждались и на страницах «Саприча», издававшегося Д. Г. Окрояном и Б. Я. Галустовым. Судя по письмам читателей, постоянно помещаемым на страницах армянской столичной периодики, материалы эти находили отклик далеко за пределами Петербурга и собственно армянских колоний в России.¹¹⁰

Интересно, что в отличие от материалов большинства армянских изданий, выходивших в России, тематика петербургской периодики не ограничивалась вопросами национальной жизни. На страницах «Саприча», «Арцункнера», других изданий постоянно появлялись материалы, посвященные развитию революционного движения в России. Сатирически освещались действия царских чиновников, беспомощность Государственной думы,¹¹¹ выявлялась роль соглашательских партий, позволивших царизму перейти в наступление и в конце концов подавить революционное движение.

Будучи изданием демократического направления, «Саприч» постоянно высмеивал «благотворительность» армянской верхушки Петербурга, стремившейся завоевать авторитет у армян города ничтожными подачками некоторым благотворительным, прежде всего клерикальным организациям.

Развитие армянской периодики в Петербурге было отражением процессов становления самой колонии. До Первой российской революции единственным национальным органом армян здесь был церковный совет. В 1907 г. был основан так называемый Армянский кружок, в 1911 г. — Армянское художественное общество, а всего к 1916 г. в городе действовало уже 8 общественных организаций армянской колонии Петербурга. Кроме упомянутых, это Армянское бюро, Армянское петербургское общество по оказанию помощи беженцам и пострадавшим от войны, Петроградский церковный совет, Петроградское армянское общество попечения о бедных, Армянский клуб, Касса взаимопомощи учащихся армян в высших учебных заведениях Петрограда, а также функционировавшее в 1916—1918 гг. петроградское

¹¹⁰ Согласно расчетам Н. С. Мкртумян, среди опубликованных в 1907 г. на страницах «Саприча» откликов 15 % составляли письма из Петербурга, 30 % — из других армянских колоний России, 40 % — из Закавказья и 15 % — из зарубежных стран, прежде всего из Турции.

¹¹¹ Этим петербургская армянская печать отличалась от армянских изданий, выходивших в других колониях в России, где большие надежды связывались с деятельностью Государственной думы. Такая же позиция была в целом характерна и для армянских корреспондентов из Петербурга, чьи сообщения печатались на страницах национальных газет и журналов.

отделение организационного комитета по созыву армянского съезда.

Интересной особенностью формирования этих общественных организаций, особенно Армянского кружка, игравшего ведущую роль в жизни колонии, было определяющее значение творческой интеллигенции. Ее представители принимали активное участие в основании и руководстве Армянским кружком (например, профессор Петербургской консерватории И. Р. Налбандян, профессор медицины В. И. Вартанов, приват-доцент Н. Г. Адонц, инженер Г. П. Нерсесов). Они привлекали к деятельности в рамках общественных организаций и представителей крупной буржуазии (П. О. Гукасов, А. И. Манташев, братья Джангировы), но инициатива в наиболее значительных мероприятиях принадлежала не состоятельным лицам, которые часто жили далеко от Петербурга, а интеллигенции. В числе членов кружка было и несколько общественных деятелей различных политических направлений (от октябристов до эсеров включительно), а также 8 членов Государственной думы.

Хотя целью работы Армянского кружка было объявлено «сближение армян, проживающих в Санкт-Петербурге»,¹¹² фактически представители петербургской интеллигенции постарались объединить в его рамках наиболее известных армянских общественных деятелей, проживающих в различных районах страны и даже за рубежом. Согласно списку членов кружка, на 16 января 1913 г. в нем состояло 143 члена,¹¹³ что почти в три раза превышает его численность в 1907 г. Из этого числа 75 % составляли жители Петербурга, остальные проживали в других колониях в России, в том числе и на Кавказе. При основании же кружка на долю петербуржцев приходилось более 90 % общей его численности, что свидетельствует о постоянном расширении географии его влияния. Согласно нашим расчетам, 19 % от общего числа членов составляли представители крупной буржуазии, 75 % — интеллигенция, 6 % — военные, придворные, священники.

Члены кружка были инициаторами создания и остальных общественных организаций города. Им удалось сплотить население колонии при решении таких важных вопросов, как помощь беженцам, армии. В колонии были созданы детские сады, где маленькие армяне-петербуржцы обучались родному языку (наиболее известным из них был организованный Анной Тер-Гевондян), а также курсы армянского языка для взрослых.

Необходимо отметить и серьезные противоречия, существовавшие среди армян города. Несмотря на стремление руководителей общественных организаций к единству членов колонии, социальное неравенство привело к ее расслоению. Как сообщал корреспондент журнала «Март», в городе имелись аристократы

¹¹² Устав Санкт-Петербургского армянского кружка. Спб., 1907, с. 3.

¹¹³ Список членов С.-Петербургского армянского кружка со времени его учреждения (1 октября 1907 г.). Спб., 1913.

и крупная буржуазия, с одной стороны, и интеллигенция и «бедняки» — с другой.¹¹⁴ Демократическая печать, в частности «Саприч», постоянно обрушивалась на богачей города, для которых участие в национальных делах было всегда делом третьестепенным.

Основным содержанием деятельности большинства армянских общественных организаций Петербурга была постоянная направленность на решение общенациональных проблем, а не собственно общинных. Так, в частности, Петроградский армянский церковный совет большое внимание уделял сохранению и развитию западно-армянской культуры. В 1913—1914 гг. им была организована экспедиция в Западную Армению под руководством М. Цицикяна для изучения ее экономического положения, в основном в Трабзонском и Эрзрумском вилайетах, а также для сбора этнографического материала.¹¹⁵ Результаты этой экспедиции должны были послужить основой для осуществления широкой программы экономической помощи населению указанных районов со стороны петербургской армянской колонии. В начале XX в. в Западной Армении усилились гонения на христианское, прежде всего армянское население, и петербургские армяне полагали, что сохранение в этих условиях компактного армянского населения в районах исторической Армении послужит основой при решении армянского вопроса.

В октябре 1913 г. на заседании, посвященном 26-летию научной деятельности Н. Я. Марра, была учреждена специальная стипендия для студентов восточного факультета Петербургского университета (первым стипендиатом был В. С. Терьян).¹¹⁶

Большую помощь оказывали армянские общественные организации города западноармянскому населению. Практически ежемесячно устраивались благотворительные мероприятия (концерты, вечера, лекции), весь сбор от которых направлялся в пострадавшие районы. Одновременно эти мероприятия использовались для привлечения внимания русской общественности к тяжелому положению армянского народа под игом Османской империи.

Особенно усилилась эта деятельность с началом первой мировой войны. Уже в октябре 1914 г. на средства петербургского Армянского кружка был открыт первый лазарет. Через 20 дней после начала боевых действий в Западной Армении был организован первый петербургский санитарный отряд, укомплектованный из числа студентов и врачей-добровольцев и направленный в Карскую область.¹¹⁷ Всего за годы войны в городе было сформировано как минимум четыре санитарных отряда, на средства петроградского Армянского кружка были созданы три приюта для западноармянских беженцев (в Астрахани, Аштараке и Ереване).

¹¹⁴ Март, 1914, № 8, с. 3. (На арм. яз.).

¹¹⁵ Армянский вестник, М., 1916, № 7, с. 10.

¹¹⁶ См.: Коммунист. Ереван, 1985, 18 июня, с. 3.

¹¹⁷ Кавказское слово. Тифлис, 1914, № 45, с. 2.

Армянские организации Петрограда стремились привлечь внимание русского общества к страданиям своего народа. Поэтому 16 января 1915 г. в городе был учрежден Русско-армянский комитет для оказания материальной помощи пострадавшим районам Армении, а также для организации широкого освещения в печати положения армянского народа, оказавшегося под ударами Османского государства. Руководству Армянского кружка, выступившему инициатором создания этого комитета, удалось привлечь для работы видных представителей царской администрации, в том числе графа И. И. Толстого, бывшего тогда городским головой, и члена Государственного Совета Н. С. Таганцева. В работе комитета участвовали и представители крупной буржуазии, причем депутат Государственной думы Авдаков организовал специальный Купеческий комитет для сбора финансовых средств. Наиболее широким было представительство в комитете интеллигенции. Среди активных участников комитета на протяжении всей мировой войны были такие известные ученые, как профессор Н. Я. Марр, М. И. Ростовцев, М. С. Васильев; секретарем комитета был избран Н. Г. Адонц. В состав редакционной комиссии комитета, возглавлявшейся профессором Н. Я. Марром, вошли редакторы ведущих столичных газет либерального направления.¹¹⁸ В целом уже за 2 месяца работы Русско-армянского комитета было собрано более 30 тыс. руб., которые и были использованы для спасения беженцев, пострадавших в первые недели войны. В сборе средств участвовали не только русская и армянская общественность города, но и грузинская община,¹¹⁹ что было важно в условиях начавшейся в это время полемики между представителями армянских и грузинских националистических партий о судьбе армянских беженцев на Кавказе. Помощь им оказывалась без различия вероисповедания, что позволило спасти несколько тысяч армян-католиков из числа беженцев, лишенных поддержки других благотворительных организаций.

В начале 1915 г. наметились разногласия между петроградским Армянским комитетом и кавказскими организациями (прежде всего организацией «Братская помощь», руководством Эчмиадзина и закавказскими политическими партиями) по вопросу о судьбе западноармянских территорий.¹²⁰ Но трагедия геноцида, разыгравшаяся в апреле 1915 г., отодвинула на задний план разногласия между отдельными общественными организациями. Петроградский Армянский кружок вновь начинает кампанию по проведению совещания различных комитетов помощи беженцам.

В мае 1916 г. в Петрограде состоялся первый Армянский съезд по оказанию помощи пострадавшему населению Западной Армении. В съезде принимали участие 63 общественные организации, представлявшие армянские колонии в России (70 % от

¹¹⁸ Там же, 1915, № 12, с. 6.

¹¹⁹ Там же, № 59, с. 3.

¹²⁰ Армянский вестник, М., 1916, № 2, с. 1—2.

общего числа делегатов), а также некоторые западноармянские и закавказские комитеты. В работе съезда участвовали и представители некоторых зарубежных колоний, в основном из Северной Америки.¹²¹ Программа съезда, кроме конкретных вопросов оказания помощи, рассматривала возможности экономического восстановления разоренной Западной Армении. Хотя неучастие многих армянских организаций Кавказа, прежде всего Армянского благотворительного общества, существенно повлияло на действенность принятых на съезде решений, осуществление программы экономического восстановления создавало определенные условия для возрождения армянского народа непосредственно на территории исторической Армении. Во исполнение принятых решений в январе 1917 г. в Петрограде был основан Русско-армянский банк для восстановления Западной Армении с основным капиталом в 150 млн. руб. Вслед за этим в марте 1917 г. в Петрограде же был учрежден Русско-армянско-американский банк с основным капиталом в 20 млн. руб., специально для финансирования экспорта сельскохозяйственного оборудования в Западную Армению, чтобы обеспечить возвращавшееся население возможностью быстрого экономического развития.

Важное значение в изменившихся условиях приобретало сохранение национальной культуры армян на территории Западной Армении. На съезде подробно обсуждался этот вопрос, и для исполнения решений съезда из Петрограда было направлено несколько экспедиций в Эчмиадзин и Ереван для сбора среди беженцев предметов национальной культуры, одежды, обуви, а также рукописей.¹²² Предполагалась организация в Петрограде и выставки западноармянской культуры, а также работ беженцев, для которых были устроены мастерские (в том числе и на средства петроградских армянских организаций). Более целенаправленным стало после съезда и проведение мероприятий по помощи беженцам, организации лазаретов и санитарных отрядов, направляемых из различных армянских колоний в России. Таким образом, петроградские армянские общественные организации пытались создать возможности для возрождения Западной Армении, к тому времени в значительной части находившейся уже под контролем русской армии.

Победа Октябрьской революции в Петрограде оказала глубокое воздействие и на русско-армянские отношения. Осуществление ленинского декрета «О Турецкой Армении» могло положить начало созданию нового армянского государства,¹²³ однако международная обстановка конца 1917—начала 1918 г. сделала невозможным проведение мероприятий, предусмотренных этим декретом.

¹²¹ Там же, № 17, с. 9—22.

¹²² Там же, 1917, № 5, с. 17.

¹²³ История армянского народа с древнейшего времени до наших дней / Под ред. М. Г. Нерсисяна. Ереван, 1980, с. 279.

Последующее установление Советской власти в Армении послужило началом возрождения армянской государственности. Руководство петроградской армянской колонии не предусматривало такого решения армянского вопроса, поэтому планы возрождения Армении, разработанные им, оказались несостоятельными. Но большая часть населения армянской колонии Петрограда, и в том числе такие видные представители армянской культуры, как Я. А. Манандян, В. Я. Суренянц, А. А. Адамян, В. Терьян, нашли свое место в возрождении социалистической Армении.

За 40 лет, с 1869 по 1910 г., численность армянской колонии в Петербурге выросла в пять раз и достигла (с учетом и русскоязычных) почти 2 тыс. человек (или 0.1 % населения города).¹²⁴ Такую же долю в населении Ленинграда армяне составляли и в 1926 г., хотя их абсолютная численность была в этот период ниже дореволюционной.¹²⁵

Этнодисперсная группа армян в Ленинграде в послевоенное время характеризуется не только абсолютным, но и относительным ростом численности (см. гл. I, табл. 2). В 1959 г. в городе проживало 4.9 тыс. армян (0.15 % населения); за следующие 20 лет группа увеличилась на 60 % и сейчас составляет около 8 тыс. человек, т. е. 0.2 % населения Ленинграда.¹²⁶

Материалы последних переписей населения и данные нашего этносоциологического исследования показывают, что приток армян в город в последние годы не уменьшается, а даже растет, несмотря на существующие административные ограничения, регулирующие рост населения больших городов. Несколько выросла по данным переписей 1970 и 1979 гг. (по сравнению с 1959 г.) доля лиц, считающих родным язык своей национальности, что может служить одним из показателей увеличения доли мигрантов в первом поколении. Вероятно, важнейшим фактором продолжающегося притока армян в Ленинград является высокая доля специалистов со средним специальным и высшим образованием — как в самой Армении, так и в других городах с большими этнодисперсными группами армян.¹²⁷ Широкая подготовка специалистов в Армении сокращает там число соответ-

¹²⁴ Петроград по переписи населения 15 декабря 1910 г. Спб., б. г., ч. I, отд. II, с. 266—277.

¹²⁵ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. IX : РСФСР. С. 26, 93. По данным переписи 1926 г. указана общая численность армян в городах Ленинградско-Карельского района — 1759 человек. Можно согласиться с выводом М. Э. Коган, что подавляющее их большинство жило в Ленинграде, что и составляло около 0.1 % населения города; см.: Коган М. Э. Этнокультурные ориентации инационального населения большого города : Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985, с. 45 (Ин-т этногр. АН СССР, Ленинград).

¹²⁶ Народное хозяйство Ленинграда и Ленинградской области в 10 пятилетке: Статистический сборник. Л., 1981, с. 25.

¹²⁷ О значительной доле армян среди студентов вузов страны (по сравнению с численностью этноса) см.: Пан А. В., Приходько Н. К. Тенденция интернационализации и социальный статус личности. Томск, 1976, с. 59, таблица.

ствующих вакантных рабочих мест, и приток в Ереван армян из крупных городов СССР (по сравнению с мигрантами из сел и малых городов самой Армении) минимален.¹²⁸

* * *

Исторический очерк формирования этнодисперсных групп в населении Петербурга—Ленинграда позволяет сделать вывод об исключительно широком ареале притяжения в город переселенцев из самых разных областей страны (Прибалтика, Поволжье, Закавказье). Режим миграции в тот или иной исторический период определял соотношение уроженцев города и мигрантов (в каждой этнодисперсной группе). Как мы видели (особенно на примере армян в XVIII и начале XX в., эстонцев — на рубеже XIX и XX вв.), культурная роль этнодисперсной группы, ее влияние на развитие всей национальной культуры своего народа, может быть очень значительной и несопоставимой с численностью группы. В ряде случаев можно говорить о том, что центр и периферия этнокультурного развития вступали в сложные отношения и даже могли на время меняться местами. Сохранность и развитие национальных культурных традиций в иноэтнической среде стимулировались атмосферой культурного центра, в котором сформировались группы переселенцев.

«Трудно переоценить роль Петербурга—Ленинграда в истории эстонской общественной мысли, литературы и искусства, как, впрочем, и в истории культуры многих других народов нашей страны, — пишет С. Г. Исаков. — В Петербурге жили и работали писатели, художники, композиторы, общественные деятели. Многие из них именно здесь получили образование, выработали свое мировоззрение». ¹²⁹ Вся духовная атмосфера Петербурга, который был и центром освободительного движения, способствовала интеллектуальному идейному развитию живших здесь представителей разных национальностей. Сложившиеся здесь тенденции этносоциальных процессов в значительной мере определили социальный и культурный облик представителей разных народов нашей страны и в последующий период.

¹²⁸ См.: Карапетян Р. С. Демографические и социально-культурные параметры мигрантов в Ереване. — Вестн. общественных наук АН АрмССР, 1978, № 7, с. 35—37. (На арм. яз.).

¹²⁹ Исаков С. Г. У истоков дружбы. — Сов. Эстония, 1979, 24 нояб., № 268.

ГЛАВА III.
СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ
СТРУКТУРА
ЭТНОДИСПЕРСНЫХ ГРУПП
АРМЯН, ТАТАР, ЭСТОНЦЕВ
ЛЕНИНГРАДА

Развитие социально-классовой структуры населения города служит основой изменений в образе жизни, культурно-бытовой деятельности горожан. Социальные позиции определяют также многие черты внутрисемейного общения, общественной психологии, этнического самосознания людей. Здесь сохраняет свое значение ленинский тезис о том, что «при всяком действительно серьезном и глубоком политическом вопросе группировка идет по классам, а не по нациям».¹ М. Н. Руткевич справедливо подчеркивает, что «во всяком обществе, где имеются классы, определяющая роль принадлежит структуре классовой, которая перекрещивается с этнической и демографической и тесным образом связана со структурой профессиональной».²

Формирование однотипных социально-классовых структур у советских наций — итог длительного социально-экономического развития нашей страны. Сближение советских народов находит отражение в таких показателях, как удельный вес квалифицированных рабочих и научно-технической интеллигенции в общем составе населения, уровень урбанизированности,³ обогащение содержания труда и досуга и др.

Сглаживание межнациональных различий определяет и характер межэтнических контактов — на институциональном, групповом и личностном уровнях. «Взаимоотношения между различными нациями зависят от того, насколько каждая из них развила свои производительные силы, разделение труда и внутреннее общение».⁴

В нашем исследовании национальные особенности этнодисперсной группы рассматриваются как подчиненные социально-экономическим отношениям; сами национальные отношения изучаются через проявления этнокультурных ориентаций у тех или иных социальных, образовательных, квалификационных групп представителей разных национальностей. Этот подход уже

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 134.

² Руткевич М. Н. Социальная структура социалистического общества в СССР и ее развитие к социальной однородности. — В кн.: Проблемы развития социальной структуры в Советском Союзе и Польше. М., 1976, с. 3.

³ Джунусов М. С. О некоторых методологических вопросах изучения процесса сближения социально-классовой структуры советских наций. — В кн.: Сближение социально-классовой структуры советских наций и народностей. М., 1977, с. 12.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 19—20.

утвердился в отечественной этносоциологии, и его правомерность подтверждена материалами представительных эмпирических исследований.⁵

С точки зрения изучения этнокультурных явлений в этнодисперсной группе особенно важно определить социально-профессиональный статус ее членов в населении всего города. Гипотетически можно допустить, что формирование профессиональных групп высококвалифицированного труда у иноэтнического населения могло проходить замедленными темпами в силу следующих причин: 1) низкий социально-профессиональный статус многих «инородческих» переселенцев Петербурга; 2) значительный приток новых мигрантов из сельской местности в качестве неквалифицированной рабочей силы в довоенный период; 3) необходимость преодоления языкового барьера в процессе культурной адаптации части переселенцев к условиям русскоязычного города.

Помимо этих факторов, особенности социально-профессиональной структуры иноэтнических переселенцев могут определяться традиционными предпочтениями, отдаваемыми некоторым профессиональным занятиям, а также «большой или меньшей легкостью приобретения ими производственных навыков и профессиональной подготовки» и соответственно — возможностями вовлечения их в те или иные отрасли хозяйства, представленные в городах.⁶

Большинство исследователей социальной структуры использует группировки, в основе которых лежат те или иные признаки разделения людей по характеру труда.

Известно, что применяемая в нашей государственной статистике группировка населения в классовом разрезе выделяет следующие общественные группы: рабочие, служащие, колхозники, некооперированные кустари, крестьяне-единоличники. Однако, являясь основой для анализа макроэкономических и социально-классовых процессов в обществе в целом, такая группировка носит слишком общий характер с точки зрения специальных задач, в частности задач этносоциологического исследования.

Для определения места, занимаемого членами этнодисперсной группы в социальной структуре города, необходимо использовать адекватную объекту социально-профессиональную группировку, служащую шкалой сопоставления. Важно учесть, чтобы избранная группировка позволяла анализировать социальные отношения в производственной и внепроизводственной сферах деятельности людей.

В зависимости от конкретных целей и задач возможны различные модификации социальных группировок городского населения. Однако все они должны строиться на общих методологических принципах и по возможности обладать свойством сводимости

⁵ Социальное и национальное: Опыт этносоциологического исследования. М., 1973; Пименов В. В. Удмурты: Опыт компонентного анализа. Л., 1978; Опыт этносоциологического исследования образа жизни. М., 1980, и др.

⁶ Покшишевский В. В. Этнические процессы в городах СССР и некоторые проблемы их изучения. — СЭ, 1969, № 5, с. 15.

к некоей наиболее общей и стержневой классификации. Подобной основой при изучении социальных субструктур населения выступает в первую очередь межклассовое деление трудящихся и во вторую — их внутриклассовые группировки.

В основу нашей работы была положена модификация принятой рядом автором группировки, использованной в ряде социологических исследований, в частности в изучении городского населения ТАССР (1967, 1974 гг.).⁷ Это позволило сделать наши результаты сопоставимыми с рядом других изысканий.

В населении города (а в этнодисперсной группе — в особенности) заметную роль играют и те группы населения, которые прежде не включались в активную часть социальной структуры общества как не имеющие прямого отношения к системе производственно-экономических отношений.⁸ Это учащиеся и пенсионеры. Учитывая, что доля этих категорий, а также их роль в социальной и экономической жизни страны резко возросли, необходимо ставить вопрос об их изучении, как это сделал, например, В. С. Семенов, предложив считать эти категории населения самостоятельным объектом социально-экономического анализа и введя для этой цели понятие «общественно-деятельной» группы.⁹

Если говорить о задачах нашего исследования, то здесь существует особая необходимость репрезентировать и неработающее население (в него входят, помимо пенсионеров и учащихся, также домохозяйки и другие категории несамодеятельного населения, не имеющего самостоятельного источника дохода). Эта часть населения, не связанная с общественным производством, в большой мере способствует сохранению и трансляции традиционной этнической культуры, обычаев, норм и ценностных ориентаций. С учетом высказанных соображений нами был принят следующий вариант группировки социальной структуры городского населения:

I — работники неквалифицированного, преимущественно физического труда (грузчики, стропальщики, катальщики, подсобные рабочие), младший обслуживающий персонал;

II — работники квалифицированного, преимущественно физического труда (все рабочие, имеющие II—V разряд, парикмахеры, продавцы, повара и т. п.);

III — работники нефизического труда без специального образования (операторы, лаборанты, диспетчеры, конторские работники и т. п.);

IV — работники квалифицированного, преимущественно умственного труда на должностях, требующих среднего специального

⁷ Шкартан О. И. Социальная структура рабочего класса в СССР. М., 1971; см. также: Социальное и национальное, гл. 1; Этносоциальные проблемы советского города. М., 1986, ч. 1.

⁸ См., например: Анохина Л. А., Шмелева М. Н. 1) К вопросу о классификации городского населения при этнографическом изучении города. — СЭ, 1970, № 2; 2) Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. М., 1977.

⁹ Семенов В. С. Новые черты социального облика советского общества. — ВФ, 1977, № 10.

образования (техники, бухгалтеры, нормировщики, рабочие VI разряда — наладчики автоматических линий, испытатели и т. п., средний медицинский персонал и т. п.);

V — работники высококвалифицированного умственного труда на должностях, требующих высшего образования (инженеры, врачи, учителя, научная и художественная интеллигенция);

VI — работники управленческого труда, руководители коллективов (начальники цехов, секторов, лабораторий, учреждений и предприятий, руководители общественных организаций и т. п.);

VII — учащиеся (в возрасте от 16 лет и старше);

VIII — пенсионеры;

IX — домохозяйки и другие взрослые иждивенцы.

Для характеристики социальной структуры армянского, татарского и эстонского населения Ленинграда рассмотрим распределение по выделенным социально-профессиональным группам (СПГ), прибегая, насколько это возможно, к сопоставлению с социально-профессиональной структурой населения Ленинграда в целом.

Сближение социально-классовых структур советских наций и народностей привело к социально-профессиональной однотипности этих структур. Однако однотипность социальных структур не тождественна поясной социальной однородности.

Доля перечисленных социально-профессиональных групп неодинакова в структуре населения союзных республик страны,¹⁰ поскольку формирование их профессиональных структур шло исторически различными путями. Соотношение рабочих, служащих, интеллигенции зависит также от уровня урбанизированности соответствующих регионов (табл. 11).¹¹

К 1982 г. доля городского населения в ряде республик страны стала еще выше. При средней доле городского населения в стране 64 %, в РСФСР в городах проживал 71 % населения, в Эстонии — также 71 %, в Армении 67 %.¹²

Уровень урбанизированности народов постепенно сближается, причем доля городского населения у всех трех рассматриваемых нами наций вне пределов своего национально-государственного образования выше, чем в его границах. Наиболее высокая урбанизированность характерна для армян, а наиболее высокий темп урбанизации наблюдается у татар.

Социально-профессиональные структуры исследуемых нами этнодисперсных групп в населении Ленинграда оказались однотипными (табл. 12).¹³

¹⁰ Развитие социальной структуры общества в СССР. М., 1985, с. 175. См., например, о различиях численности рабочих и служащих в разных республиках с 1926 по 1971 г. в кн.: Современные этнические процессы в СССР. М., 1975, с. 112.

¹¹ Современные этнические процессы в СССР, с. 147; Козлов В. Н. Национальности СССР: Этнодемографический обзор. М., 1982, с. 88—101.

¹² Народонаселение стран мира. М., 1984, с. 428.

¹³ Данные сгруппированы М. Э. Коган; см.: Этнокультурные ориентации интонационального населения большого города: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985, с. 58—59.

Среди представителей всех этнодисперсных групп есть работники физического (главным образом квалифицированного) и умственного труда. Во всех группах представлена также учащаяся в средних и высших учебных заведениях молодежь и, таким образом, имеет место воспроизводство как отряда рабочего класса, так и национальной интеллигенции.

В то же время в социально-профессиональном составе изучаемых этнодисперсных групп имеются отличия, связанные в первую очередь с неодинаковыми темпами изменения социальной структуры у народов нашей страны, зависящими от степени вовлеченности коренного населения разных регионов в промышленное производство (что определяет численность рабочего класса, научно-технической интеллигенции и т. д.). Особенности социально-экономического развития народа в историческом прошлом тоже оказывают, хотя и не решающее, влияние на его современную социально-профессиональную структуру. Так, среди армян, у которых еще до революции доля интеллигенции была выше, чем в среднем по стране,¹⁴ численность специалистов с высшим образованием и теперь выше, чем среди татар и эстонцев.

Помимо таких общих тенденций, на социальный облик той или иной этнодисперсной группы могут влиять и факторы более частного порядка. Так, например, высокая доля пенсионеров среди ленинградских эстонцев, деформированность демографической структуры группы объясняется особенностями режима миграции эстонцев (см. гл. II, 1).

Если в группах армян и татар относительно пропорционально представлены различные возрастные слои, то у эстонцев эти пропорции нарушены (табл. 13).

У армян и эстонцев в среднем по четверти от численности всей группы составляют люди активных трудовых возрастов (с постепенным естественным уменьшением числа лиц более старшего возраста). Такое возрастное распределение близко к среднему по населению Ленинграда в целом.¹⁵

Социально-демографические особенности этнодисперсных групп зависят и от соотношения уроженцев города (т. е. потомков мигрантов) и самих мигрантов.

Как уже было показано (гл. II, 2), среди татар около трети составляют уроженцы Ленинграда, а две трети — приезжие (главным образом в 30-е годы и вскоре после войны).

Среди эстонцев и армян доля уроженцев Ленинграда одинакова — в среднем по четверти от состава этнодисперсных групп. Но в то же время они разнятся по срокам адаптации в городе. Так, если у эстонцев переселение наиболее активно происходило в 20-е годы (очевидно, «инерция» дореволюционной волны миграции), а впоследствии наблюдается его резкий спад, то у армян,

¹⁴ Современные этнические процессы в СССР, с. 127.

¹⁵ Ленинград и Ленинградская область в цифрах: Статистический сборник. Л., 1974, с. 18.

Таблица 11

Доля городских жителей у татар, эстонцев, армян (%)

Национальность	1926		1959		1970	
	всего	вне своей республики	всего	вне своей республики	всего	вне своей республики
Татары	14.4	19.5	47.1	53.8	55.0	60.8
Эстонцы	—	—	47.0	48.9	55.1	59.0
Армяне	35.4	49.3	56.3	69.2	64.8	68.2

Таблица 12

Социально-профессиональный состав татар, армян, эстонцев Ленинграда (в %)

СПГ	Татары	Армяне	Эстонцы
Работники физического труда	38.8	22.9	20.8
в том числе:			
I неквалифицированного	9.3	2.5	4.3
II квалифицированного	29.5	20.4	16.5
Работники умственного труда	37.7	52.9	24.5
в том числе:			
III служащие без специального образования	7.1	6.4	2.9
IV интеллигенция со средним специальным образованием	13.8	7.0	7.3
V интеллигенция с высшим (включая незаконченное) образованием	13.7	31.2	12.9
VI руководители	3.1	8.3	1.4
Неработающее население			
в том числе:			
учащиеся	5.5	8.9	2.2
пенсионеры и домохозяйки	18.1	15.3	52.5
Всего	100.0	100.0	100.0

Таблица 13

Возрастной состав этнодисперсных групп татар, армян, эстонцев в Ленинграде

	16—25 лет, %	26—35 лет, %	36—45 лет, %	46—55 лет, %	56—65 лет, %	66—75 лет, %	Старше 75 лет, %	Средний возраст (в годах)
Татары	14.7	19.5	21.3	20.3	14.9	7.4	1.9	43.1
Армяне	17.6	22.0	16.5	14.3	9.9	8.8	11.0	46.1
Эстонцы	—	5.8	8.7	13.0	14.5	34.8	23.2	63.3

наоборот, «взлет» миграционной активности приходится на последние десятилетия. «Зеркальное» развитие этих тенденций у армян и эстонцев видно при сопоставлении числа недавних мигрантов и переселенцев, живущих в городе около полувека, — ср. ниже данные (в %) о длительности проживания в Ленинграде армян и эстонцев.

Выявленные различия в режиме миграции разных групп, в соотношении потомственных горожан и мигрантов в первом поколении определяют не только специфику социально-профессиональных структур (при их принципиальной однотипности), но также и сохранность этнокультурных традиций в каждой группе. Еще более существенным фактором этнокультурной преемственности может служить этнический состав среды в месте выхода переселенцев. Далеко не все армяне, татары и эстонцы прибыли в город из своих национальных республик; у многих семей миграция была многоступенчатой. В исходном регионе могла преобладать иноэтническая среда либо имелся компактный ареал представителей своей национальности, живущих среди людей других национальностей.

Как показано выше (гл. II, 2), большинство татар приехали из районов с компактным татарским населением (из Татарии, Башкирии и других поволжских областей). Подавляющая часть ленинградских эстонцев — потомки тех, кто во второй половине XIX в. переселился в северо-западные районы России, и лишь одна пятая часть от численности группы приехала непосредственно из Эстонии. Около трети эстонских переселенцев жили до приезда в город среди иноэтнического населения (главным образом в русской среде).¹⁶

Среди ленинградских армян почти вдвое больше, чем среди татар и эстонцев, мигрантов из своей республики; и наоборот, в полтора раза меньше переселенцев из иноэтнической среды (табл. 14). До переезда в Ленинград почти половина армян жила в таких районах, где значительную долю в общем населении составляли армяне: разные области Кавказа, Краснодарский край, Нахичевань-на-Дону и др. Многие мигранты из этих районов учились там в армянских школах, что могло отразиться на их этнокультурных ориентациях и сказаться на реальном функционировании родного языка.

Таким образом, хотя в среднем половина представителей каждой этнодисперсной группы жила раньше в национально-смешанной среде, условия для сохранения национальной культуры и языка у них были неодинаковы; различались также и темпы формирования у них однотипных социально-профессиональных структур — прежде всего за счет различия уровней экономического развития регионов, в которых они проживали до миграции в Петербург или Ленинград.

Этнодисперсные особенности исходных для миграции регионов

¹⁶ Коган М. Э. Этнокультурные ориентации... с. 50—51.

Т а б л и ц а 14

Этнический состав среды в предыдущем месте жительства мигранта (в %)

	Откуда приехал в Ленинград		
	из своей республики	из других республик	
		из районов с высокой долей своей национальности в общем населении	из районов с преобладающим иноэтническим населением
Татары	17.1	54.5	28.4
Армяне	37.4	44.8	17.9
Эстонцы	21.1	50.0	28.9

сохраняются до сих пор.¹⁷ Они могут влиять на характер социальной мобильности в этнодисперсных группах. Принято различать вертикальную и горизонтальную социальную мобильность: «К горизонтальной мобильности мы причисляем процессы перемещения в географическом пространстве и процессы перехода из группы в группу без изменения социального положения... Процессы вертикальной мобильности связаны с переходом вверх или вниз по ступеням иерархизированной дифференциации».¹⁸ Добавим, что в развитом социалистическом обществе, где дифференциация людей по отношению к собственности перестала играть существенную роль, важна прежде всего социально-профессиональная мобильность как главный вид мобильности, определяющий социальное положение человека. Отметим также, что применительно к нашему объекту простое «географическое» перемещение неизбежно сопряжено с изменением социального статуса, как правило, — с его повышением.

Правомерно ожидать сильной взаимной зависимости нынешнего статуса людей и их социальной мобильности от социального положения родителей (т. е. от «социально-генетических» факторов). Влияние «социально-генетических» факторов, особенно заметное в социально-профессиональных группах высокой квалификации, было отмечено в городах ТАССР.¹⁹ Так, рабочие квалифицированного труда служат там основным источником воспроизводства работников, занятых умственным трудом. В то же время из числа квалифицированных рабочих комплектуются руководящие кадры и кадры научно-технического труда, из интеллигенции — служащие без специального образования и др. Довольно интенсивный характер, особенно в развивающихся городах ТАССР (Альметьевск и др.), носят межпоколенные социальные перемещения.

Известная связь между социально-профессиональной принадлежностью родителей опрошенного и его собственным статусом обнаружена и в Ленинграде, однако она неоднозначна: скорее

¹⁷ Развитие социальной структуры общества в СССР. М., 1985, с. 174—184.

¹⁸ Щепанский Я. Элементарные понятия социологии. М., 1969, с. 204.

¹⁹ Социальное и национальное, с. 38—51.

можно говорить о диапазоне социально-профессиональных групп, в которые, вероятнее всего, попадает младшее поколение в зависимости от социальной принадлежности старшего поколения в семье (так как однозначного влияния семьи на профессиональное самоопределение в современном обществе нет).

Рассмотрим основные источники рекрутирования социально-профессиональных групп ленинградских татар.

СПГ респондента	СПГ родителей ²⁰
I. Работники неквалифицированного, преимущественно физического труда.	Крестьяне (31.3 %), квалифицированные рабочие (23.9 %).
II. Работники квалифицированного, преимущественно физического труда.	Та же группа, что и у респондента (33.7 %), и крестьяне (27 %).
III. Работники нефизического труда без специального образования.	Квалифицированные рабочие (31.4 %).
IV. Работники квалифицированного труда на должностях, требующих среднего специального образования.	Квалифицированные рабочие (45.5 %).
V. Работники высококвалифицированного умственного труда, требующего высшего образования.	Квалифицированные рабочие (36.1 %) и интеллигенция (28.9 %).
VI. Работники управления.	Неквалифицированные рабочие и служащие (36.4 %) и интеллигенция (27.3 %).
VII. Учащиеся.	Интеллигенция (56.4 %).
VIII. Пенсионеры.	Крестьяне (43.1 %).
IX. Домохозяйки и взрослые иждивенцы.	Крестьяне (42.1 %).

Источником воспроизводства большинства социально-профессиональных групп ленинградских татар являются квалифицированные рабочие и крестьяне, причем наблюдается высокая социальная мобильность среди татарского населения города от менее квалифицированных профессий в предыдущих поколениях — к более квалифицированным в последующих. У подавляющей части интеллигенции родители — рабочие (81.6 % в IV и V СПГ вместе); большая часть работников управления происходит от родителей с низким социально-профессиональным статусом — неквалифици-

²⁰ Группировка СПГ родителей респондента несколько отлична от описанной выше; она включает и крестьян (если группа не совпадает у отца и матери, то учитывается СПГ с более высоким образованием).

рованных рабочих (между тем в этой VI группе среднее число лет обучения 14.3 года, т. е. группа характеризуется очень высоким образованием). Здесь перед нами яркий пример высокой вертикальной мобильности.

Социальная мобильность детей по отношению к родителям особенно наглядно выступает по показателю образования. Так, более чем у трети лиц с высшим образованием родители имели образование до 4 классов; у одной пятой научных работников, имеющих ученую степень, родители были неграмотными. Как правило, малограмотными были родители тех опрошенных, которые имеют неполное и полное среднее образование. Такие существенные сдвиги произошли в течение жизни одного поколения членов этнодисперсной группы, в которой темпы социальной мобильности превышают аналогичные темпы у горожан ТАССР (где существенно выше индексы социальной мобильности татар по сравнению с русскими).

Теперь охарактеризуем социальную мобильность мигрантов на протяжении их собственного профессионального пути, ибо материал исследования позволяет нам соотнести профессии опрошиваемого в момент исследования и в начале трудового пути.

Из тех, кто начинал свой трудовой путь работником неквалифицированного физического труда, лишь около 23 % остались в этой группе, 28 % этих людей перешли в следующую, II СПГ, свыше 6 % влились в интеллигенцию. Характерно, что среди татар, начинавших свой трудовой путь работниками малоквалифицированного физического труда, около 37 % ныне — пенсионеры. Особенно высока вертикальная мобильность среди квалифицированных рабочих (II СПГ) и служащих со средним образованием (III СПГ). Более чем по 16 % людей в каждой из этих групп пополнили к моменту опроса группу ИТР с высшим образованием, а около 40 % рабочих II СПГ перешли в группу служащих со средним образованием.

Аналогичен характер социальной мобильности и в других группах, т. е. в каждой из них большая часть за время, прошедшее с момента начала трудового пути, двигалась вверх, повышая свой квалификационный и профессиональный уровень.

Сходное влияние «социально-генетических» факторов выявлено и среди эстонцев, живущих в Эстонии. Среди переселенцев из деревень там даже теперь доля рабочих на одну треть больше, чем среди потомственных горожан. Из числа сельских мигрантов рабочими стали 50 %, служащими (без специального образования) — 39 %, специалистами — 11 %. Сельские мигранты чаще начинают работать в промышленности, торговле, бытовом обслуживании. Здесь их доля выше, чем доля коренных горожан. Значительно меньше сельских мигрантов в учреждениях просвещения, здравоохранения, науки. Среди сельских мигрантов лиц с начальным образованием — 37 %, а среди горожан их 17 %.²¹

²¹ Развитие социальной структуры общества в СССР, с. 182; см. также: Социологические очерки о Советской Эстонии. Таллин, 1979, с. 23—30.

Следует сказать, что в городе имеет место также процесс естественного «перемешивания» социально-профессиональных групп. Так, около 10 % рабочих — выходцы из интеллигенции, а свыше 50 % опрошенных, начавших свой трудовой путь в группе крестьян, влились в состав рабочего класса, около 7 % крестьян стали служащими. В целом тенденции вертикальной социальной мобильности представителей этнодисперсных групп в Ленинграде, в значительной степени воспроизводя общесоюзную (для городского населения), отличаются повышенными темпами, в особенности в группах «стартующих» со средним образованием.

Социально-профессиональная принадлежность человека в значительной степени обусловлена полученным им образованием. Уровень образования, относясь одновременно к числу социальных и соответственно «культурных» характеристик, является важнейшим фактором, определяющим не только социальный статус личности, но и ее этнокультурную ориентацию.

У татар и эстонцев Ленинграда обнаружены довольно близкие образовательные уровни (табл. 15). Важно отметить, что некоторые пожилые опрошенные, определившие себя как малограмотные (менее 4 классов образования), прошли в свое время обучение на основе арабской письменности или латиницы (в последнем случае владеют немецким языком), но недостаточно владеют письменными формами русского языка (в обеих группах таких лиц менее чем по 5 %).

Эстонское население Петербурга еще до революции отличалось сравнительно высоким образовательным цензом. По данным последних переписей населения, эстонцы занимали одно из первых мест в стране по удельному весу интеллигенции.²² Особенно быстрый ее рост характерен для Таллина.²³

В 1970-е годы у русских, латышей и эстонцев воспроизводилось интеллигенции на 10 000 человек в год от 1092 до 1160, у армян темпы воспроизводства интеллигенции были еще выше.²⁴

В каждой из изучаемых этнодисперсных групп представлены в заметном количестве научные работники высшей квалификации — кандидаты и доктора наук разных специальностей. Среди татар их около 2 %, среди эстонцев — 3,6 %, среди армян — 5,7 % (при средней по городу доле 2,7 % от всего населения).²⁵

Имеющиеся различия в образовательном уровне этнодисперсных групп обусловлены, с одной стороны, их демографическими особенностями, с другой — режимом миграции. Так, значительная доля пожилых лиц среди эстонцев (большой частью среди жен-

²² Пуллаг Р. Н. Социальная структура Советской Эстонии (сравнительно-исторический анализ основных тенденций развития). Таллин, 1976; Народное хозяйство Эстонской ССР в 1974 г. Таллин, 1976, с. 341.

²³ Пуудист Л. Х. К вопросу занятости населения г. Таллина в период развитого социализма. — В кн.: Численность и классовый состав населения России и СССР (XVI—XX вв.). Таллин, 1979, с. 155—162.

²⁴ Национальные отношения в развитом социалистическом обществе. М., 1977, с. 97.

²⁵ Научные кадры Ленинграда. Л., 1973, с. 36—73.

Т а б л и ц а 15

Уровень образования этнодисперсных групп населения Ленинграда (%)

Образование	Татары	Армяне	Эстонцы	Население Ленинграда в целом
Высшее	12.9	45.2	18.7	27.5
Высшее незаконченное	4.7	12.7	2.2	9.6
Среднее специальное	19.8	17.2	21.6	21.9
Среднее общее	14.9	12.1	14.4	18.5
Неполное среднее	47.7	12.8	43.2	23.5
Средний уровень (в годах обучения)	9.4	12.8	9.5	11.4

Источники: Народное хозяйство Ленинграда и Ленинградской области в 10 пятилетке. Л., 1981, с. 25. Рассчитаны данные об образовании всего населения города; остальные данные получены из материалов опроса.

щин), высокий процент мигрантов из сельской местности среди татар, приехавших в довоенные годы, сказываются на образовательном уровне старших возрастных групп.

Для уменьшения влияния этих факторов (они главным образом проявляются среди неработающего населения) можно сравнить между собой важнейшие социально-профессиональные группы занятого населения — интеллигенции и квалифицированных рабочих. Как замечено М. Э. Коган, при их сопоставлении межэтнические различия в уровне образования практически нивелируются (они составляют в пределах каждой социально-профессиональной группы менее 1,5 лет обучения).

В некоторой мере сглаживаются и среднестатистические возрастные различия между этнодисперсными группами, если рассматривать только работающее население,²⁶ — ср. средний возраст представителей СПГ (в годах):

СПГ	Татары	Армяне	Эстонцы
Квалифицированные рабочие	40.0	42.7	49.6
Интеллигенция	38.3	45.9	49.6

Между двумя СПГ в рамках одной этнодисперсной группы эти различия составляют не более 3,2 лет (между средним возрастом армянских рабочих и армянской интеллигенции). Таким образом, факторы социально-профессионального порядка оказываются весьма существенными в сближении других важнейших параметров этнодисперсных групп (возрастных, образовательных).

В татарской этнодисперсной группе (в отличие от армянской и эстонской) в ходе исследования были выявлены субэтнические подразделения — локальные этнографические группы). Обнаружились некоторые различия социальных (прежде всего образовательных) характеристик представителей локальных этнографи-

²⁶ Коган М. Э. Этнокультурные ориентации... с. 62.

ческих групп. С одной стороны, существенное значение для формирования социальной структуры имеет этапность миграционных потоков. Принадлежность ленинградских татар к той или иной локальной этнографической группе сказывается на их месте в социально-профессиональной структуре города постольку, поскольку это место определяется «стартовыми» позициями мигрантов в крупном городе, т. е. их квалификационными данными и степенью приобщенности к городскому образу жизни. Очевидно, что «стартовые отличия» детерминированы не самой по себе локальной дифференциацией этнической культуры, т. е. принадлежностью к определенной этнической группе, а уровнем социально-экономического развития региона, в котором эта группа расселена (т. е. степенью его урбанизированности, квалификационными параметрами отраслей занятости и трудовых ресурсов и т. п.). Именно с этих позиций рассматривалась связь уровня образования и субэтнической принадлежности ленинградских татар. Такая зависимость зафиксирована в крупнейшей этнической «составляющей» этнодисперсной группы (табл. 16).

Несколько более высокими оказались образовательные характеристики у казанских татар (среди них же больше учащейся молодежи), и в особенности у касимовских татар, по сравнению с другими группами. Последние имеют самый длительный стаж жизни в Ленинграде, что, по-видимому, сказалось и на росте их образовательного уровня, и на большом удельном весе их среди представителей высококвалифицированного труда. Несколько ниже характеристики образования у мишарей и представителей других групп, которые, как правило, мигрировали из сел (Мордовской АССР или областей Поволжья).

Очень неравномерно по этническим группам распределяется учащаяся молодежь: больше всего учащихся (55 % от общего их числа) — в группе с «неопределенным» субэтническим сознанием, затем — среди казанских татар (35 %). Среди мишарей и касимовских татар молодежи вообще меньше, так как эти группы мигрировали в город раньше казанских татар (в 30-е годы) и потому мишарских и касимовских мигрантов (учащаяся молодежь) уже забыли о локальной этнической принадлежности. Лишь 7.5 % учащихся отнесли себя к мишарям, а к касимовцам не причислил себя никто из них. По сравнению с мишарями в группе, затрудняющейся в своей субэтнической идентификации, много представителей умственного труда: 29.8 % (IV и V СПГ вместе), что может свидетельствовать об определенных тенденциях в развитии этнического сознания у интеллигенции как в направлении этнической консолидации с татарской нацией, так и в направлении естественной ассимиляции с русскими.

Много работников умственного труда и среди касимовских татар — 40.9 % (IV и V СПГ в сумме), тогда как работников физического труда лишь 27.2 %, что значительно ниже среднего показателя по этнодисперсной группе в целом. Напротив, у представителей этнических групп, приехавших в город из сельской местности

Т а б л и ц а 16

Взаимосвязь принадлежности к субэтнической группе и образования у татар (в % от общей численности данной группы)

Субэтническая группа	Образование	
	до 4-х классов	среднее специальное или высшее
Казанские	14.6	30.1
Касимовские	9.1	34.4
Мишари	15.2	29.3
Другие названные в анкете	11.9	21.4
Затрудняющиеся в определении своей группы	9.5	28.5

(мишари и др.), доля занятых физическим трудом (I и II СПГ) выше — около 45 %, причем в этих группах несколько больше, чем в прочих, работников физического неквалифицированного труда. Таким образом, более «продвинутые» места в социальной структуре (т. е. требующие более высокой квалификации и образования) занимают представители тех этнографических групп, у которых выше уровень урбанизированности в основном ареале расселения, а также группы, дольше других живущие в русском крупном городе (мы имеем в виду прежде всего касимовскую группу). Кроме того, заметна связь между более высоким социальным статусом и ослаблением локальной этнической ориентации в самосознании членов этнодисперсной группы.

Отмеченная выше (гл. II, § 3) этапность миграции тоже наложила отпечаток на социально-профессиональную структуру татар в Ленинграде. Члены семей, живущих в городе с дореволюционного времени (2-е и 3-е поколения), составляют большую часть высококвалифицированного рабочего класса и интеллигенции, предвоенные мигранты — большую часть малоквалифицированной рабочей силы и служащих без специального образования, мигранты 50—70-х годов отражали по своим социально-профессиональным параметрам структуру, характерную для Татарии.

Неравномерность волн миграции в значительной степени способствовала тому, что социально-профессиональная структура этнодисперсной группы не является «зеркалом» соответствующей «ленинградской» или «татарской» структур. Она представляет собой, как мы показали, некую переходную форму, в которой социально-квалификационные показатели в целом выше «татарских», хотя по отдельным параметрам и несколько ниже «ленинградских».

Как показывает анализ, социально-профессиональная структура ленинградского татарского населения находится в динамичном процессе развития. Большое влияние на характер этого развития оказывает демографическая ситуация. Так, явно увеличенный удельный вес женщин характерен для групп работников малоквалифицированного физического труда и служащих без спе-

циального образования, а значительная доля пожилых людей до сих пор сказывается на среднем возрасте некоторых профессиональных групп.

Вместе с тем демографическое равновесие в группе учащейся молодежи — залог предстоящего «выравнивания» демографических параметров во всех СПГ, включая группу высококвалифицированного умственного труда, где пока существенно выше доля мужчин-татар.

Материалы исследования убеждают в том, что для успешной социально-профессиональной адаптации иноэтнического населения города отсутствуют какие бы то ни было национальные барьеры и ограничения. Напротив, проживание в крупном городе — центре передовой промышленности и интернациональной культуры — способствует ускоренной социальной мобильности и профессиональной адаптации мигрантов. Следует иметь в виду при этом, что полнота социально-профессиональной структуры этнодисперсной группы зависит от ее размеров и от режима миграции из основного региона расселения этноса. В свою очередь режим миграции в большей мере определяется социально-экономическими потребностями города, рекрутирующего мигрантов на те или иные социально-профессиональные роли.

Одним из важных выводов, который позволяют сделать материалы исследования этнодисперсных групп в Ленинграде, является вывод о высокой динамике процесса сближения наций по параметрам социальной и социально-профессиональной структуры, а также о том, что современный русский город включает «во все „этажи“» своей профессионально-квалификационной структуры представителей разных народов.

Формирование принципиально сходных, однотипных социально-профессиональных структур этнодисперсных групп и населения крупного промышленного и культурного центра в целом служит основой всестороннего сближения контактирующих наций, а также выравнивания их социального и культурного уровня. Таким образом, мощный культурный потенциал современного города способствует дальнейшему развитию интернационализма как существенной черты советского образа жизни.

ГЛАВА IV. ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗА ЖИЗНИ В НЕПРОИЗВОДСТВЕННОЙ СФЕРЕ

Однотипность социально-профессиональных структур этнодисперсных групп городского населения является важнейшим фактором их сближения в различных сферах жизни. К. Маркс и Ф. Энгельс так характеризовали определяющее воздействие производственных отношений на другие аспекты жизнедеятельности: «... способ производства надо рассматривать не только с той стороны, что он является воспроизводством физического существования индивидов. В еще большей степени это — определенный способ деятельности данных индивидов, определенный вид их жизнедеятельности, их определенный образ жизни. Какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами».¹

Обобщая замечания об образе жизни в работах классиков марксизма-ленинизма, обычно выделяют три его компонента: объективные условия жизнедеятельности (главным образом социально-экономические), сами формы жизнедеятельности, или повседневного поведения людей, и, наконец, третью составляющую, указывающую на общественное сознание, «поскольку оно воплощается в поведении людей».²

Значительное число авторов разделяет подход к образу жизни прежде всего как к «системе повседневного поведения». Так, С. Г. Струмилин и Э. Е. Писаренко отмечают, что под советским образом жизни «понимается определенная система повседневного поведения людей, направляемая социальными нормами и духовными ценностями»,³ характерными для социалистического общества. Аналогичная трактовка понятия выдвинута А. Гордоном и Э. Клоповым.⁴

Этот подход, представляющийся наиболее конструктивным с точки зрения эмпирической интерпретации понятия «образ жизни», особенно продуктивен при этносоциологическом изучении образа жизни, так как отвечает задаче наиболее полной фиксации его этнокультурных параметров. Какие бы составляющие образа жизни ни были приняты за основу, каждая из них и их совокупность будут проявляться своими различными «срезами» на раз-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 19.

² Глезерман Г. Е. Ленинизм и формирование социалистического образа жизни. — Коммунист, 1974, № 1, с. 108.

³ Струмилин С. Г., Писаренко Э. Е. Социалистический образ жизни: методология исследования. — ВФ, 1974, № 2, с. 27.

⁴ Гордон А., Клопов Э. Человек после работы. М., 1972, с. 351.

ных уровнях социальной действительности — при изучении образа жизни индивида, социальной (в том числе этнической) группы, а также при диахроническом или синхроническом подходе к образу жизни.

Изучение образа жизни тесно соприкасается с обоими разделами предметной области этнографии — с изучением этнической специфики культуры и быта, особенно проявляющейся в повседневных формах поведения, и с анализом функционирования сложившегося фонда народной культуры.⁵

Очевидно, элементы этнической специфики в ходе сближения наций исчезают с разной скоростью в производственной и внепроизводственной сферах — последняя относительно традиционнее, а этнокультурные особенности в ней сохраннее. Социально-экономические процессы вообще протекают с большей скоростью, чем этнические,⁶ поэтому этническая специфика уходит из условий жизнедеятельности, определяющих образ жизни, раньше,⁷ чем из психологии народа, отраженной в стереотипах повседневного бытового поведения. Нельзя не учитывать «определяющую неравномерность... культурного прогресса, неизбежно возникающую при быстром изменении столь сложных и относительно консервативных сфер, как быт, нравы, стиль поведения и т. п.»⁸

В образе жизни жителей крупного города (особенно в условиях их труда) все сильнее проявляются черты межэтнической общности, а различия, концентрирующиеся главным образом в сфере досуга и семейно-бытового уклада, становятся все более незаметными.

Для изучения образа жизни первостепенное значение имеют стереотипные, повседневные или регулярно повторяющиеся действия индивидов,⁹ в том числе наиболее распространенные формы вербального поведения (например, развитость билингвизма), демографического поведения (тип естественного воспроизводства; национально-смешанные браки), а также наиболее типичные куль-

⁵ См. подробнее: *Старовойтова Г. В.* К вопросу об этносоциологическом изучении «образа жизни». — В кн.: *Этнографические аспекты изучения современности*. Л., 1980. Об этнографическом изучении образа жизни см. также: *Марков Г. Е.* Советский образ жизни и проблемы этнографии. — СЭ, 1976, № 2; *Арутюнян Ю. В., Дробизева Л. М.* Советский образ жизни: общее и национально-особенное. — Там же, № 3; *Опыт этносоциологического исследования образа жизни*. М., 1980.

⁶ См.: *Бромлей Ю. В., Шкаратан О. И.* О соотношении истории, этнографии и социологии. — СЭ, 1969, № 3, с. 6; *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973, с. 246—247.

⁷ *Джунусов М. С.* О некоторых национальных особенностях образа жизни в условиях социализма. — Социологические исследования, 1975, № 2, с. 63. См. также: *Современные этнические процессы в СССР*. М., 1977, гл. 2.

⁸ *Гордон Л., Клопов Э., Оников А.* Социальные проблемы быта. — Коммунист, 1974, № 17, с. 58.

⁹ Оппозиция «быта» и «события» как предметов изучения этнографии и истории отмечена С. А. Токаревым; см.: *Основы этнографии*. М., 1966, с. 6. В сферу образа жизни, на наш взгляд, входят главным образом «внесобытийные» формы жизнедеятельности; см.: *Старовойтова Г. В.* К вопросу об этносоциологическом изучении «образа жизни».

турные и бытовые занятия — слагаемые бюджета времени в непроизводственной сфере. Рассмотрим некоторые аспекты образа жизни представителей изучаемых этнодисперсных групп.

1. РАСПРОСТРАНЕНИЕ БИЛИНГВИЗМА И НАЦИОНАЛЬНО-СМЕШАННЫХ БРАКОВ

Важнейшим показателем направления этнических процессов в этнодисперсной группе является функционирование национального языка. Помимо основных и прямых функций — коммуникации, орудия мышления и фиксации его результатов, язык выполняет и важные этнопсихологические функции. Он выступает носителем широкого набора символов этнического единства, сходства представителей данного этноса и их отличия от других, т. е. является важнейшим орудием этнического самосознания. С другой стороны, языковая ассимиляция, как известно, является одним из важнейших этапов этнической ассимиляции.

Объективное значение языка как этнического определителя отражается и в субъективной сфере: в представлениях этнофоров об этнообъединительных и этноразделительных функциях языка он, как правило, занимает первое ранговое место.¹⁰

В то же время для современного городского населения характерно развитое двуязычие. Как уже говорилось (гл. I), знание русского языка является одним из условий принятия решения о миграции переселенцев из разных республик в русские города,¹¹ средством расширения культурного кругозора и приобщения к достижениям мировой культуры.

В иноэтнической среде сфера применения национального языка сужается, ограничиваясь семейно-бытовым общением, а иногда и в семейном быту уступая место языку межнационального общения — русскому. Однако мигранты в первом поколении нередко считают язык своей национальности родным языком: он был освоен ими в детстве в качестве первого языка. В отличие от них уроженцы города часто признают русский язык в качестве родного. Среди мигрантов также растет доля лиц, свободно владеющих русским языком. Это результат естественного стремления всех народов страны овладеть языком, понятным большинству населения республики, — тенденция, на которую указывал В. И. Ленин, отмечавший, что нет необходимости в принудительном обучении русскому языку,¹² так как «потребности экономического оборота

¹⁰ *Пименов В. В.* Некоторые черты национального самосознания. — В кн.: *Торжество ленинской национальной политики*. Чебоксары, 1972; *Кожанов А. А.* Элементы этнической идентификации и признаки этнической общности в оценках карел и вепсов. — В кн.: *Этнография Карелии*. Петрозаводск, 1976; *Старовойтова Г. В.* К исследованию этнопсихологии городских жителей. — СЭ, 1976, № 3, и др.

¹¹ *Переведенцев В. И.* Миграции населения и трудовые ресурсы Сибири. Новосибирск, 1966, с. 136; *Губогло М. Н.* Социально-этнические последствия двуязычия. — СЭ, 1972, № 2, с. 27.

¹² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 294—295.

Таблица 17

Языковое поведение татар, армян, эстонцев Ленинграда (%)

	Татары	Армяне	Эстонцы
Свободно владеют русским языком	97.8	98.8	98.0
Считают родным язык своей национальности *	66.9	42.4	31.7
Свободно говорят, читают и пишут на национальном языке	35.7	35.9	31.2
Говорят дома на национальном языке	59.8	25.3	11.6
Хотят, чтобы дети знали национальный язык	78.3	69.1	45.2

Источники: Народное хозяйство Ленинграда и Ленинградской области: Статистический сборник. Л., 1981, с. 24—25.

* Доля этих лиц во всех трех группах по данным нашего опроса несколько выше, чем по данным переписи населения, поскольку перепись носит сплошной характер, а опросу подвергались только лица старше 16 лет (и в выборке несколько меньше представлены уроженцы города) — ср. гл. 1, табл. 2.

всегда заставят живущие в одном государстве национальности (пока они захотят жить вместе) изучать язык большинства». ¹³

Особенно выпукло эта тенденция к овладению языком выступает у представителей этнодисперсной группы, проживающих в крупном городе с преимущественно русским населением, так как знание русского языка в этих условиях служит важнейшим фактором успешной социальной адаптации. Еще более важным показателем направления этнического прогресса является доля лиц, признающих русский язык родным.

Однако не следует считать, что языковая и этническая ассимиляция связаны прямой зависимостью. «Возникновение расхождения между национальностью и родным языком иногда, наоборот, стимулирует интенсивность национального сознания». ¹⁴ Утрата национального языка нередко сопровождается выражением установки на знание этого языка детьми (табл. 17).

Как видно из таблицы, около трети опрошенных в каждой группе владеют всеми формами национального языка — свободно говорят, читают и пишут на нем. С другой стороны, среди армян и эстонцев каждый третий вообще не знает своего национального языка и не может на нем объясниться. Таким образом, всестороннее знание русского языка более характерно для иноэтнических переселенцев, чем всестороннее знание национального языка.

С ростом образования повышается доля лиц, свободно владеющих устной и письменной формами русского языка. Между тем ценность второго языка выше именно в малопродвинутых группах, так как он может компенсировать недостаток образования

¹³ Там же, т. 23, с. 423.

¹⁴ Клементьев Е. П. Национальная принадлежность в самооценках карел. — В кн.: Этнография Карелии. Петрозаводск, 1976, с. 16.

Таблица 18

Взаимосвязь внутрисемейного языка общения и отношения к национально-смешанному браку родственника (татары, %)

Отношение к национально-смешанному браку близкого родственника	Язык, на котором обычно говорят дома		
	татарский	оба языка	русский
Положительное	22.6	41.1	58.0
Против смешанного брака не возражает	30.0	30.0	35.0
Считает такой брак нежелательным	40.6	18.5	4.0
Затрудняется ответить	3.8	10.4	3.0
Всего	100.0	100.0	100.0

и обычно коррелирует с более высокими показателями культурной деятельности человека. ¹⁵

Татары Ленинграда в полтора раза чаще армян и в два раза чаще эстонцев признают свой национальный язык родным.

Установка на владение национальным языком детьми «говорит не только о реальном языковом поведении, но и об эмоциональном отношении к национальному языку, о ценностной ориентации по этому поводу». ¹⁶ Число тех, кто хотел бы, чтобы его дети знали национальный язык, в полтора-два раза больше численности тех, кто сам знает язык. Очевидно, здесь мы имеем дело с этнокультурным стереотипом, согласно которому язык принадлежит к значимым этническим ценностям, причем проявление этого стереотипа носит более выраженный характер не в реальном поведении, а в прожективном.

При использовании русского и национального языков в семьях можно наблюдать своеобразное «межпоколенное» разделение их функций: со старшими членами семьи среднее поколение говорит на национальном языке, а со своими детьми — по-русски.

Преобладающий язык внутрисемейного общения обнаруживает (в числе прочих факторов) самую высокую корреляцию с отношением к национально-смешанному браку (коэффициент Чупрова $T=0.24$; табл. 18).

Национально-смешанные семьи оказывают глубокое влияние на ход этнических процессов, поскольку они являются микросредой интенсивной межэтнической интеграции и естественной ассимиляции.

Религиозная традиция и национальные предубеждения в прошлом препятствовали национально-смешанной брачности, сохраняя замкнутость национального быта и строгую этническую эндогамию (особенно среди представителей разных мировых религий — ислама, христианства). Эта традиция сохранялась вплоть до последних четырех десятилетий, т. е. и в течение довоенного периода. Об этом, в частности, свидетельствует низкая доля национально-сме-

¹⁵ Актуальные проблемы национальных отношений в свете Конституции СССР. М., 1981, с. 142—144.

¹⁶ Пименов В. В. Удмурты: Опыт компонентного анализа этноса. Л., 1977, с. 95.

шанных браков среди родителей опрошенных нами татар (всего 3.2 %) — и это несмотря на ограниченность потенциального круга брачных партнеров своей национальности в иноэтнической среде, их разбросанное расселение в городе, трудности знакомства. Теперь около трети семей в татарской этнодисперсной группе являются национально-смешанными, т. е. их доля за короткий период выросла почти в десять раз.

Этническая замкнутость в меньшей мере была характерна для армян и эстонцев еще в Петербурге. Правда, обычно требовался их переход в православие при заключении брака с русскими представителями других христианских вероисповеданий. Но такие браки имели место уже в XVIII—XIX вв. Часть пожилых армян и эстонцев являются детьми от смешанных браков. В современных ленинградских этнодисперсных группах армян и особенно эстонцев национально-смешанных браков более половины.

В большинстве случаев состоящие в национально-смешанных браках татары, армяне, эстонцы хотят, чтобы их дети избрали русскую национальность. Армянскую, татарскую и эстонскую национальность во всех группах выбирает менее половины опрошенных:

	Татары, %	Армяне, %	Эстонцы, %
Состоят в национально-смешанном браке	26.8	55.7	76.3
Из них:			
хотят, чтобы их дети избрали соответственно татарскую, армянскую, эстонскую национальность	36.8	48.9	17.0

Положительная оценка межнационального брака, по данным нашего опроса, во всех группах еще выше их реального распространения. Среди важнейших факторов, влияющих на отношение к национально-смешанным бракам, исследователи выделяют степень близости традиционных этнических культур, различия в психологии семейно-бытовых отношений у разных народов и др.¹⁷ Некоторое значение имеет также традиционная система взаимоотношений старших и молодежи. Там, где эти отношения и сейчас еще недостаточно демократичны, молодежь считается с волей родителей и их этническими ориентациями в своем брачном поведении.¹⁸ Впрочем, эти отношения в иноэтнической среде, по-видимому, подвергаются быстрой перестройке. Так, среди городских жителей Эстонии старше 60 лет треть считает, что обязательно надо спрашивать согласия на брак у родителей,¹⁹ однако именно

¹⁷ Дробижева Л. М. Сближение культур и межнациональные отношения в СССР. — СЭ, 1977, № 6, с. 17; Современные этнические процессы в СССР. М., 1977, гл. X, 2 (автор — Л. Н. Терентьева).

¹⁸ Коган М. Э. Этнокультурные ориентации инонационального населения большого города: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985, с. 124. (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград).

¹⁹ Социологические очерки о Советской Эстонии. Таллин, 1979, с. 119.

в этом поколении ленинградских эстонцев национально-смешанные браки составляют большинство. Возможно, часть мононациональных эстонских семей реэмигрировала в Эстонскую Советскую республику после ее освобождения.

Распространенность национально-смешанных браков и отношение к ним тесно связаны с более широкими этническими ориентациями в общении: смешанные браки преобладают в тех группах, где небольшую роль играют дружеские отношения с представителями своей национальности. Этническая принадлежность близких друзей вообще является индикатором национальных ориентаций в межличностном общении.²⁰ Ленинградские эстонцы в полтора раза реже татар и армян имеют среди близких друзей представитель своей национальности. У армян же в два раза больше, чем у татар и эстонцев, друзей разных национальностей (не только русской и армянской).

При анализе фактической межнациональной брачности у разных народов обнаруживается интересная особенность: частоты вступления в смешанный брак у мужчин и женщин сильно различаются в разных этносах, как будто существуют разные «степени свободы» этнической эндогамии для разных полов. Так, соотношения мужчин и женщин, вступающих в смешанный брак, в некоторых прибалтийских столицах составляет 3 : 1 (например, браки между литовцами и поляками к бракам между поляками и литовками в Вильнюсе). У туркмен в смешанный брак вступают только мужчины.²¹ Преобладают вступающие в такой брак мужчины и у армян, татар. У русских и эстонцев, напротив, за представителя другой национальности чаще выходит женщина.

Таким образом, оказывается, что в этносе за каким-либо одним полом закреплена функция стабилизации через эндогамию, а другой пол может оказывать двоякое влияние на изменение численности этноса — способствовать его росту или уменьшению. Это влияние зависит от того, кто из супругов определит этнический облик национально-смешанной семьи и как он скажется на национальном самоопределении подростков, социализированных в таких семьях. К числу факторов, влияющих на выбор национальной принадлежности подростками, относится также этнокультурная среда, в которой живет семья, принадлежность одного из родителей к коренной для данного региона национальности и др.²²

Однако замечено, что при смешанных браках русских и татар (а также татар и башкир) молодежь принимает преимущественно

²⁰ Хайкина М. Э. К вопросу о структуре межличностного общения мигрантов в иноэтнической среде (по материалам опроса ленинградских татар). — СЭ, 1980, № 4; Коган М. Э., Старовойтова Г. В. Формирование татарской группы в населении Ленинграда и ее современный этнокультурный облик. — В кн.: География и культура этнографических групп татар в СССР. М., 1983.

²¹ Терентьева Л. Н. Определение своей национальности молодежью из национально-смешанных семей. — СЭ, 1969, № 3, с. 25.

²² Там же. См. также: Суколов А. А., Новицкая А. П. Этническая и социально-профессиональная гомогенность браков. — СЭ, 1981, № 6, с. 14—26.

татарскую национальность,²³ тогда как при смешанных браках русских с другими народами при прочих равных условиях — этнический состав среды и др. — дети чаще избирают русскую национальность.

Как уже отмечалось, мужчины-татары вступают в национально-смешанные браки чаще женщин-татарок. Так, по данным архива ЗАГС г. Казани, в 1926 г. число татар в шесть раз превышало число татарок, вступивших в такой брак. Как показали материалы этносоциологических исследований 1967 и 1974 гг. в городах ТАССР, это соотношение уменьшилось примерно втрое, однако и теперь сохраняется некоторая разница в уровне этнической эндогамии у мужчин и женщин среди татар, по крайней мере в своем этническом регионе.²⁴

Это явление нельзя безоговорочно объяснить за счет влияния пережитков ислама, резко подчеркивавшего доминирующую роль мужчины, поскольку встречаются разные варианты межнациональной брачности у мужчин или женщин внутри этносов одной или близкой религиозной принадлежности (поляки и литовцы, армяне и русские и др.). Приходится допустить существование дополнительных факторов, определяющих модели брачного мужского и женского поведения. Вероятно, таким фактором является роль женщины как «организатора быта» и престижность определенной модели быта. Кроме того, имеет значение характер символизма мужских и женских ролей, свойственный данной этнической культуре.²⁵

Однако ролевой символизм не является инвариантом: он изменяется под воздействием конкретных условий. Результаты нашего исследования указывают на гибкость соответствующих представлений, подверженность их влиянию новой иноэтнической среды и образа жизни. У татар Ленинграда доля мужчин, вступающих в смешанный брак, лишь незначительно превышает долю женщин, а число мужчин и женщин, проживающих в национально-смешанных семьях, практически равно (30 и 28 % соответственно). Зафиксирована также сравнительно высокая доля армянок, состоящих в смешанных браках (среди эстонок их большинство).

Нормы нового социально-культурного окружения заметно влияют также на тип воспроизводства, размер и структуру городской семьи и другие показатели демографического поведения.

Нивелирующее влияние города сказывается на уменьшении среднего размера семьи (по сравнению, например, с семьями татар, живущих в ТАССР, или с традиционным армянским гердастаном — большой неразделенной семьей с родственниками по

²³ Ганцкая О. Л., Терентьева Л. Н. Этнос и семья в СССР: Докл. на IX МКАЭН в Чикаго. М., 1973, с. 15.

²⁴ Бусыгин Е. П., Зорин Н. В. Межнациональные семьи в национальных республиках Поволжья: Докл. на IX МКАЭН в Чикаго. М., 1973.

²⁵ См. подробнее: Кон И. С. Этнография и проблемы пола. — СЭ, 1983, № 3.

боковой линии).²⁶ Основным типом городской семьи становится нуклеарная, двухпоколенная, малодетная семья.²⁷

Таким образом, в этнодисперсных группах обнаружены существенные отличия в демографическом поведении, относящиеся к сфере межэтнической брачности, по сравнению с аналогичными явлениями на основной этнической территории (а также по сравнению с недавним историческим прошлым). Наблюдается значительно большее число национально-смешанных браков (в них нередко вступают и женщины — татарки, армянки). Большинство состоящих в межэтническом браке хотят, чтобы их дети выбрали русскую национальность, что служит адекватным отражением реальной культуры, быта и этноязыковой ситуации в смешанных семьях. Эти явления в этнодисперсных группах свидетельствуют не только о мобильности этнодемографических составляющих образа жизни, но и о наличии установок на естественную ассимиляцию у значительной части иноэтнического населения города. Межнациональные браки играют немаловажную роль в процессе воспроизводства городского населения и формирования его многонациональной культуры.

2. ВЗАИМОСВЯЗЬ ВНЕПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ВИДОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В ходе исследования проверялась гипотеза о существовании различий в культурно-потребительской деятельности разных этнодисперсных групп, причем допускалось, что эти различия, обусловленные исторически сложившимися этнокультурными традициями, могут сохраняться и у людей с одинаковой социально-профессиональной принадлежностью.

Более подробному анализу была подвергнута специфика взаимосвязей культурно-бытовых занятий в татарской этнодисперсной группе, поскольку она в нашей выборке наиболее представительна и, кроме того, мы располагаем обширными сравнительными материалами опроса русского и татарского населения городов ТАССР.²⁸

Изучение этнокультурных особенностей в частоте наиболее типичных внепроизводственных занятий проводилось на основании опроса горожан (русских и татар) о распределении повседневных (и вообще периодических) видов внепроизводственной дея-

²⁶ См. подробнее: Тер-Саркисянц А. Е. Современная семья у армян. М., 1972, с. 41—70; Вардумян Д. С., Карапетян Э. Т. Семья и семейный опыт колхозников Армении. Ереван, 1963. (На арм. яз.); см. также: Население Еревана: Этносоциологические исследования. Ереван, 1986.

²⁷ См. подробнее: Этносоциальные проблемы советского города. М., 1986, ч. III, гл. II, 2.

²⁸ См. подробнее об этих исследованиях: Этносоциальные проблемы советского города: Социальное и национальное: Опыт этносоциологических исследований. М., 1973.

тельности, а также об отношении к объективным условиям культурного потребления в обследованных городах. Как известно из опыта этносоциологических исследований (в Татарии, Удмуртии, Молдавии и др.), важнейшим фактором, определяющим этнокультурное потребление и другие формы повседневной внепроизводственной деятельности, является социально-профессиональная принадлежность человека. Поскольку в данной части исследования нас прежде всего интересовала зависимость поведения в этих сферах от этнической принадлежности горожан, живущих и работающих в сходных условиях, мы постарались «нивелировать» влияние социальной и профессиональной принадлежности в русской и татарской частях выборки, строго выровняв их по этому признаку (а также по распределению пола и возраста). Таким образом, подвыборки русских и татар оказались «зеркально-симметричны» по важнейшим социальным и демографическим параметрам и различаются только по этнической принадлежности.

Перечень включенных в анализ занятий отражал три типа деятельности: а) общение с друзьями и живущими отдельно родственниками; б) занятия, связанные с потреблением культурной информации, с удовлетворением эстетических потребностей, развлечением и отдыхом (чтение книг, газет, просмотр телепередач, посещение музеев, театров, спортивных зрелищ, кафе, ресторанов, загородные прогулки и др.); в) занятия, связанные с непрофессиональным творчеством, любительским трудом и некоторые хозяйственно-бытовые занятия (посещение промтоварных магазинов, работа на садово-огородном участке и др.). Рассмотрим материалы исследования в городах Татарии. Сначала резюмируем результаты применения простейших статистических группировок по отдельно взятым видам внепроизводственной деятельности, так как уже такой анализ позволяет обнаружить некоторые этнические особенности образа жизни горожан. Так, оказывается, что одни занятия этнически «нейтральны» (одинаково характерны для татар и русских), а предпочтение других заметно различается у татар и у русских. Остановимся на последних — «этнически дифференцирующих» видах деятельности.

В сфере общения татары оказываются несколько активнее русских: они чаще контактируют с друзьями. Так, не реже одного раза в неделю встречаются с друзьями 51,5 % татар и 45,0 % русских, а реже одного раза в месяц — 21,3 % татар и 24 % русских. Еще интенсивнее, чем с друзьями, татарская часть опрошенных общается с родственниками: часто видятся с родными 76,2 % татар и 61,1 % русских. Эти данные говорят о большей тесноте общения в татарской национальной среде. Можно высказать предположение о более высокой значимости для опрошенных татар персонифицированных связей в отличие от функционально-ролевых контактов, специфичных для городского образа жизни.

Некоторые различия между татарами и русскими обнаруживаются при сравнении их культурно-потребительского поведения. Если такие средства массовой коммуникации, как газета и телеви-

дение, используются русскими и татарами практически с одинаковой частотой (так, ежедневно читают газеты 83 % татар и 86 % русских), то по другим, более активным формам досуга, русские и татары различаются. Для русских характернее чтение художественной литературы, посещение музеев и выставок, тогда как татары посещают спортивные и театральные зрелища почти вдвое чаще по сравнению с русскими. У русских популярнее кино: среди регулярно посещающих кино русских — 32 %, а татар — 25 %.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что по уровню «театральной активности» жители разных республик обнаруживают довольно заметные различия. Это, в частности, видно при сравнительном анализе посещаемости театров представителями разных национальностей, составляющих население современных городов. Так, в Молдавии, Татарии, Эстонии и других союзных и автономных республиках страны представители коренных национальностей значительно чаще, чем русские жители тех же городов, посещают театры²⁹ (татары — даже вдвое чаще). И это несмотря на то, что в обследованных городах имеются как национальные, так и русские драматические театральные коллективы. Приобщенность к театральному искусству характерна для самых широких масс населения национальных республик, и национальные театры в обследованных городах имеют, в частности, большую рабочую аудиторию. Как нам представляется, высокая «театральная активность» в ряде национальных республик во многом обусловлена этнокультурными особенностями населения городов, а также некоторыми стадийными чертами развития национальной духовной культуры. В самом общем виде можно отметить следующие из них.

1. Традиционное тяготение населения некоторых республик к зрелищным формам культуры, сохранение живой памяти о народном театре или элементах театральной зрелищности в традиционных народных праздниках, в календарной обрядности, в спортивных состязаниях и т. п.

2. Высокий, все возрастающий интерес к профессиональным формам национальной духовной культуры при одновременном сокращении ее фольклорно-бытовых форм. Именно профессиональные формы национальной культуры (литература, музыка, театр), возникающие по мере «разделения труда в области духовного производства и вычленения определенных элементов духовной культуры из быта»,³⁰ становятся базой для дальнейшего развития национального самосознания народа. Кроме того, как уже отмечено, профессиональные формы духовной культуры по своей природе отличаются большей «проницаемостью» и в отличие от фольклорно-бытовых традиций легче могут восприниматься иноэтнической средой. Все это относится и к профессиональному

²⁹ Дробижева Л. М. Усиление общности в культурном развитии советских наций. — История СССР, 1972, № 4, с. 31; Какх Ю. Черты сходства. Таллин, 1974, с. 76.

³⁰ Современные этнические процессы в СССР, с. 318—319.

театральному искусству, отвечающему растущим культурным запросам советских наций.

3. В числе возможных причин посещаемости театров социологами уже отмечалось стремление соответствовать определенному культурному стандарту, нормам городского образа жизни, модного и «престижного» досуга и т. п.,³¹ иначе говоря, «театральная активность» в какой-то мере может отражать не только удовлетворение культурных потребностей как таковых, но является и выражением процесса социокультурной идентификации личности горожанина. Это явление особенно заметно при анализе структуры досуга молодых мигрантов из сельской местности, хотя, конечно, этой группе присуща и потребность в удовлетворении накопившегося «театрального голода». Во всяком случае нам бы хотелось отметить этот мотив в качестве гипотезы, объясняющей одну из сторон «театральной активности» — гипотезы, к которой мы еще обратимся при анализе данных конкретного исследования.

В то же время надо учитывать, что культурная самоидентификация личности может осуществляться через разные механизмы и зависит от признаков той референтной группы, с которой происходит идентификация — в частности, такой группой может быть этнокультурная или этническая группа. Заметим, что особенно выпукло стремление к той или иной этнокультурной идентификации проявляется в иноэтнической среде — у мигрантов, переживающих процесс адаптации, приобщающихся к образу жизни большого города, новой языковой среде и т. д.

Важнейшим фактором частоты посещения театров является образование: коэффициент парной корреляции Чупрова между этими двумя факторами составляет не менее 0.200 во всех обследованных группах. Особенно популярны у армян, эстонцев и татар Ленинграда были проходившие в последние годы гастрольные выступления Академического армянского драматического театра им. Г. М. Сундукяна, Академического мужского хора ЭстССР, театра «Эстония», Академического татарского театра им. Г. Камала, татарских ансамблей песни и танца. Частота посещений театральных зрелищ представителями обследованных нами этнодисперсных групп (в %) показана ниже:

	Не реже одного раза в месяц	Несколько раз в год	Один раз в год или никогда
Татары	28.8	50.8	20.4
Армяне	38.9	42.7	18.5
Эстонцы	19.9	49.3	30.9

Даже допуская некоторую «завышенность» этих данных информаторами, стремящимися произвести на интервьюера хорошее впечатление, можно отметить высокую «театральную активность»

³¹ См., например: Социальное и национальное... с. 85.

Т а б л и ц а 19

Регулярность чтения газет и просмотра телепередач (в %)

Группа опрошенных	Каждый день		Реже одного раза в неделю	
	читают газеты	смотрят телевизор	читают газеты	смотрят телевизор
Ленинградцы *	80.0	75.0	3.0	2.0
Татары	73.7	80.4	15.2	6.3
Армяне	74.2	73.2	13.2	7.6
Эстонцы	71.2	75.0	12.0	12.6

* Усредненные данные по жителям Ленинграда в целом взяты из книги «Массовая коммуникация в условиях научно-технической революции» (Л., 1981, с. 63, 69).

членов этнодисперсных групп. Высока их активность и в других сферах социокультурного потребления (табл. 19).

Газета и телевидение — важнейшие источники социально-политической и культурной информации, и к ним подавляющее большинство ленинградцев разных национальностей обращается ежедневно. Различия между группами незначимы и могут объясняться тем, что небольшая доля мигрантов (среди взрослых — около 5 %) не в полной мере владеет русским языком (что затрудняет для них чтение газет); среди этих опрошенных больше пожилых людей с начальным образованием. Частота просмотра телепередач меньше зависит от возраста, пола, национальности, чем частота чтения газет.

По данным опроса, около 70 % жителей Ленинграда регулярно читают художественную литературу. Более половины опрошенных посещают кинотеатры хотя бы один раз в месяц. Характерно, что среди татар, армян и эстонцев оказалось в полтора-два раза меньше лиц, которые совсем не посещают кинотеатры, чем среди основного населения Ленинграда.³² Возможно, кино является более привлекательным источником информации для представителей иноэтнических групп, чем для коренных жителей. Среди обследованных нами групп наименее активны в обращении к кино эстонцы, две трети которых посещают кино лишь несколько раз в год. Отчасти это объясняется более пожилым возрастом эстонцев. Кроме того, Ю. Какх отметил, что киноискусство считалось «нереспектабельным» в буржуазной Эстонии³³ (возможно, из-за низкого качества фильмов в то время), так что пониженный интерес к кино среди ленинградских эстонцев может быть традиционным.

Многие татары, армяне, эстонцы Ленинграда регулярно бывают в музеях, на выставках. Этот вид проведения досуга свидетельствует о более активной, избирательной позиции в сфере культурного потребления. Его частота и распространенность зависит от уровня образования, характера и содержания труда

³² Согласно данным опроса «Ваша жизнь в городе», проведенного Институтом социально-экономических проблем АН СССР (автор программы — А. В. Баранов); выборочная совокупность — 1750 человек.

³³ Какх Ю. Черты сходства, с. 73.

Таблица 20

Частота досуговых занятий в разных группах населения Ленинграда (в %)

Виды	Квалифицированные рабочие (II СПГ)			Интеллигенция со средним специальным и высшим образованием (IV и V СПГ)		
	татары	армяне	эстонцы	татары	армяне	эстонцы
Общаются с друзьями не реже одного раза в неделю	52.6	57.6	52.2	44.0	54.2	40.0
Ходят в музей, на выставки не реже двух раз в месяц	12.4	18.2	21.7	24.8	31.5	23.3
Смотрят телевизор ежедневно	85.7	72.7	95.7	78.9	65.8	70.0
Выезжают для загородных прогулок не реже одного раза в 2 недели	33.3	57.6	17.4	35.2	41.7	28.6
Бывают в промтоварных магазинах не реже одного раза в неделю	31.7	33.3	40.9	30.3	28.8	23.3

больше, чем другие культурно-потребительские и бытовые занятия. Часто влияние социально-профессионального положения в предпочтении тех или иных досуговых (культурных и бытовых) занятий перекрывает влияние этнических различий (табл. 20).

Приведенные данные относятся только к активному, трудоспособному населению, и влияние демографических (прежде всего возрастных) различий на поведение в сфере досуга здесь минимизировано. Различия социально-профессиональных групп проявляются главным образом в частоте общения с друзьями и просмотра телепередач (у рабочих эти занятия более распространены), а также в частоте посещения музеев (более типично для интеллигенции). Различия между этнодисперсными группами прослеживаются в распространенности загородного отдыха (популярнее у армян, нехарактерно для эстонцев) и в меньшей мере в других занятиях («телесмотрение», посещение музеев).

Важная часть образа жизни горожан связана с межличностным общением. Оно удовлетворяет многие социально-психологические и информационные потребности и, кроме того, способствует адаптации к новой, иноэтнической среде. Разным типам адаптации может соответствовать и разная структура общения. При адаптации через воспроизведение привычных контактов и образа жизни возможна интенсивная коммуникация в своей этнической «микросреде» (адаптация через обособление). Включение в широкий контекст городского образа жизни, расширение сети социальных связей сопутствуют другому типу адаптации. Для городской культуры в целом типичны большая вариативность, плюрализм контактов — при их высокой избирательности. Традиционный сельский образ жизни характеризует семейно-родственный и соседский типы общения и социального контроля. М. Э. Коган

Таблица 21

Соотношение дружеского и родственного общения (татары Ленинграда, %)

	В качестве близких друзей названы						
	родственники	соседи по дому или району	не вошедшие в перечень друзья	друзья по работе	друзья по учебе	друзья по интересам	в среднем
Встречаются с родственниками не реже 1 раза в неделю	47.0	38.8	37.5	35.5	33.6	21.7	37.9

заметила, что эти две коммуникативные ориентации, противоположные по содержанию, проявляются и на нашем объекте исследования. Лица, активные в дружеском общении, выбирающие друзей по интересам и любительским занятиям, наиболее пассивны в родственном и соседском общении, и наоборот. Если проранжировать все отмеченные респондентами виды дружеских связей по частоте соответствующих им встреч с родственниками (у тех же опрошенных), то мы получим шкалу межличностного общения, на полюсах которой находятся типы, соответствующие разным формам адаптации к новой среде (табл. 21).³⁴

Таким образом, частота родственного общения, с одной стороны, и дружеского — с другой могут служить индикаторами двух различных типов межличностных коммуникаций.

Один из них представляет городской стандарт общения и присутствует главным образом более мобильному и молодому населению, в то время как другой соответствует традиционно-сельскому общению с характерными для него тесными родственными и соседскими связями (носителями последнего типа коммуникаций являются мигранты пожилых возрастов).

Итак, мы сопоставили некоторые виды внепроизводственной деятельности у разных социальных и этнических групп.

Даже простое сравнение отдельных форм повседневного поведения дает предварительный материал для выявления некоторой этнической специфики образа жизни. Однако такой уровень анализа недостаточен, если мы подходим к изучению образа жизни как целостной системы поведения.

Для дальнейшего углубления анализа взаимосвязанности разных видов деятельности в качестве слагаемых целостного образа жизни (точнее, его внепроизводственной части) мы использовали статистические методы, ведущие к построению графов связи признаков.³⁵ Применительно к нашей задаче граф связей пред-

³⁴ Коган М. Э. Этнокультурные ориентации. . . , с. 81—82. Аналогична и обратная зависимость — частоты встреч с друзьями от структуры общения.

³⁵ См.: Берж К. Теория графов и ее применение. М., 1962. Об использовании аппарата теории графов в общественных науках см.: Белых О. В., Беляев Э. В. Возможности применения теории графов в социологии. — В кн.: Человек и общество. Л., 1976, вып. 1; Человек и его работа. М., 1967, с. 363—366.

ставляет собой геометрическую схему, изображающую структуру связанных между собой видов деятельности, причем уровень взаимосвязанности определяется по величине какого-либо показателя, служащего для измерения связи (коэффициент Чупрова, коэффициент парной корреляции и др.). Для упрощения расчетов мы прибегли к использованию коэффициента Юла (Q), измеряющего статистические связи между признаками на дихотомических шкалах,³⁶ для чего были условно дихотомизированы эмпирические частоты по всему списку занятий, т. е. каждому занятию (признаку) в соответствии с его содержанием было приписано два значения: «занятие имеет место», «занятие не имеет места». Например, считалось, что чтение газет (признак «читающие газеты») имеет место, если это ежедневное занятие, а читающие один раз в неделю или реже относились к нечитающим газеты. К посещающим театр были отнесены лишь те, кто ходит туда не реже одного раза в полгода, и т. п. При определении границы распада признака на две половины учитывалось не только содержание соответствующего занятия, но и реальное распределение частот по нему.

По нашему перечню видов внепроизводственной деятельности, включающему 18 названий, были составлены двухмерные таблицы распределения каждого признака со всеми остальными. Затем для каждой из таблиц (их более 600) рассчитывался коэффициент Q , и его значения сводились в матрицу интеркорреляций, на основании которой и строился граф связи.

Использование коэффициента Q позволило построить графы связей и с их помощью выделить устойчивые статистические «плеяды» занятий, т. е. такие их группы, в которых наличие одного занятия с большой вероятностью предполагает и наличие другого, причем эти «признаковые плеяды» несколько различаются как по социально-профессиональным группам, так и по национальным. Ребра графа обозначают статистически значимые уровни связей между видами деятельности, когда наличие одного занятия с высокой вероятностью предполагает наличие и другого. Учитывая, что социально-профессиональная принадлежность влияет на особенности бытового поведения сильнее, чем национальная, анализ материала проводили по крупнейшим социально-профессиональным группам: квалифицированных рабочих и интеллигенции (среди русских и татар).

Для каждой из четырех выделенных групп респондентов (татары и русские двух СПГ) было построено несколько графов связи видов деятельности, в которые были включены три уровня связанности графов, соответствующие значениям $Q \geq 0.60$; 0.65 ; 0.70 . Однако, опережая интерпретацию, отметим, что для татарских рабочих даже при $Q \geq 0.70$ сохранился единый граф и постро-

³⁶ См.: Бернштейн С. Н. Теория вероятностей. М., 1934, с. 37; Методика и техника статистической обработки первичной социологической информации. М., 1968, с. 136—241.

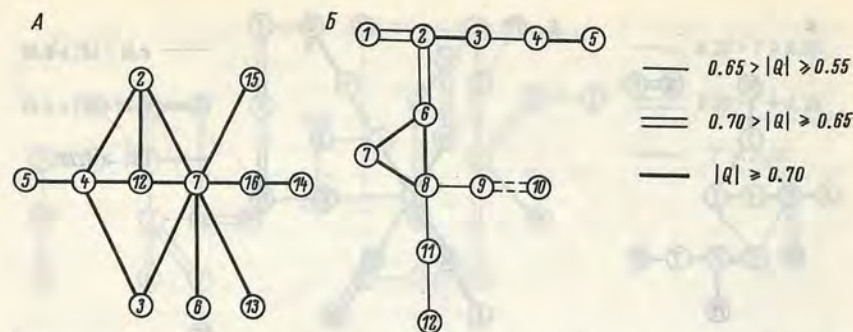

Рис. 1. Графы взаимосвязей внепроизводственных занятий квалифицированных рабочих в городах ТАССР (коэффициент Юла Q).

А — татары; Б — русские. 1 — работа на садовом участке; 2 — чтение газет; 3 — чтение художественной литературы; 4 — игра в карты; 5 — игра в шахматы, шашки; 6 — посещение музеев; 7 — посещение кафе; 8 — посещение театра; 9 — посещение спортивных зрелищ; 10 — любительский труд; 11 — встречи с родственниками; 12 — посещение кино; 13 — загородные поездки; 14 — посещение магазинов; 15 — встреча с друзьями; 16 — просмотр телепередач.

Прерывистая линия обозначает отрицательную связь.

ение графов по более низким значениям оказалось лишенным смысла.

Перейдем к краткому описанию графов связи разных форм внепроизводственной деятельности (рис. 1—3). Сравнительное их рассмотрение показывает, что особенно явные различия между татарами и русскими обнаруживаются в первой из изученных СПГ (квалифицированных рабочие). Как можно было видеть уже из предыдущего материала, русские в городах ТАССР сильнее дифференцированы по видам деятельности, менее однородны. Единый граф у русских в этой СПГ мог быть получен только при $Q \geq 0.55$, а уже на уровне $Q \geq 0.60$ (по мере элиминирования менее сильных связей) он распадается на три подграфа. Отрицательная связь между занятиями «спорт» — «любительский труд» распадается при $Q \geq 0.70$; здесь же исчезает связь между чтением газет и посещением музеев. Отделяется от всех подграфов признак «работа на садово-огородном участке». Наиболее устойчивыми оказались такие плеяды занятий: 1) чтение газет и художественной литературы («плеяда чтения»); 2) триада «музей—театр—кафе» — активная внедомашняя «художественно-развлекательная плеяда»; 3) игры в шашки, шахматы и карты (формы пассивного коллективного отдыха, не связанные с культурным потреблением).

Некоторые культурные или бытовые занятия с высокой вероятностью сопутствуют друг другу; так, типичной для структуры досуга представителей и татарской, и русской интеллигенции в Ленинграде является триада «театр—музей—кафе», с которыми тесно связаны также посещения кино, чтение художественной литературы, поездки за город с целью отдыха. Очевидно, здесь занятия, связанные с приобщением к культуре и характери-

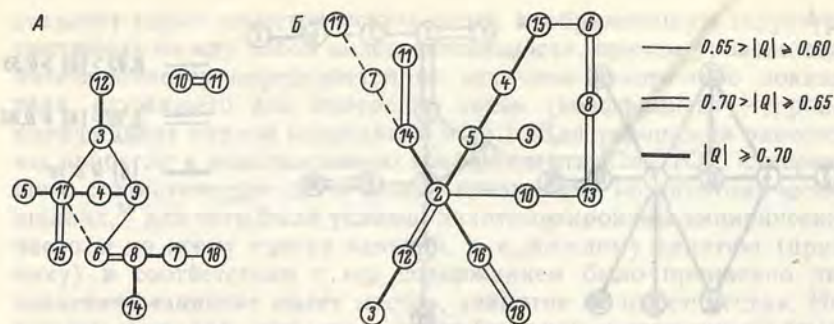

Рис. 2. Графы взаимосвязей внепроизводственных занятий интеллигенции (коэффициент Юла Q).

А — татары; Б — русские. Обозначения те же, что и на рис. 1. 17 — пассивный отдых; 18 — чтение специальной литературы.

зуемые дифференцированной, избирательной активностью, чередуются с теми видами досуга, которые основаны на смене привычной обстановки. С помощью корреляционного анализа выявлены такие занятия — антагонисты культурно-потребительских видов деятельности, связанные с последними отрицательной корреляционной зависимостью (иначе говоря, предпочтение и популярность занятий первой группы, включая «театральную активность», как правило, предполагают уклонение от занятий — антагонистов). К числу таких видов внепроизводственной деятельности относятся различные виды пассивного, нетворческого отдыха, не связанные с усвоением культурной информации (игра в шашки, в карты и т. п.). Занятием, противоречащим по смыслу культурно-потребительской деятельности и даже загородной рекреации (отрицательная корреляция), оказалась работа на садово-огородном участке. И, наконец, такая бытовая деятельность, как посещение промтоварного магазина, заняло различные места в структуре культурно-бытовой жизнедеятельности у татарской и русской части опрошенных в городах Татарии.

Если у русских жителей крупных городов «магазин» включен в цепь бытовых занятий, то в татарской части выборочной совокупности опрошенных частота посещения промтоварных магазинов обнаружила прочную связь с посещениями театра (коэффициент Юла не менее 0.7!), т. е. «магазин» вошел в цепочку «культурных» занятий. Такая структура культурно-бытовых видов деятельности характерна и для рабочих-татар, и для интеллигенции. Интерпретация этой примечательной особенности во взаимосвязи культурных и бытовых занятий нам кажется невозможной без учета общей потребительской активности переселенцев в крупный город, в среду, отличную по некоторым этнокультурным характеристикам от привычной. Социально-культурная адаптация эмигрантов включает в себя освоение стереотипов культурно-бытового поведения, принятого в данной среде, причем на первых

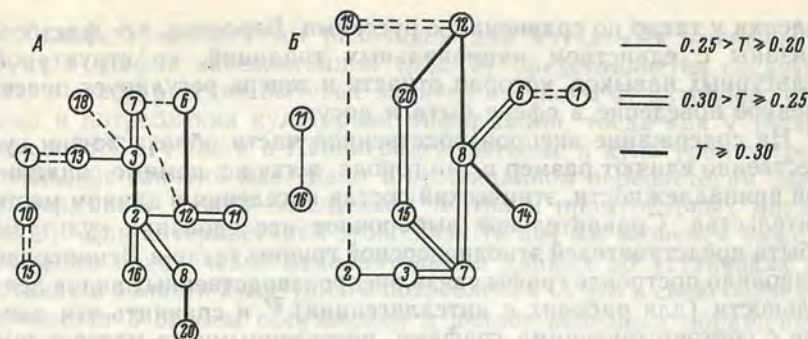

Рис. 3. Графы взаимосвязи внепроизводственных занятий у татар г. Ленинграда (коэффициент Чупрова T).

А — рабочие; Б — интеллигенция. Обозначения те же, что и на рис. 1. 19 — посещение курсов; 20 — прослушивание музыки (грампластинки и пр.).

порах легче усвоить явные и очевидные культурные и потребительские стандарты, модели организации быта и досуга и т. п. Если «театральная активность» воспринимается как обязательный отличительный признак полноценного в культурном отношении городского образа жизни, то это, по-видимому, влияет на интенсификацию соответствующего вида культурного потребления, поскольку отражает тяготение к общегородскому социокультурному стандарту, каким он представляется мигрантам.

Для работников квалифицированного физического труда татарской национальности, как говорилось выше, оказалось возможным построить лишь один граф: даже при $Q \geq 0.70$ граф не распался на плеяды, т. е. все виды деятельности, представленные в нем, связаны между собой очень тесно. Наиболее «валентными» в этом графе оказываются занятия: «посещение кафе—ресторанов» и «игра в карты»: каждое из них связано по крайней мере с четырьмя другими занятиями, поэтому они и не носят дифференцирующего характера.

Основное различие в построенных графах квалифицированных рабочих (русских и татар городов ТАССР) состоит в мере связности графов. Граф татар оказался сверхсвязанной структурой. Все занятия тесно переплетены, а коэффициенты имеют высокие значения (более 0.70). Этот граф представляет собой как бы клубок, «паутину» взаимообуславливающих видов деятельности, он даже отчасти замкнут по контуру, тогда как у русских граф разделяется на разные смысловые и содержательные цепочки. Создается впечатление, что русские жители городов Татарии вообще гораздо менее однородны по образу жизни, по структуре занятий. У татар-рабочих меньше размах статистических колебаний, ниже девиации (отклонения) всех характеристик. Исходя из имеющейся информации, можно высказать предположение о наличии некоторых латентных (скрытых) переменных, обуславливающих большее единообразие в повседневных формах по-

ведения у татар по сравнению с русскими. Вероятно, эти факторы связаны с единством национальных традиций, со структурой культурных навыков, которая отчасти и теперь регулирует повседневное поведение в сфере быта и досуга.

На содержание внепроизводственной части образа жизни существенно влияют размер и тип города, а также, помимо социальной принадлежности, этнический состав населения в данном месте жительства. Сравнительное выборочное исследование культуры и быта представителей этнодисперсной группы татар в Ленинграде позволило построить графы связи внепроизводственных видов деятельности (для рабочих и интеллигенции)³⁷ и сравнить эти данные с соответствующими графами, построенными по материалам обследования татар-горожан в Татарии (рис. 1 и 3). Не рассматривая структуру связей в этих графах подробно, резюмируем лишь общие тенденции.

Структура деятельности в сфере досуга у ленинградских татар более разнообразна, а сама деятельность — более интенсивна, чем у татар, живущих в городах ТАССР. В Татарии характер и сила связей между различными видами культурно-бытовой деятельности двух важных в социальной структуре общества групп — квалифицированных рабочих и интеллигенции — оказались различными. Среди рабочих наблюдается большая близость культурно-потребительских групп, чем среди интеллигенции. В Ленинграде эти же СПГ татарского населения имеют одинаково сильно разветвленную структуру связей между различными видами деятельности в сфере досуга.

Эти различия можно объяснить двумя противоположно направленными тенденциями. С одной стороны, в большом полиэтническом городе интенсивнее все информационные связи, шире диапазон в выборе занятий и форм досуга — все это способствует нивелированию особенностей (в том числе и этнических) повседневного поведения в крупном культурном центре, перенесению различных стереотипов поведения из одного социального слоя в другой. С другой стороны, иноэтническая среда способствует актуализации этнического самосознания членов этнодисперсной группы и способствует сохранению национальных традиций, обычаев, формируя тем самым специфический стереотип повседневного поведения.

Вообще построение графов связей позволяет по-новому оценить элементы повседневной жизнедеятельности, смысловые и культурологические проекции разных занятий, так как они рассматриваются по «включенности» в разные системы поведения, в устойчивые, строго определенные цепочки занятий.

³⁷ При обработке материалов ленинградского опроса использовался коэффициент Чупрова Т при трех значениях, характеризующих меру связности графов (0.20; 0.25; 0.30). К интеллигенции отнесены лица с высшим и средним специальным образованием, работающие на должностях служащих. В расчетах и построении графов связи принимали участие М. А. Алесина и М. Э. Коган, которым автор, пользуясь случаем, приносит благодарность.

Самым существенным различием для изучаемых этнических групп в графах интеллигенции (рис. 2) представляется следующее: в графе русских бытовые занятия отделены от активного отдыха и потребления культурной информации, тогда как у татар (как в ТАССР, так и в Ленинграде) бытовые и культурно-потребительские занятия выступают в неожиданном переплетении (например, связь между посещением театра и промтоварных магазинов). Для интерпретации этой связи (к ней мы вернемся ниже) требуется привлечение дополнительных данных об установках и мотивах в области культурного потребления. А это в свою очередь нуждается в особом обсуждении и делает полезным обращение к иной технике количественного анализа.

Можно предположить, что оценка удовлетворенности условиями культурного потребления, а также характеристики самого потребления позволяют судить о механизмах адаптации мигрантов к городскому образу жизни. Установки в сфере культурного потребления, оценки удовлетворенности его условиями, как и другие социально-психологические параметры, зависят не только от достигнутого уровня потребления, но и от уровня притязаний, характера соответствующих ожиданий. Удовлетворенность в рассматриваемой сфере, как и «социальное самочувствие» в целом, «прямо пропорционально достижению и обратно пропорционально притязанию».³⁸ Так, лица с более высоким уровнем образования проявляют и более широкие запросы в отношении сферы культурного потребления, а удовлетворенность возможностями культурного досуга в целом падает с ростом образования (так как растет уровень культурных запросов).³⁹ Для рассмотрения подобной зависимости на нашем материале мы находили так называемый индекс удовлетворенности,⁴⁰ который исчисляется так:

$$i = \frac{(+1)N_a + 0 \cdot N_b + (-1)N_c}{N} = \frac{N_a - N_c}{N},$$

где N — общее число оценивающих; N_a — число лиц, довольных данными условиями; N_b — число лиц, нейтрально оценивающих данные условия; N_c — число лиц, недовольных данными условиями.

Индекс удовлетворенности варьирует от +1 до -1 (табл. 22).

Как следует из эмпирического материала, число предметов культурного обихода, имеющих у респондентов, растет с переходом от менее продвинувшихся в социальном отношении групп

³⁸ Арутюнян Ю. В. Конкретно-социологическое исследование национальных отношений. — ВФ, 1969, № 21, с. 133. В общем виде эта закономерность отмечена классиками психологии. См.: Джемс В. Научные основы психологии. СПб., 1902, с. 146.

³⁹ Помимо других факторов, это, в частности, обуславливает более сильную общую неудовлетворенность интеллигенции условиями деревни; см.: Арутюнян Ю. В. Социальные аспекты культурного роста сельского населения. — ВФ, 1968, № 9, с. 119—131.

⁴⁰ Человек и его работа. Л., 1969, с. 79.

Т а б л и ц а 22

Взаимосвязь удовлетворения культурного потребления и числа предметов культурного обихода

СПГ	Татары		Русские	
	<i>i</i>	число предметов культурного обихода на 100 человек	<i>i</i>	число предметов культурного обихода на 100 человек
Работники неквалифицированного физического труда	0.61	208.3	0.72	195.8
Работники квалифицированного физического труда	0.63	252.6	0.69	240.2
Работники квалифицированного труда, требующего среднего специального или высшего образования (интеллигенция)	0.67	335.3	0.51	313.2
Среднее значение	0.64	265.4	0.64	249.7

к группам более продвинувшимся (по уровню квалификации, содержанию труда, образованию), и этот рост имеет одинаковую тенденцию для русских и татар, хотя у татар во всех СПГ таких предметов (на 100 опрошенных) больше. В то же время мера удовлетворенности условиями культурного потребления, одинаковая в среднем для русских и татар, изменяется у них прямо противоположным образом при переходе от групп неквалифицированных рабочих к квалифицированным, а затем к интеллигенции: у татар индекс удовлетворенности растет, а у русских тех же СПГ — уменьшается.

Исчисление индекса удовлетворенности позволило выявить важные аспекты в изучении проблемы. Вместе с тем полученные результаты, естественно, нуждаются в теоретической интерпретации.

Противоречие между ростом числа личных предметов культурного обихода (т. е. улучшением условий и повышением уровня жизни) и падением индекса удовлетворенности ситуацией культурного потребления у русских, на наш взгляд, объясняется более сильным влиянием на оба ряда чисел некоторого третьего фактора. Вероятно, этим третьим фактором является опережающий рост культурных потребностей по сравнению с их удовлетворением по мере роста уровня образования. Повышение образования и переход в другие социальные группы (что сопровождается одновременно ростом культурных ожиданий и уровня притязаний) создает определенные условия и для роста числа предметов культуры в личном распоряжении, а также усиливает стремление к их приобретению.

Конечно, названные причины не определяют целиком насыщение потребности в культурной информации. Помимо социально-профессиональной принадлежности, на удовлетворенность условиями культурного развития влияет и национальная принадлеж-

ность, так как нельзя не учитывать особенностей в структуре культурных навыков, связанных с национальной спецификой, а также характер этнического фона культурного потребления и связанные с ними различия в диапазоне культурной информации на русском и татарском языках. В ТАССР широко развиты татарская национальная пресса, национальные драматические и музыкальные театры, телевидение на татарском языке и т. д. Несомненно, развитие татарской национальной культуры способствует более глубокому удовлетворению потребности в культурной информации у татар — жителей городов ТАССР. Кроме того, обнаруженное различие в оценке условий культурного потребления у татар и русских становится более понятным, если учесть, что рост образовательного уровня татар, формирование у них однотипной с русскими социально-профессиональной структуры происходили в темпах, значительно превышающих по скорости аналогичные процессы у русских. Действительно, материалы исследования по ТАССР свидетельствуют о том, что ситуация выравнивания уровня социального развития наций сложилась в республике сравнительно недавно,⁴¹ по-видимому, лишь в самые последние годы. Прежде отсталое татарское население начинало развитие с менее благоприятных позиций и должно было пройти большую дистанцию в социально-экономическом росте за короткое время. Этим объясняется более высокий индекс социальной мобильности у татар по сравнению с русскими, а также «ускоренная урбанизация татарского населения»,⁴² являющаяся одним из факторов социального выравнивания наций. Вероятно, ускоренное преодоление культурной и экономической отсталости привело к тому, что рост культурных потребностей не успевал опережать их удовлетворение. Поэтому повышение образования, рост материального достатка и увеличение числа личных предметов культурного обихода у татар сейчас связаны прямо пропорционально с удовлетворенностью культурными условиями. Однако можно предположить, что эта удовлетворенность — состояние относительное и подвержено изменению во времени; оно не означает, что у горожан-татар наступает полное насыщение культурных потребностей. Скорее всего, в данный момент разрыв между потребностями и возможностями их реализации невелик; но можно ожидать, что уже в следующем поколении культурная удовлетворенность у татар будет относительно уменьшаться, как и у русских, в силу аналогичного действия закона «возвышения потребностей»,⁴³ а также сближения динамики социальной структуры и образа жизни татарского и русского населения.

Национальные особенности культурных навыков и установок должны находить отражение в поведении, во всем механизме культурного потребления, так как субъективные факторы и

⁴¹ Шкаратан О. И. Этносоциальная структура городского населения ТАССР. — СЭ, 1970, № 3, с. 7—8.

⁴² Там же, с. 7.

⁴³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 101.

формы жизнедеятельности взаимно обусловлены в рамках единого образа жизни. Следовательно, обнаруженные исследованием различия в удовлетворенности культурным потреблением у татар и русских позволяют интерпретировать и специфичность поведения в некоторых сферах досуга. Так, наличие в графе татарской ленинградской интеллигенции устойчивых связей между культурными и бытовыми занятиями (посещение магазинов и театра) может быть сопоставлено с механизмом формирования удовлетворенности культурными условиями у татар и русских. Это сопоставление дает дополнительное основание для вывода о том, что существенной особенностью адаптации к городской среде является освоение в первую очередь явных, очевидных стереотипов повседневного образа жизни, распространенных в новом этническом окружении (включая расширение диапазона предметов культурного обихода в семье). В такой модели адаптации, по-видимому, вообще характерной для городского новосела, может сочетаться стремление к «модернизации» и «престижности» быта, интерьера жилища, одежды (что ведет к частым посещениям магазинов, следованию моде) со стремлением соответствовать по стилю жизни некоторой референтной культурно-потребительской группе в населении города, а также своему представлению о культурных стандартах горожан (в частности, интенсивное приобщение к театру и др.). На наш взгляд, отмеченная особенность «ускоренной» адаптации к городскому образу жизни может пролить свет на тесную взаимосвязь некоторых культурных и бытовых видов деятельности.

3. ТРАДИЦИОННАЯ БЫТОВАЯ ОБРЯДНОСТЬ И ЕЕ ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ

Этнодисперсные группы представляют собой одновременно часть населения современного города и часть социалистических наций и связаны с этими подструктурами общества многими чертами культуры и быта. В быт представителей иноэтнической части населения Ленинграда широко вошли общесоветские гражданские праздники и обряды. Так, во всех семьях теперь принято отмечать праздники 7 ноября, 1 мая, Новый год, семейные события. В то же время этническая специфика образа жизни находит свое выражение и в сохранении элементов традиционной обрядности. В ходе исследования изучалось бытование важнейших обрядов календарного и семейного циклов в разных социальных группах в Ленинграде. В отдельных случаях статистические материалы опроса дополнялись прямым наблюдением, хотя получение полного описания структуры обряда не входило в специальную задачу исследования и степень полноты традиционного обряда фиксировалась лишь по оценке респондента (она также может служить косвенным показателем развитости этнического сознания).

Формирование новой обрядности в этнодисперсной группе, как и у любого народа СССР, складывается из двух важнейших ком-

понентов: преобразования старой обрядности, переосмысления старых обрядовых действий, утраты многих элементов религиозной обрядности и, с другой стороны, постепенного включения в преобразующийся обряд новых интернациональных элементов. Однако в зависимости от типа этнокультурной ситуации соотношение этих процессов будет различаться. Сохранность старых форм зависит как от сроков миграции их носителей, так и от того, какую семантическую нагрузку выполняет старый обряд в новой, иноэтнической среде.

Исследования в 5 союзных республиках показали, что в обыденном сознании респондентов значимость традиционных обрядов как этнического признака занимает второе место после национального языка.⁴⁴

Необходимо учитывать, что семейная обрядность — консервативный институт, связанный с интимными сторонами жизни, — в иноэтнической среде может служить одной из важнейших опор этнического сознания и потому подвергается изменениям медленнее других сторон быта. Одна из форм перехода от старой обрядности к новой — так называемая «двойная» обрядность, когда два обряда следуют один за другим (паллиация). Это учитывалось при формулировании вариантов ответов на вопросы о сохранности традиционной семейной обрядности у жителей ТАССР и ленинградских татар: обрядность сохраняется (имеет место), обрядность соблюдается частично, обрядность не соблюдается. В случаях соблюдения (полного или частичного) традиционной обрядности обычно имеет место такая «паллиация» (например, регистрация новорожденного в ЗАГСе сопровождается исполнением традиционного ритуала в семье).

Начнем с рассмотрения семейной группы традиционных обрядов в городах ТАССР.

При анализе ответов оказалось, что содержание обряда существеннейшим образом влияет на его бытование и необходим дифференцированный подход к названным группам семейных обрядов (табл. 23).

Частоты распределения обрядов, связанных с рождением ребенка и похоронами, расположились зеркально-симметрично относительно диагонали таблицы: насколько широко бытует соблюдение похоронных обрядов, настолько же обычным стало несоблюдение обрядов, связанных с рождением ребенка, и, наоборот, насколько невелико число отмечающих рождение ребенка традиционным обрядом, настолько же мало и число не соблюдающих традиционные похоронные обряды. Распространенность свадебного обряда (по оценке данных в нашей выборочной совокупности) занимает почти промежуточное место между двумя другими группами обрядов (табл. 23).

Похоронные обряды инвариантны относительно размера города

⁴⁴ Дробижеева Л. М. Духовная общность народов СССР: Историко-социологический очерк межнациональных отношений. М., 1981, с. 191—192.

Таблица 23

Частота распространения традиционных семейных обрядов в городах ТАССР (% к числу опрошенных) *

Семейное событие, с которым связан семейный обряд	Соблюдают полностью	Соблюдают частично	Не соблюдают
Рождение ребенка	27.9	18.6	44.1
Свадьба	34.4	19.5	27.2
Похороны	49.7	18.6	23.1

* 9 % не ответили на вопросы.

и этнического состава населения в прежнем месте жительства. Обряд соблюдается (полностью или частично) в 67—73 % семей, и это число устойчиво для разных групп (кроме интеллигенции). По-видимому, подобная устойчивость определяется такими причинами, как дань уважения традиции, выполнение воли покойного и т. п. Отметим, что среди ленинградских татар традиционный похоронный обряд еще устойчивее.⁴⁵

Наименее устойчив в Татарии комплекс обрядов семейного цикла, связанный с рождением ребенка. Как и обряды календарного цикла, этот комплекс испытывает влияние этнического состава городов и сел, откуда приехали мигранты. Мигранты из инонациональной среды несколько чаще соблюдают традиционные обряды, связанные с рождением ребенка (табл. 24).

Если сопоставить рассматриваемые обряды с циклами жизни человека (рождение, детство, зрелость и старость), то оказывается, что чем моложе контингент лиц, к которому относятся данные обряды, тем они менее распространены и менее устойчивы под воздействием самых разных факторов, и наоборот.

Значительный интерес представляют данные о распространении семейных обрядов в зависимости от образования респондентов (табл. 25).

Из приведенных материалов следует, что в более образованных группах семейные традиционные обряды распространены меньше в прямом соответствии со степенью их устойчивости, которая в свою очередь определяется содержанием обряда. Лишь респонденты с самым низким уровнем образования (до 6 классов) в большинстве своем соблюдают все традиционные семейные обряды, и только преобладающее число лиц с высшим образованием отказалось от соблюдения всех групп семейных обрядов, включая похоронные.

Обращаясь к материалам этносоциологического исследования татар в Ленинграде, отметим следующие особенности бытования семейной обрядности в иноэтнической среде. Во-первых, здесь

⁴⁵ См.: Старовойтова Г. В. Конкретно-социологическое исследование пережитков ислама у городских жителей и задачи атеистической пропаганды. — В кн.: Проблемы изучения и критики религий Востока. Л., 1979, с. 13—14.

Таблица 24

Частота распространения традиционных обрядов, связанных с рождением ребенка (в % к числу опрошенных; ТАССР)

Направление миграции	Соблюдают полностью или частично	Не соблюдают
Из-за пределов ТАССР	57.0	43.0
В пределах ТАССР	48.2	51.8

взаимозависимость распространения обрядов и их содержания выглядит менее однозначно, чем в Татарии: если там заметно в первую очередь сокращение обрядов первой части жизненного цикла, то среди ленинградских татар наименее устойчив комплекс свадебного обряда (возможно, в обыденном этническом сознании он менее значим, чем обряды, связанные с началом и концом жизненного пути). Во-вторых, распространенность всех традиционных семейных обрядов в иноэтнической городской среде оказалась вообще несколько выше, чем в городах ТАССР. И, наконец, обращает на себя внимание почти полное отсутствие «частичных» форм соблюдения семейных обрядов среди ленинградских татар, для которых характернее «полярная», альтернативная позиция в отношении семейной обрядности: либо соблюдение в развернутой традиционной форме (по оценке самих респондентов), либо отказ от обряда. В Татарии, напротив, имеет место довольно плавный переход от соблюдения семейных обрядов в «полной форме» к отказу от них через промежуточное звено — соблюдение обрядов в частичной, редуцированной форме, воспроизводящей отдельные фрагменты традиции (вероятно, под влиянием пожилых членов семьи). Обычно в этих случаях типично сосуществование традиционного и нового гражданского обряда, постепенно вытесняющего первый.

Отмеченная альтернативность отношения к семейной обрядности в Ленинграде связана с большими различиями в сроках и путях миграции татар в Ленинград, с этнокультурной неоднородностью татарской этнодисперсной группы в городе. Повышенная распространенность обрядов характерна главным образом

Таблица 25

Зависимость распространения семейных обрядов от образования респондентов

Семейное событие, с которым связан обряд	Образование				
	до 6 кл.	7—9 кл.	10—11 кл.	среднее специальное	высшее
Рождение ребенка	+	—	—	—	—
Свадьба	+	+	+	—	—
Похороны	+	+	+	+	—

Примечание. Знак «плюс» — большинство соблюдает данный обряд; знак «минус» — большинство не соблюдает данный обряд.

для мигрантов из сельской местности. Как правило, это приезжие начала 1930-х годов, а по локальной этнической принадлежности — чаще мишари, чем казанские татары. Уроженцы города (т. е. потомки мигрантов), а также мигранты из крупных городов обычно принадлежат к группе, отказавшейся от традиционных обрядов.

Представляется, что меньшая распространенность редуцированных частичных форм обрядов семейного цикла среди татар Ленинграда имеет еще одно основание, помимо выраженного разделения социально-демографических групп, сохраняющих обрядность и отказавшихся от нее. Выработка «сокращенных» форм обрядового действия типологически подобна выработке сокращенного варианта устного текста, фольклорной формы традиционной культуры. Однако существует точка зрения, согласно которой вариативность таких форм служит критерием живости традиции, тогда как стабильность — показатель ее консервации и затухания.⁴⁶

Возможно, в основном этническом ареале редуцированная форма обряда выработалась в результате его вариативной трансформации (в общем также ведущей к сокращению и вытеснению обряда в его традиционном виде), стремящейся адаптировать обряд к новым условиям. В этнодисперсной группе переселенцев новые варианты обрядовой формы не генерируются, поэтому имеет место либо консервация канонической структуры, либо полный отказ от обряда. Этим гипотетически можно объяснить преобладание «полной» (по оценке респондентов) формы обряда над частичной среди ленинградских татар.

С точки зрения этнографии, фольклористики и этнопсихологии представляют интерес следующие вопросы: среди какого поколения приехавших в город деревенских жителей в большей мере бытуют национальные праздники и семейные обряды? У мигрантов какой «волны» они исчезают? На какие годы приходится рубеж, разделяющий мигрантов с различной сохранностью этих элементов традиционной национальной культуры?

Судя по полученным в Татарии материалам, общая тенденция вполне соответствует существующим на этот счет представлениям: чем раньше респондент прибыл в город, тем чаще соблюдает он в быту семейные и календарные обряды. Подавляющее большинство мигрантов переезжало в город в трудоспособном возрасте, когда процесс социализации личности и освоения новых обрядовых форм уже завершён, и, как правило, из села, где сохраннее традиционные формы семейного быта. Таким образом, тип социализации оказывает более сильное влияние, чем адаптирующее влияние города. Постепенно, особенно в послевоенные годы, черты городского образа жизни все активнее проникают и в татарскую деревню. Поэтому мигранты последних лет в меньшей степени сохранили элементы традиционного семейно-бытового

⁴⁶ Чистов К. В. Традиция и вариативность. — СЭ, 1983, № 2.

Т а б л и ц а 26

Бытование национальных праздников в зависимости от срока проживания в городе (в %)

Срок проживания в данном городе	Отмечает праздники	Не отмечает праздники
От 1 до 3 лет	4.7	7.7
От 3 до 5 лет	4.7	12.1
От 5 до 10 лет	9.4	10.9
От 10 до 15 лет	20.3	20.9
Более 15 лет	61.1	48.3

уклада. В этой связи большой интерес представляет зависимость между временем, прошедшим с момента миграции респондентов в города ТАССР, и распространенностью национальных праздников (табл. 26).⁴⁷

Люди, недавно приехавшие из других районов, большей частью не отмечают национальные праздники и обряды календарного цикла (имеются в виду главным образом курбан-байрам, сабантуй и ураза), а среди переселившихся в город давно, более 15 лет назад, их отмечает большинство. Граница между этими двумя контингентами мигрантов проходит по волне миграции 1959—1964 гг., в которой обе группы представлены поровну. Как правило, мигранты — это молодежь трудоспособных возрастов, прибывшая из села. Если принять за условный средний возраст мигранта 30 лет, то можно считать, что «переломным» поколением в отношении сохранения обрядовой традиции являются люди примерно 1930—1934 гг. рождения, т. е. времени коллективизации татарской деревни.

Бытование обрядов календарного цикла оказалось в значительной степени обусловленным влиянием этнического состава среды.

Национальные календарные обряды шире бытуют в городах ТАССР у мигрантов из села, а также у жителей малых городов (почти половина опрошенных в Альметьевске и Мензелинске празднуют курбан-байрам, сабантуй и т. д., тогда как в Казани — лишь 14 % опрошенных).⁴⁸ Мигранты из-за пределов Татарии чаще отмечают календарные обряды (50 %), чем мигранты из городов и сел ТАССР (40 %) и уроженцы городов республики (36 %).

Вероятно, в иноэтнической среде национальные праздники являются более значимым фактором этноинтеграции, приобретают новый смысл в этническом сознании и потому — сохраннее. Факт большей сохранности календарной обрядности в иноэтнической среде подтверждается и распространением обрядов в этнодисперсной группе ленинградских татар: здесь 61 % опро-

⁴⁷ Данные табл. 26 получены в ходе опроса, проведенного нами в 1974 г.

⁴⁸ Старовойтова Г. В. К исследованию этнопсихологии городских жителей: (По материалам опроса в трех городах ТАССР). — СЭ, 1976, № 3, с. 52.

шенных отмечает традиционные праздники календарного цикла (43 % — регулярно и 18 % — время от времени) и лишь 39 % не отмечает. Календарная обрядность, таким образом, оказывается несколько более распространенной в этнодисперсной группе, чем семейная. Между тем, если считать величину города более значимым фактором, влияющим на традиционную обрядность, то в Ленинграде она должна была быть представлена еще меньше, чем в Казани.

В эстонской и армянской ленинградской среде традиционная обрядность практически вытеснена новой гражданской обрядностью — как в семейной, так и в других сферах. Иногда на свадьбе у армян присутствуют «кавор» — традиционный ее распорядитель, опекающий молодую семью. В самой Армении ориентированность на традиционную свадьбу уменьшается: ей отдают предпочтение лишь 51.8 % жителей Еревана, тогда как реально отметили свой свадебный обряд по-старинному 66.9 %; у молодежи расхождение между пожеланием и реальным следованием традиционным предписаниям старших еще выше: 41.4 % против 71.7 %.⁴⁹

Во время поездок в Армению старшие члены семьи изредка совершают «матах» (жертвоприношение) в связи с рождением в семье ребенка. Правда, более трети ленинградских армян (38 %) так или иначе отмечают старые календарные обряды (пасху, вардавар). Представители студенчества и интеллигенции регулярно собираются 24-го апреля, чтобы отметить начало масового геноцида армянского народа в 1915 г. В этот день звучат траурная музыка, стихи армянских поэтов.

Еще реже, чем армяне, отмечают традиционные календарные обряды эстонцы (16.5 % опрошенных). Это пасха, рождество, Иванов день, день св. Катарини. Как правило, эти дни отмечаются только семейными встречами и приготовлением блюд национальной кухни. Обрядовые элементы традиционной бытовой культуры чаще сохраняются в тех семьях, где меньше осведомленность о профессиональной национальной культуре и ее выдающихся деятелях.

Бытование традиционных обрядов в крупном городе позволяет сделать вывод о более активном воздействии этнического состава среды на этот элемент традиционной культуры по сравнению с другими факторами. Однако воздействие этой же среды существенно меняет само содержание календарной обрядности: если первоначально она была связана с земледельческими циклами (а затем ассимилирована христианством и исламом и приобрела преимущественно религиозный характер), то для современного городского населения традиционные праздники выполняют новые функции — этнопсихологическую и коммуникативную.

Трансформация таких этноопределений, как обряды и традиционные празднества, утрата ими религиозной символики, нередко

⁴⁹ Население Еревана, с. 191, табл. 16.

отмечается этнографами. «Этноопределители бывают... стадийными явлениями, присущими определенной социально-экономической формации и зачастую сохраняющимися в других формациях пережитого, потеряв прежнюю функциональную нагрузку».⁵⁰ В некоторой степени это положение справедливо и по отношению к собственно религиозной обрядности и конфессиональному поведению.

Различие влияния этнического «фона» на распространенность семейной и календарной обрядности позволяет предположить, что эти формы традиционной духовной культуры выполняют разные этнопсихологические функции и корреспондируют с разными элементами в структуре этнического сознания.

Новые этнопсихологические функции в изучаемых условиях принимают и различные формы конфессионального поведения: они далеко не всегда свидетельствуют о приверженности религиозным нормам. Нередко конфессиональное поведение (соблюдение каких-либо религиозных предписаний или посещение мест культа — верующими и неверующими) позволяет поддерживать контакты внутри этнодисперсной группы, удовлетворяет потребность в общении и т. п. Это подтверждается анализом мотивов, по которым, в частности, неверующие татары посещают мечеть (для армян и эстонцев посещение храмов нехарактерно). В числе таких мотивов были названы следующие: 1) желание отдать дань уважения вере предков; 2) познавательный интерес к религиозным обрядам; 3) желание повидать знакомых, поговорить по-татарски; 4) простое любопытство.⁵¹ Среди неверующих членов этнодисперсной группы татар существует представление о конфессиональном единстве другой части этой группы как факторе ее этнической интеграции. Общение на «конфессиональной основе» служит поводом для внутриэтнических контактов самого разного содержания. Об этом косвенно свидетельствует и тот факт, что верующие и колеблющиеся в вопросах веры составляют 52 % от всех посетителей гастрольных представлений татарских театральных и художественных коллективов в Ленинграде.

Внутриэтническое общение в этнодисперсной группе может выполнять двоякую функцию в новой среде. С одной стороны, оно облегчает адаптацию к новым условиям (через воспроизведение привычных элементов образа жизни), с другой — тесные контакты, поддерживаемые частью мигрантов в «этнической микросреде», могут способствовать консервации отдельных элементов традиционной культуры в условиях дисперсного расселения. Эта сеть коммуникаций указывает также на существование специфических этнопсихологических факторов секуляризации неоднородного в национальном отношении городского населения.

⁵⁰ Ганцкая О. Л., Терентьева Л. Н. Этнос и семья в СССР: Докл. на VII МКАЭН в Чикаго. М., 1973, с. 7.

⁵¹ См. подробнее: Старовойтова Г. В. Конкретно-социологическое исследование пережитков ислама..., с. 3—16.

ГЛАВА V.
ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ
ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

1. ЭЛЕМЕНТЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Как было сформулировано в теоретических предпосылках исследования, этническая специфика у современных горожан все более концентрируется в сфере психологии и духовной культуры.

Одним из важнейших структурных элементов этнической психологии¹ является этническое сознание, понимаемое прежде всего как определенный слой общественного сознания, который ограничен рамками обыденного опыта, закрепленного в традициях и обычаях, и включает в себя непосредственное отражение практической деятельности, мораль и нормы обычного права, эстетические нормы и нравы, представление о своей этнической принадлежности в некоторой шкале, соотносящей данный этнос с другими. Этническое сознание, регулирующее традиционно-бытовые стереотипы поведения, включает в себя непосредственное отражение большинством членов этноса обыденной жизнедеятельности, бессознательное использование национального языка и т. п. Таким образом, оно принадлежит к тому слою обыденного сознания, которое «первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей».² Будучи эмоционально окрашенным, подверженным влиянию общественных настроений, этническое сознание относится к сфере социальной психологии; в таком понимании оно является лишь предпосылкой теоретически систематизированных и идеологизированных форм, определяющих становление самосознания этноса, отрефлексиовавшего свои интересы (что аналогично процессу превращения «класса в себе» в «класс для себя», но применительно к этносу).

Можно вычленить следующие важнейшие эмпирические индикаторы этнического сознания: этническая самоидентификация, представление об этноконсолидирующих и этнодифференцирующих признаках, представление о так называемом «национальном характере», а также об общности черт внешнего облика этнофоров и др. Косвенными эмпирическими индикаторами этнического

¹ К сожалению, сам термин «этнопсихология» употребляется неоднозначно: в одних случаях имеется в виду научная дисциплина, в других — предмет ее изучения.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 24.

сознания могут выступать некоторые элементы традиционной национальной культуры (национальные праздники, обычаи, обряды), язык, ориентации в межэтническом общении и др.³ Эти проявления этнического сознания были изучены в ходе нашего этнопсихологического исследования.

Блок опросника, отражающий эмпирические индикаторы этнического самосознания горожан, открывался вопросом, выясняющим представление о главном факторе этнической идентификации: «Что, по Вашему мнению, должно быть главным при определении национальности человека?» (см. Приложение, вопрос. 58). Респондент должен был выбрать один из предложенных вариантов ответов. Кроме того, предлагалась проективная ситуация, включавшая возможность выбора таких факторов, как место или республика проживания, принятый в семье язык и др.

Национальные черты нельзя считать прирожденными, они приобретаются в процессе социализации личности. Поэтому сознательное определение своей национальности к моменту социального созревания человека в условиях сближения культур советских народов может зависеть от многих факторов даже в национально-однородной семье.⁴

Рассмотрим сравнительные материалы опроса татарского населения — в своей национальной и иноэтнической среде.

Обратимся сначала к распределению ответов среди горожан ТАССР. 47 % ответивших выбрали в качестве главного фактора индивидуальной этнической самоидентификации национальность отца, причем этому ответу дали около половины своих «голосов» все социально-профессиональные группы, за исключением специалистов с высшим образованием (у них этот вариант избран примерно одной третью ответивших). Что же касается респондентов из последней группы, то они отдали относительно больше голосов, чем в других группах, в пользу желания самого подростка, во-первых, и национальности матери — во-вторых (фактор, занявший четвертое ранговое место — около 10 % всех ответов). Однако 56 % лиц с образованием до 6 классов и 53 % с неполным средним образованием считают, что национальность отца служит главным определителем национальности подростка. Это повлияло на общую картину распределения ответов.

Характер ответа зависел не только от образования, но и от возраста опрашиваемого; старшие чаще выбирают национальность отца, младшие чаще выбирают другие варианты, и в первую очередь «желание самого подростка». Этот вариант ответа, с одной

³ См. подробнее: Старовойтова Г. В. Некоторые методологические аспекты определения предметной области этнопсихологии. — В кн.: Социальная психология и общественная практика. М., 1984.

⁴ Применительно к национально-смешанной семье вопрос исследован Л. Н. Терентьевой; см.: Определение своей национальности молодежью из национально-смешанных семей. — СЭ, 1969, № 3, с. 20—31; см. также: Жеребцов Л. Н. К вопросу об определении национальной принадлежности детей в национально-смешанных семьях. — В кн.: Ленинская национальная политика в действии. М., 1969; Современные этнические процессы в СССР. М., 1977, гл. X, 2.

стороны, самый «синтетический» (так как в сознании подростка преломляются все остальные факторы) и, с другой стороны, он самый демократический, так как не навязывает догматических образцов поведения в сфере национальной самоидентификации. Естественно, что более молодые люди, а также те, у кого выше образование, отдают предпочтение этому фактору определения национальности, выдвигая его на второе ранговое место по общему числу ответов.

Такие ответы, как «принятый в семье язык», «республика, место проживания», занявшие третье и пятое ранговое места, в совокупности отражают (хоть и в неявной форме) этнокультурную ситуацию, которая, таким образом, в глазах респондентов не является значимым фактором. Даже язык внутрисемейного общения в качестве основы для выбора национальности избрали лишь 15 % опрошенных.

Ленинградские респонденты тоже выдвинули на первое ранговое место «национальность отца», хотя здесь этот фактор этнической идентификации ребенка собрал голосов значительно меньше, чем в Татарии (38 % против 47 % всех ответов), зато в Ленинграде существенно выше оценивается роль матери в первичной социализации (а, следовательно, и этнизации ребенка). Вероятно, это объясняется влиянием русской этнокультурной традиции, а также более широкими эгалитарными ориентациями, прививаемыми образом жизни большого города. Особенно заметно выравнивание этноопределяющих ролей отца и матери в этническом сознании опрошенных с более высоким образовательным цензом.

Язык внутрисемейного общения в качестве фактора этнической идентификации оценивается ленинградскими татарами ниже, чем горожанами ТАССР (четвертое ранговое место против третьего там), зато «место или республика проживания» называется в иноэтнической среде вчетверо чаще. Кроме того, в Ленинграде опрошенные отмечали необходимость учета особенностей национальной психологии и условий, в которых вырос человек. Значит, в иноэтнической среде яснее осознается возможность определения национальной принадлежности не по рождению или кровнородственным связям, а по культуре, в рамках которой происходила социализация.

Возвращаясь к интерпретации преобладающего выбора национальности отца как определителя национальности детей, можно высказать следующие соображения. Как уже отмечалось, большинство ответов на вопросы о мнениях, предпочтениях, предполагаемом поведении в воображаемой ситуации (проективное поведение) нельзя интерпретировать буквально, так как изучению подлежат лишь проявления обыденного сознания, в котором уровень осознанности мотивов невысок и несет на себе печать традиционных представлений. Так, доминирующая роль мужчины в семье в прошлом не только отражала его господствующее экономическое положение, но и была жестко зафиксирована

в обрядах и обычаях, в законах шариата. Впрочем, приоритет мужчины в его влиянии на судьбу детей следует связывать не столько с конкретными религиозно-этническими предписаниями (в данном случае — мусульманскими), сколько с традиционной моделью распределения социальных ролей в семье. Из дальнейшего изложения будет видно, что среди ленинградских армян национальность отца в качестве этноопределятеля оценивается еще выше, чем среди ленинградских татар.

В качестве важного эмпирического индикатора этнического сознания в ТАССР анализировалось представление респондентов-татар об этноконсолидирующих и этнодифференцирующих признаках. Повышение общеобразовательного уровня населения и усиление этнокультурных контактов влияют на структуру факторов этноконсолидации, перестраивают картину символов национального самосознания. Для анализа динамики соответствующих представлений были использованы следующие вопросы: «Что, по Вашему мнению, сближает Вас с представителями Вашей национальности?»; «Чем, по Вашему мнению, отличаются представители разных национальностей в первую очередь?». Предложенные варианты ответов разнообразны по содержанию и сложности, что дает возможность респондентам с разными этнокультурными ориентациями и образовательным уровнем выбрать адекватный их мнению ответ. Очевидно, что признаки этнического различия и сходства осознаются людьми по-разному: так, например, общность этнической психологии не так ощутима, как общность национальной языка.⁵

Из внешних, явных признаков были названы язык, черты внешнего облика, народные обряды, обычаи, привычки и др. К неявным признакам можно отнести черты характера, общее историческое прошлое, общие перспективы, будущность (последние два варианта — только для вопроса о сближающих факторах) и др. Наибольшую значимость в качестве этноконсолидирующих черт получили следующие (в порядке убывания): язык; народные обряды, привычки; общие перспективы, будущность; общее историческое прошлое; сходные черты характера.

Ранговая последовательность выбора этнодифференцирующих черт несколько иная: язык, черты характера, особенности поведения.

В то же время значительная доля опрошенных (около одной шестой) — главным образом работники квалифицированного физического труда с образованием 7—10 классов — отрицали существование сколько-нибудь значимых национальных различий. При этом, однако, они считали, что реально существуют черты близости к своему народу.

При ответе на оба вопроса горожанами-татарами примерно в 2.5 раза чаще указывались внешние признаки сходства и раз-

⁵ Королев С. И. Вопросы этнопсихологии в работах зарубежных авторов. М., 1970, с. 17.

личия. Как и следовало ожидать, уровень образования респондента коррелирует с обращением его либо к внешним, явным признакам, либо к факторам психологического порядка: явные, очевидные черты этнического сходства и отличия (в частности, язык) называют преимущественно опрошенные с невысоким уровнем образования (среди них же, как будет показано далее, шире бытуют национальные обряды — по существу формы ритуализованного поведения, «материализующие» этноконсолидационные представления обыденного этнического сознания).

Лица со средним специальным и высшим образованием, напротив, чаще обращают внимание на неявные, но существенные черты этнического сходства и различия (черты характера, особенности поведения и т. п.). Выбор этих признаков обычно требует как более высокого культурного уровня, так и другой структуры этнического сознания, основанного уже не только на обыденных представлениях. К аналогичному выводу пришел Е. И. Клементьев, анализируя национальное самосознание карелов: «Оценка своей связи с этнической общностью в малоквалифицированных группах... связана с реальным бытованием национально особенного, а в группах работников умственного труда с высоким уровнем образования осознание внутриэтнических связей компенсируется общетеоретическими представлениями о значимости признаков, формирующих национальное самосознание».⁶

Заметна еще одна тенденция в распределении ответов горожан Татари на два рассматриваемых вопроса: одни и те же признаки чаще называются в качестве этнодифференцирующих, чем этноинтегрирующих. Так, например, язык как признак общности назван в полтора раза реже, чем как признак различия. «Черты характера» и «черты внешнего облика» в качестве различительных названы вдвое чаще, чем в качестве объединяющих признаков. Меньшую активность проявили респонденты при ответе на вопрос о том, что сближает их со своей нацией (меньше общее число выборов, относительно чаще затруднялись в ответе). Можно предположить, что опрошенным труднее определить черты общности представителей своего народа, чем отметить его отличия от других народов. На определяющее значение оппозиции «мы — они» для самовыделения этнической общности указывали Б. Ф. Поршнев,⁷ И. С. Кон.⁸ Об этом же говорят западные социальные психологи У. Ламберт и О. Клайнберг, ссылаясь в свою очередь на Л. С. Выготского, который считал, что осознание сходства требует более развитой способности обобщения и концептуализации, чем осознание различия; осознание сходства пред-

⁶ Клементьев Е. И. Социальная структура и национальное самосознание: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1971, с. 17; см. также: Пименов В. В. 1) Некоторые черты национального самосознания: (по материалам Удмуртской АССР). — В кн.: Торжество ленинской национальной политики. Чебоксары, 1972; 2) Удмурты: Опыт компонентного анализа этноса. Л., 1977.

⁷ Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1966, с. 73—111.

⁸ Кон И. С. К проблеме национального характера. — В кн.: История и психология. М., 1971, с. 128, 129.

полагает обобщение (или понятие), охватывающее ряд сходных объектов, тогда как осознание различий возможно и на чувственном уровне.⁹

В целом сходные тенденции наблюдаются и в ответах ленинградских татар, хотя здесь вдвое чаще имеет место выделение таких черт, как этнопсихологические и поведенческие особенности, что естественно отражает действительное «размывание» внешних национальных различий (например, в одежде и др.) под влиянием всего спектра этнокультурных факторов городской среды. Характерно также, что если в ТАССР на третье место в качестве признака близости к своей нации попали «общие перспективы, будущность», потеснив признак «общее историческое прошлое» на четвертое место, то в Ленинграде картина обратная: общность истории отмечена многими опрошенными (5-е ранговое место), тогда как «общая будущность» названа лишь отдельными респондентами (всего 2%). Естественно, что татары, живущие в иноэтнической среде, в условиях общесоветской культуры, связывают свое развитие с последней в большей мере, чем с развитием татарской национальной культуры, устойчивые контакты с которой ослаблены фактом миграции.

Наименьшее число выборов у татар пало на «черты внешнего облика» как фактор, сближающий представителей данной национальности, и это естественно: опрашиваемые старались обратить внимание на более существенные признаки, такие, как языковое единство или общность народной культуры.

Однако обыденные стереотипы представления о сходстве черт внешнего облика представителей этноса заслуживают специального рассмотрения, так как внешность является важным практическим признаком при определении национальности человека.¹⁰ Признаки, из которых складывается внешний облик и поведение, могут иметь для других людей осведомительное значение и выполнять регулятивную или прагматическую функцию. Особенности, образующие внешний облик и поведение, многообразны, и все они в конкретной коммуникации могут выполнять роль сигналов, выступать носителями значимой информации. «По одним признакам, входящим во внешний облик человека, люди судят о его расовой и национальной принадлежности, по другим — о поле и возрасте, по третьим — о социальной принадлежности и уровне культурного развития».¹¹ Значимость соответствующего комплекса признаков определяется конкретной ситуацией деятельности.

Известно большое количество случаев идеологизации антропологических признаков, использование стереотипов внешнего об-

⁹ Clinberg O., Lambert W. Children views of foreign peoples: A cross-national study. N. Y., 1967, p. 184—185; см. также: Выготский Л. С. Мышление и речь. — Собр. соч. М., 1982, т. 2, гл. 5.

¹⁰ Кожанов А. А. Внешность как фактор этнического сопоставления. — СЭ, 1977, № 3.

¹¹ Бодалев А. А. Восприятие человека, человеком. Л., 1965, с. 7.

лика в националистической пропаганде. От адекватности стереотипных представлений о внешности представителей той или иной национальности в известной мере зависит живучесть национальных предрассудков, так как обыденные представления о внешнем облике нередко связаны со стереотипными суждениями о психологических качествах, «национальном характере», ожидаемом поведении.¹² С точки зрения обыденного этнического сознания физическое сходство служит косвенным подтверждением единства происхождения и биологического родства представителей этнической общности, что является одной из причин рассмотрения этносов как внесоциальных образований.¹³

Представление об общности происхождения налагает своеобразный отпечаток на отражение этническим самосознанием характерной для большинства этносов действительной или мнимой «антропологической однородности».¹⁴ Таким образом, необходимо различать разные аспекты проблемы: а) вероятность реальной генетической общности членов этноса и их объективное антропологическое сходство; б) представление о такой общности и таком сходстве, существующее в качестве компонента этнического самосознания. Бытующее мнение об антропологической однородности этноса обычно преувеличивает «типичность для данного этноса одной из входящих в его состав антропологических групп»,¹⁵ и такая приблизительная антропологическая характеристика служит ориентиром этнической идентификации.

Если говорить о поволжских татарах, то, по данным антропологов, среди них распространены близкие к русским того же региона антропологические типы, представленные, правда, в других пропорциях. Выраженность монголоидных черт у татар вообще ниже, чем принято считать (от 11 % у мишарей до 14 % у казанских татар).¹⁶

Существующие научные методы не позволяют производить надежной индивидуальной диагностики в силу значительной объективной вариативности индивидуальных признаков.¹⁷ Впрочем, «невооруженный глаз» неспециалиста иногда может быть более точным, чем научный инструментарий, потому что бессознательно использует более широкий набор показателей. Кроме

¹² Об этом, в частности, говорят данные исследования Д. Олпорта и Б. Крамера, где для выявления причин этнических предрассудков использовались типичные фотографии (Allport D., Kramer B. Some roots of prejudice. — Journ. of psychology, 1961, vol. 22, p. 9—39).

¹³ Чистов К. В. Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры. — СЭ, 1972, № 3, с. 74.

¹⁴ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973, с. 105.

¹⁵ Там же, с. 102.

¹⁶ Трофимова Т. А. Этногенез татар Поволжья в свете данных по антропологии. М., 1949, с. 232.

¹⁷ Бунак В. В. 1) О методе и программе изучения антропологических признаков и необходимости их пересмотра. — Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР, 1954, вып. XXI; 2) Фотопортреты как материал для определения вариации строения головы и лица. — Сов. антропология, 1959, № 2.

того, восприятие синкретично; в этом процессе трудно отделить черты внешнего облика от нюансов поведения, невербальных элементов коммуникации (жесты, мимика и т. п.). И все-таки, с учетом всего сказанного выше, адекватное определение этнической принадлежности по внешности (без учета вербального поведения) в общем случае может характеризовать весьма приблизительные, а подчас — иллюзорные представления обыденного сознания об этнически типичном (т. е. «этнические стереотипы внешности»).

Именно этот аспект восприятия внешности этнофоров и интересовал нас. Особое значение вопрос имеет в условиях иноэтнической среды, где внешнее антропологическое сходство может способствовать коммуникации в этнической микросреде, поскольку здесь внешность, отмеченная печатью «этнического родства», приобретает сигнальный характер и скорее привлечет внимание, нежели в этнически однородной среде.

Эти моменты учитывались также при анализе ответов жителей Татарии на вопрос: «Узнаете ли Вы представителей своей национальности на городской улице по внешнему виду?». Вследствие унификации материальной культуры (в частности, одежды) в городской среде вопрос мы относим лишь к чертам физического облика (и в некоторой мере к нюансам поведения). Распределение ответов таково (в порядке убывания): «Узнаю не всегда» — 38 %; «Да, узнаю легко» — 25 %; «Нет, не узнаю» — 19 %; «Не обращаю на это внимания» — 18 %. Положительную безоговорочную форму ответа дала четверть опрошенных. Это мнение, как уже говорилось, мы относим к иллюзиям обыденного этнического сознания. Такого рода «обман зрения» в большей мере свойствен людям с невысоким уровнем образования: чаще других этот ответ выбирают респонденты с образованием до 6 классов (35 % из них). В то же время лишь 10 % лиц с невысоким уровнем образования не обращают внимания на национальность людей, встречающихся на улице. Обратная картина наблюдается в ответах людей с более высоким уровнем образования: только 16 % лиц с высшим образованием считают, что легко узнают татар по внешности, зато 25 % не обращают внимания на национальность прохожих.

Кроме уровня образования (и соответственно социально-профессиональной принадлежности респондента), на ответы об определении национальности по внешнему виду заметно влияют среда, характер социальных контактов, т. е. в конечном счете тип и величина города. Так, например, в Казани значительно больше, чем в Альметьевске, число лиц заявили, что не обращают внимания на национальность людей на улице (около 20 % опрошенных); относительно больше доля лиц, ответивших, что не узнают или не всегда узнают представителей своей национальности. Социально-психологическая специфика общения в большом городе, обилие контактов вообще создают своеобразный защитный барьер в виде «психологической индифферентности», по крайней

мере в многолюдных местах¹⁸ (в отличие от этого в деревне каждый встречный воспринимается индивидуально-лично, и на улице принято здороваться даже с незнакомыми).

В самом малом из охваченных сравнительным исследованием городов Татарии — Мензелинске — выявилась в определенном смысле противоположная картина: во-первых, здесь наиболее высок процент лиц, не ответивших на этот простой вопрос (29 % против 2 % в Казани и 6 % в Альметьевске); во-вторых, здесь очень невелика доля лиц, не обращающих внимания на национальность прохожих (около 15 %). Вероятно, в таком небольшом городе, как Мензелинск, существует социально-психологическая структура общения, переходная между городской и сельской; в частности, здесь минимален объем деперсонализованного «ролевого» общения (типа продавец—покупатель)¹⁹ и большинство контактов сопровождается личным знакомством. Поэтому вопрос о том, узнают ли респонденты на городской улице татар и в незнакомых людях, был не вполне адаптирован к условиям Мензелинска. Кроме того, высказанное суждение о полной стандартизации в городской среде элементов национальной материальной культуры распространяется на Мензелинск в меньшей мере, чем на крупные города.

Существенно иную тенденцию в распределении ответов на вопрос об этнической идентификации «земляков» по внешности можно видеть среди татар, живущих в Ленинграде. Ленинградские татары чаще склонны считать, что узнают представителей своей национальности — «с легкостью» или «иногда», реже признают, что отличить их трудно (табл. 27). Здесь незаметно никакой зависимости ответов от возраста и образования опрошенного. По-видимому, определяющее влияние оказывает социально-психологический контекст ситуации и значимость внутриэтнической коммуникации в иноэтнической среде, которой не снижают ни размер города, ни обилие общения в нем.

Таким образом, высказанное выше предположение о значимости общих черт внешнего облика для членов татарской этнодисперсной группы, об их «сигнальной» функции, можно считать подтвержденным приведенными эмпирическими данными. Сам направленный интерес к внешности как фактору этнического сопоставления свидетельствует о важности этого признака в ряду этнических определителей, признаваемых обыденным этническим сознанием.

В двух других обследованных в Ленинграде этнодисперсных группах (армяне и эстонцы) распределения ответов на этот же вопрос другие. Большинство эстонцев не узнают друг друга или не обращают внимания на этнические черты; большинство армян

¹⁸ Например, плотность контактов в таком крупном городе, как Ленинград, составляет до 10 тыс. человек в сутки (см.: Баранов А. В. Человек в городе. — В кн.: Духовное становление человека. Л., 1972, с. 88).

¹⁹ Wirth L. Urbanism as a way of life. — In: On cities and social life. London, 1964, p. 60—83.

Т а б л и ц а 27

Определение представителей своей национальности по внешнему виду (в %)

Место опроса	Узнает легко	Узнает не всегда	Не обращает внимания	Не узнает
Города ТАССР	25	38	18	19
Ленинград	30	40	15	15

узнают друг друга легко. Вероятно, это определяется не только выраженностью антропологических особенностей, но и различной акцентуацией этнического сознания, имеющей место в каждой из этих групп.

Эстонская и армянская этнодисперсные группы заметно отличаются от татарской (и друг от друга) по оценке их членами сравнительной значимости элементов этнической идентификации. Так, эстонцы на первое место среди факторов определения национальности человека поставили принятый в его семье язык (37 %), а он в девяти десятых ленинградских эстонских семей — русский; две трети эстонцев считают также русский язык родным. Следующими по значимости факторами были названы желание самого подростка (20 %), национальность отца (18 %), место или республика проживания (15 %), национальность матери (12 %). Кроме того, около одной десятой опрошенных эстонцев вообще не видят необходимости идентифицировать людей по национальному признаку (среди армян это мнение высказывает одна пятая). Лица с более высоким образовательным уровнем чаще указывают на принятый в семье язык и выбор национальности самим подростком; среди них еще слабее, чем во всей эстонской группе, выражено предпочтение национальности отца перед национальностью матери.

Между тем именно в эстонской этнодисперсной группе выбор национальности подростка особенно актуален: 76 % представителей этой группы состоит в национально-смешанных браках (в основном это женщины). Следовательно, при указании на национальность отца как на определитель национальности ребенка опрошенные эстонки выражают пожелание, чтобы их дети считались русскими. Отсюда можно заключить, что распространение преимущественно «женской» этнической экзогамии в этнодисперсной группе может существенно влиять на интенсивность естественной ассимиляции последней (см. гл. IV, 1).

В оценках ленинградских армян национальность отца как определитель национальности человека стоит на первом ранговом месте (44 % всех ответов). Затем идут желание самого подростка (24 %), употребляемый язык (16 %), место или республика проживания (16 %). Лишь на пятое ранговое место в качестве этноопределивателя отнесена национальность матери (всего 8.7 % ответов — в пять раз меньше, чем по фактору «национальность отца»), причем надо иметь в виду, что в отличие от эстонцев

Т а б л и ц а 28

Ранговые места этнодифференцирующих признаков в оценках армян и эстонцев

	Признаки				
	черты характера, психология	особенности поведения	традиционная культура	язык	внешние различия
Армяне	1	3	2	4	5
Эстонцы	2*	3	2*	1	4

* Два этнодифференцирующих признака у эстонцев получили одинаковое число выборов и поделили второе ранговое место.

у армян в большинстве случаев в национально-смешанном браке состоит мужчина. Преимущество национальности отца перед другими факторами у армян признается всеми образовательными группами респондентов. Общее распределение ответов очень сходно с тем, которое мы видели в татарской этнодисперсной группе.

Армянская и эстонская этнодисперсные группы по-разному оценили важнейшие отличительные признаки представителей разных национальностей (табл. 28).

Количество выборов, пришедшихся в обеих группах на первое ранговое место, очень близко (примерно по 60 %), однако сами признаки — язык и этнопсихология, как было показано при анализе ответов татар, различны по степени их очевидности, «явности». Естественно, что национальные черты характера оказываются более значимой особенностью народа с точки зрения лиц с более высоким образовательным цензом. Внутри самих этнодисперсных групп частота указаний на этнопсихологические черты повышается при переходе от менее образованных к более образованным подгруппам, причем чаще среднего количества (по всему массиву опрошенных) характерологические черты называются начиная со среднего образования (и армянами, и эстонцами). Обратная зависимость прослеживается в распределении ответов о языке как главном отличительном признаке представителей разных национальностей: чем ниже образование, тем чаще выбор этого признака. Взаимосвязь между осознанием более или менее латентного этнодифференцирующего признака и образованием не является единственной. Круг представлений о факторах этнической идентификации, о сходстве и различиях этносов относится к социально-психологической сфере, а значит, испытывает влияние микросреды непосредственного общения. Действительно, наблюдается взаимосвязь между структурой дружеского общения и обращением респондентов к тем или иным этнодифференцирующим признакам. Выше было показано влияние на характер образа жизни двух принципиально различающихся типов общения: соседско-родственного и основанного на общности интересов и занятий. Последний тип общения характерен для современного городского образа жизни. Черты этого образа жизни сказываются

и на представлениях о значимости более глубинных, устойчивых особенностях людей (психологии) по сравнению с явными, доступными открытому наблюдению, но относительно легко изменяющимися со сменой среды особенностями (язык, поведение). Обыденное сознание относит поведенческие стереотипы, как и язык, к «внешним» и подвижным признакам, отличая их тем самым от черт характера и психологии.²⁰ Согласно данным нашего исследования, в армянской этнодисперсной группе в среднем 55 % опрошенных признают этнопсихологические различия между представителями разных национальностей, но среди тех, кто имеет близких друзей по интересам и любительским занятиям, эти отличия значимы уже для 68 %. И наоборот: среди указавших этнопсихологические особенности в качестве важного этнодифференцирующего признака каждый третий (32 %) имеет близких товарищей по общим интересам, тогда как в среднем по группе таких друзей имеет каждый четвертый (25 %). Зато те, кто назвал в качестве ближайших друзей родственников (т. е. придерживается традиционного типа связей), реже других (и реже среднего по массиву числа) придают значение этнопсихологическим различиям людей.²¹

Характерно, что в ответах армян, более других выделяющихся по своим антропологическим особенностям, внешним различиям между представителями разных народов отведено последнее место; очевидно, эти различия не считаются существенными. Небольшая часть респондентов (9 % армян и 7 % эстонцев) считает, что существенные различия между народами вообще отсутствуют. Одна шестая (16 %) армян и около трети (30 %) эстонцев при ответе на другой вопрос — об этноинтегрирующих факторах — указали, что их ничто не сближает с другими людьми их национальности. Это мнение можно рассматривать как свидетельство ассимиляционного процесса среди части респондентов. Вместе с теми, кто затруднился определить, что именно их сближает с другими представителями своей национальности, доля таких лиц у эстонцев составляет половину, что характеризует направление этнического развития этнодисперсной группы (но, конечно, не может быть распространено на эстонский этнос в целом).

Около трети ленинградских эстонцев отметили, что их сближает с представителями своей национальности общность языка (однако практика его употребления в семейном общении, как мы видели, невелика). Еще меньшее количество опрошенных эстонцев указало в качестве этноинтегрирующих признаков «народные обычаи, обряды, культуру» (24 %) и «черты характера, психологию» (15 %).

²⁰ См. подробнее: Старовойтова Г. В. Этнические стереотипы поведения и внешности в восприятии горожан. — В кн.: Этнические стереотипы поведения. Л., 1985, с. 27, 33 (примеч. 9).

²¹ Нам представляется несомненной «идеально-типичная» (в веберовском смысле) связь названных факторов, но на материалах опроса армян она, возможно, выглядит недостаточно «выпуклой», поскольку у армян вообще придается большое значение этнопсихологическим различиям.

Картина распределения значимых этноинтегрирующих признаков в ответах ленинградских армян — почти зеркально противоположна эстонской. На первое ранговое место здесь выдвигаются этнопсихологические черты (35 %), на второе — традиционная культура (31 %), на третье — «общее историческое прошлое» (28 %). Только после этого следуют национальный язык (20 %) и другие признаки. Реальная языковая практика в этом случае мало влияет на оценку этноинтегрирующей роли национального языка: среди армян он в 2.5 раза чаще используется в семейном общении, чем среди эстонцев (т. е. более чем в четверти армянских семей); однако в армянской этнодисперсной группе, в отличие от эстонской, не считают национальный язык самым существенным звеном, связующим этнофоров со своим этносом. Вероятно, столь существенные различия в содержании этнического сознания представителей разных этнодисперсных групп обусловлены их социально-культурной спецификой, особенностями истории формирования групп, а также преобладающими в каждой группе этнокультурными ориентациями.

2. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ АРМЯН, ТАТАР, ЭСТОНЦЕВ ЛЕНИНГРАДА

Этническая самоидентификация личности является итогом воздействия разных объективных социально-культурных факторов, влияние которых опосредуется культурными и этническими ориентациями личности, микросредой ее общения.

Одним из средств внутренней регуляции направленности поведения человека (в частности, поведения в этнокультурной сфере) является так называемая «фиксированная установка» — готовность к определенному образу действий, предрасположенность к направленной активности. Понятие «установка» было введено немецким психологом Л. Ланге (1888), который экспериментально доказал, что скорость реакции индивида на внешнюю ситуацию зависит от предрасположенности к восприятию этой ситуации.²²

Общепсихологическая концепция установки была разработана в школе Д. Н. Узнадзе, выделившего особые, фиксированные установки, возникающие на основе акта объективации.²³ Совокупность фиксированных установок дает ориентиры для направленного поведения личности.

Социологическая концепция установки (social attitude) связана с понятием «ценностная ориентация» личности, введенным У. Томасом и Ф. Знанецким в их исследовании об адаптации польских крестьян в Америке.²⁴ Согласно этим авторам, социальные установки связаны с ориентациями индивидов относительно

²² Ядов В. А. Установка. — Филос. энциклопедия. М., 1970, т. 5, с. 288.

²³ Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М., 1966, с. 274, 406.

²⁴ Thomas W., Znaniecky F. The Polish peasant in Europe and America. Cambridge, 1918—1920, vol. 1, p. 21—22, 32—33.

ценностей их субкультуры. Система установок предписывает определенные нормы поведения, посредством которых общество или группа осуществляет контроль над поведением своих членов.

В современной социальной психологии социальная установка (attitude) определяется как «...устойчивая организация мотивационных, эмоциональных, перцептуальных и мыслительных процессов относительно некоторых аспектов внутреннего мира индивидов».²⁵ Установка имеет ряд психологических функций, в том числе приспособительную, благодаря которой индивид приобщается к системе норм и ценностей данной социальной среды.

Говоря об адаптации к определенной этнической или полиэтнической среде, следует иметь в виду и характер национальной (этнической) установки. Зафиксирована такая установка может быть по итогу действия — поведению человека (реальному или вербальному) в различных сферах межэтнической коммуникации.²⁶ Комплекс, система согласованных установок в жизненных сферах, связанных с этнической культурой, позволяет говорить о национальной или этнокультурной ориентации личности (причем отдельные установки в тех или иных сферах неидентичны типу ориентации в целом).²⁷

Ю. В. Арутюнян в общем виде предлагает рассматривать культурные ориентации по двум континуумам: от «традиционного» к «современному» и от «узконационального» к «интернациональному».²⁸ В конкретных условиях эти ориентации могут приобретать различные формы выражения. В частности, в иноэтнической среде имеют место противоположные тенденции: ассимиляционная и связанная с сохранением и воспроизведением этнокультурной специфики (иногда даже на традиционно-бытовом уровне). Обе можно рассматривать как разные формы адаптации к новым условиям.

Взаимодействие и противоборство этих основных тенденций может генерировать несколько различных типов этнокультурных установок. Обобщение материалов нашего исследования позволило выявить три основных типа этнокультурных ориентаций, в рамках которых оказываются взаимосвязанными частные проявления поведения и сознания, так или иначе относящиеся к сфере этничности. Таким образом, этнокультурные ориентации выполняют роль комплексных, «синдромальных» характеристик, позволяющих прогнозировать конкретные установки личности в межэтническом взаимодействии и культурном потреблении. Эти этнокультурные ориентации следующие.

²⁵ Krech D., Crutchfield F. Theory and problems of social psychology. N. Y.; Toronto; London, 1948, p. 152.

²⁶ Дробижева Л. М. Социально-культурные особенности личности и национальные установки: (по материалам исследований в Татарской АССР). — СЭ, 1971, № 3, с. 4.

²⁷ Социологические очерки о Советской Эстонии. Таллин, 1979, с. 104.

²⁸ Арутюнян Ю. В. О некоторых тенденциях в изменении культурного облика нации. — СЭ, 1973, № 4, с. 3—12.

1. Ориентация на приобщение к достижениям общесоветской, мировой и своей национальной культуры, проявляющаяся в широком культурном кругозоре во всех трех областях, в активности культурного потребления. Отметим, что этот тип ориентации соответствует принятому выше критерию оптимума этнокультурного развития (см. гл. I). Назовем его интернациональной ориентацией (И).

2. Ориентация преимущественно на русские, а также интернациональные образцы духовной и материальной культуры при прогрессирующей утрате знаний и интересов в сфере национальной культуры. Условно назовем эту ориентацию ассимиляционной (А).

Оговоримся, что, имея в виду данную ориентацию, необходимо различать тенденцию и ее результат. Говоря об «ассимиляционной» ориентации, мы подразумеваем определенную направленность поведения в сфере этнической культуры (точнее — переориентацию со своей культуры на культуру другого народа, близкую по общесоветским нормам образа жизни). Тенденция свидетельствует об этнокультурном процессе, который в следующих поколениях может завершиться (и, скорее всего, завершится) естественной ассимиляцией, но может и не привести к ней (особенно если иметь в виду индивидуальные случаи).

3. Ориентация преимущественно на национальное, главным образом традиционно-этническое в культуре, т. е. на этнические ценности. Иногда такая ориентация интерпретируется как «узконациональная».²⁹ Обозначим ее как «этническую» ориентацию (Э).

Разумеется, надо иметь в виду условность понятия «этническая ориентация» применительно к группам людей, живущих при современном широком распространении интернациональных форм духовной культуры, стандартизации материально-вещной среды, особенно в городах. Речь может идти об ориентации на сохранение национальной специфики в наиболее существенных, ключевых элементах культуры, которые осознаются членами этнической общности как ее важнейшие этноинтегрирующие элементы.³⁰ Обобщение результатов этносоциологических исследований в разных регионах страны приводит к выводу, что объективная база национального самосознания не исчезает, а изменяется,³¹ но самосознание сохраняет свое значение в формировании этнических ориентаций.

С учетом сделанных оговорок мы и будем далее употреблять предложенные обозначения основных этнокультурных ориентаций и соответствующих им установок в конкретных случаях этнически окрашенного поведения.

²⁹ Арутюнян Ю. В. О некоторых тенденциях изменения культурного облика нации, с. 4—5.

³⁰ См. об этом: Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973, с. 67; Кузнецов И. М. Об обыденных этнокультурных психологических представлениях. — СЭ, 1983, № 2, с. 86.

³¹ Дробижева Л. М. Национальное самосознание: база формирования и социально-культурные стимулы развития. — СЭ, 1985, № 5, с. 15.

При изучении ленинградских этнодисперсных групп рассматривался широкий круг вопросов, связанных с национальными установками в различных областях межнационального общения, языкового поведения, культурного потребления. Одним из вопросов, относящихся к культурной осведомленности, является следующий: «Припомните и укажите, пожалуйста, фамилии известных Вам выдающихся людей, представителей Вашей и других национальностей». Респондентам предлагалось назвать своих национальных, затем русских и других отечественных и, наконец, зарубежных артистов, писателей, композиторов и ученых (таким образом, всего 12 имен). Около 90 % опрошенных во всех группах смогли назвать какого-либо артиста и писателя; 90 % армян и 75 % татар и эстонцев назвали имена композиторов; 85 % армян, 65 % татар и 50 % эстонцев назвали хотя бы по одному ученому. Однако далеко не все опрошенные могли назвать при этом своих национальных деятелей культуры.

Обычно более широкой известностью пользуются артисты и писатели. В отличие от армян, которые хорошо информированы о своих национальных деятелях в разных областях, только около 20 % татар и эстонцев смогли назвать имя своего национального композитора и 8 % — ученого. Определенную роль в осведомленности респондентов играют особенности развития разных национальных культур и их сложившегося реального фонда, а также широкая известность некоторых имен (например, армянского композитора А. Хачатуряна и академика В. Амбарцумяна, эстонского певца Г. Отса или татарского писателя М. Джалиля).

Как показывают наши материалы, высокий уровень информированности о культуре своего народа сочетается, как правило, с общей эрудицией и хорошим знанием деятелей отечественной и зарубежной культуры. В то же время есть, хотя и незначительная, доля опрошенных, которые назвали только представителей своей национальной культуры, не указав ни одного имени русского или зарубежного писателя, артиста, ученого. Поскольку трудно поверить в возможность неосведомленности такого рода в условиях проживания в крупном городе, то можно предположить, что в этих случаях мы имеем дело с «демонстративно-национальным» вербальным поведением.

Характер ответов на приведенные выше вопросы можно рассматривать как индикатор следующих национальных установок в области профессиональной национальной культуры: а) установка на отечественные и зарубежные образцы (названы различные деятели, кроме представителей своей национальности); б) установка на сочетание интернационального и национального в культуре (названы все три группы имен); в) установка на этнические ценности своей культуры (названы только представители своей национальности). Эти типы установок соответствуют выделенным выше типам этнокультурных ориентаций: ассимиляционной (А), интернациональной (И), этнической (Э).

В ходе опроса (при ответе на вопрос о писателях разных

национальностей) 6,6 % ленинградских татар назвали только писателя своей национальностью. Поскольку эта группа составляет около 50 человек, ее относительная представительность позволяет рассмотреть вопрос и о других аспектах поведения ее членов в разных сферах образа жизни. Этого нельзя сказать об армянах: среди них лишь 2,5 % назвали только армянского писателя. Абсолютная и относительная малочисленность этой группы не дает возможности судить об установках ее членов в других сферах национальной культуры. Среди эстонцев никто не назвал только эстонского писателя. Дальнейший анализ показал, что в эстонской этнодисперсной группе не представлено согласованных установок «этнического» типа (Э).

Разные типы национальных установок в отношении профессиональной культуры оказались коррелированными с особенностями поведения в межэтническом общении, с интересом к истории своего народа и др. Так, знание деятелей науки и культуры разных национальностей оказалось связанным (через механизм этнокультурных ориентаций) с реальной приобщенностью к культурному потреблению в различных его аспектах (табл. 29).

Как мы видим, в зависимости от установки различается и реальное поведение в сфере потребления профессиональной национальной культуры у представителей всех исследуемых этнодисперсных групп.

Этническое самосознание проявляется в активном интересе не только к профессиональной культуре, но и к истории своего народа.

В современных условиях «...нет оснований считать, что исчезают объективные факторы, обуславливающие существование таких элементов национального самосознания, как представление об общности исторического прошлого».³² Зарубежные авторы, учитывая значимость этих представлений для этнического самосознания, говорят об особой «исторической идентификации», которая является функцией осознания прошлых и нынешних исторических событий, основанной на общности истории, традиции и обычаев, и служит примером «чувства общности».³³

Углубление представлений об общности исторических судеб этноса характерно для роста уровня образования его членов и может рассматриваться как одно из проявлений так называемого «этнического парадокса» современности (противоречия между ослаблением этноспецифических свойств объективированной культуры и ростом этнического сознания).

Однако этническое сознание избирательно отражает общность исторических судеб этноса. Зачастую оно сводит общность происхождения к акту переселения народа в далеком прошлом,

³² Там же, с. 16.

³³ Gordon M. M. Assimilation in American life: The role of race, religion and national origins. N. Y., 1964, p. 53; изложено по: Таболина Т. В. Этническая проблематика в современной американской науке. М., 1985, с. 92.

Т а б л и ц а 29

Интерес к источникам культурной информации в зависимости от этнокультурной установки (в %)

	Этнодисперсная группа	Тип этнокультурной установки			В среднем по массиву
		ассимиляционная (А)	интернациональная (И)	этническая (Э)	
Имеют дома книги национальных писателей на русском и национальных языках	Т	36.4	68.6	72.2	56.3
	А	36.8	81.9	—	68.2
	Э	23.4	76.8	—	43.2
Посещают гастролы национальных театров, ансамблей	Т	47.1	69.3	80.9	60.0
	А	28.9	66.7	—	56.7
	Э	21.9	66.1	—	37.4
Имеют дома звукозаписи национальной музыки	Т	37.5	66.3	68.1	56.5
	А	21.0	55.2	—	48.1
	Э	4.7	26.8	—	14.1
Слушают радиопередачи из своей национальной республики	Т	35.2	41.0	48.9	40.6
	А	5.3	38.1	—	29.3
	Э	7.8	30.4	—	16.8

Примечания. 1. Здесь и далее Т, А, Э — соответственно татары, армяне, эстонцы. 2. Доля лиц, давших альтернативные ответы на каждый вопрос, во всех подгруппах опрошенных опущена. Таким образом, если среди татар с ассимиляционной установкой 36,4 % имеют дома книги татарских писателей — это означает, что 63,6 % татар этой подгруппы их не имеют и т. д.

сопровождаемому завоеваниями и т. п.³⁴ В таких случаях историческая истина может заменяться расхожими стереотипами быденного сознания.

Представителям этнодисперсных групп предлагалось назвать какие-либо события истории их народа. На этот вопрос ответило разное количество респондентов, опрошенных в Ленинграде: 80 % армян, 55 % эстонцев, 30 % татар. Они называли как события далекого прошлого, так и близкие к современности. Так, армяне упоминали существование древнего государства Урарту на территории Армении, принятие христианства в начале IV в., изобретение алфавита М. Маштоцем в 405—406 гг. Многие знали дату присоединения Восточной Армении к России (1828 г.), называли армяно-турецкие войны, знали о геноциде армянского народа (события 1915 г.). Из событий советской истории были названы установление Советской власти в Армении, участие армян в Великой Отечественной войне и др.

Большинство эстонцев, ответивших на вопрос об исторических фактах, ограничивались рамками советского периода: установление Советской власти в Эстонии в 1917 г., вооруженное восстание эстонского пролетариата 1 декабря 1924 г., восстановление Советской власти в 1940 г. и принятие Эстонии в состав СССР, участие эстонцев в Великой Отечественной войне.

³⁴ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография, с. 106.

Около одной десятой эстонцев назвали какие-либо исторические события, специфичные для Эстонии, например нашествие в XIII в. немецких рыцарей, затем датчан, шведов; восстание эстов в 1343 г. против поработителей; присоединение Эстонии к России во время Северной войны 1700—1721 гг. и др.

Половина ответивших на вопрос татар указала события, связанные с татаро-монгольскими завоеваниями. Еще одна группа (около одной десятой) отметила другие факты этнополитической истории (образование в XV в. Казанского ханства, присоединение его в XVI в. к России, участие татарских крестьян в восстаниях Разина и Пугачева, основание в начале XIX в. Казанского университета). Третья группа (около одной пятой) наряду со специфическими для истории татар событиями упоминала события советского периода (образование ТАССР в 1920 г., участие татар в войне, подвиг Мусы Джалиля и др.).

Полученные варианты ответов татар, на наш взгляд, неравнозначны в качестве индикаторов развития этнического самосознания и этнокультурных ориентаций. Высокий уровень их развития отражает главным образом вторая группа ответов татар: они свидетельствуют о специальном интересе к предмету и осведомленности в истории своего народа.

Ответы, отождествляющие события общесоветской истории с событиями татарской национальной истории, характеризуют респондентов, относящих себя к более широкой социально-исторической общности, нежели этническая. Собственно этническое самосознание у них не актуализировано или «затухает». Более 40 % таких ответов принадлежит опрошенным с образованием от 7—9 классов (как правило, квалифицированные работники физического труда) до среднего специального (интеллигенция средней квалификации). Десятая часть представителей интеллигенции с высшим образованием тоже указала события общесоветской истории, хотя чаще эти опрошенные избирали второй тип ответов.

Что касается первого варианта ответов, полученных в этой этнодисперсной группе («татаро-монгольское нашествие» или «игго»), то его вряд ли можно квалифицировать в качестве показателя развитого этнического самосознания как в силу его стереотипности, так и ввиду весьма малого отношения указанного события к современному татарскому этносу. Выбору такого ответа, вероятно, способствует этноним, а также избирательность обыденного этнического сознания, подчеркивающего масштабные события далекого прошлого и игнорирующего сложность реального этногенеза. Самоназвание как отражение этнического самовыделения, раз возникнув, начинает играть относительно самостоятельную роль среди факторов этнической идентификации. По этой логике отнесение себя к татарскому этносу предполагает рассмотрение всех событий истории народов, называвшихся татарами, как событий истории своего народа. Так, для некоторых представителей правобережных мишарей кажется естественным

Т а б л и ц а 30

Знание национальной истории в зависимости от этнокультурной установки (в %)

	Группа	Тип этнокультурной установки			В среднем по массиву
		А	И	Э	
Назвали события, характерные только для истории его народа	Т	19.2 (4.5)	21.3 (16.8)	19.1 (10.6)	25.5 (10.9)
	А	36.2	84.8	—	67.5
	Э	7.8	19.6	—	12.2

Примечание. В скобках указана доля опрошенных татар, которые смогли назвать какие-либо события собственно национальной истории, помимо татаро-монгольского завоевания.

считать, что их предки участвовали в походах Чингисхана и Батыя, поскольку они идентифицируются как «татары» вообще.³⁵

Среди представителей всех этнических групп те, кто ориентирован на сочетание интернационального и национального в культуре (ориентация типа «И»), гораздо чаще могли назвать какие-либо события, присущие только истории их народа, чем проявившие установку на отечественные и зарубежные образцы культуры (тип «А»; табл. 30).

Анализ эмпирического материала показал, что и традиционно-обрядовый комплекс бытовой культуры также зависит от этнокультурных установок. Так, например, традиционный похоронный обряд соблюдают 93.5 % татар, проявивших «этническую» установку, и 60 % носителей «ассимиляционной» установки. У армян статистически значимая граница проходит между проявившими осведомленность в отечественной и зарубежной культуре и теми, кто ориентирован на сочетание национального и интернационального в традиционной культуре. У татар заметно отличается от остальных поведение группы с «этническим» типом установки.

В то же время уровень бытования обрядов у татар даже в подгруппе, проявившей установку на отечественные и зарубежные образцы культуры, говорит о достаточном сохранении в данной этнодисперсной группе традиционного слоя культуры. В этом отношении от татар отличается эстонская этнодисперсная группа. Резкое различие (в три раза) частоты исполнения обрядов в зависимости от этнокультурной установки у армян позволяет предположить наличие в этой этнодисперсной группе двух противоположных тенденций в отношении к обрядовому слою традиционной культуры (вероятно, носители этих тенденций принадлежат к разным социально-демографическим слоям).

Сохранность традиционных элементов материальной культуры своего народа также оказалась зависимой от типа этнокультурных установок. Так, татары, армяне и эстонцы, проявившие «интернациональный» тип установки, в два и более раз чаще имеют

³⁵ См. подробнее: Воробьев Н. И. Казанские татары. Казань, 1953, с. 19; Этносоциальные проблемы советского города. М., 1986, ч. III, гл. 3.

Т а б л и ц а 31

Бытование традиционной материальной культуры в зависимости от этнокультурной установки (%)

	Группа	Тип этнокультурной установки			В среднем по массиву
		А	И	Э	
Готовят национальные блюда не реже одного раза в 2 недели	Т	35.9	44.4	59.6	43.1
	А	18.4	46.7	—	40.8
	Э	6.3	32.1	—	18.0
Имеют в семье предметы традиционного быта и культуры (одежду, утварь, украшения и др.)	Т	21.9	45.3	51.9	38.0
	А	23.7	39.0	—	34.2
	Э	4.7	17.9	—	10.8

какие-либо предметы быта своего народа по сравнению с теми, кто проявил «ассимиляционную» установку. Аналогична и зависимость бытования национальной кухни от этнокультурных установок (табл. 31).

Надо иметь в виду тесную связь приготовления блюд национальной кухни не только с привычными пищевыми предпочтениями, но также со всей системой традиционно-обрядовой культуры (обрядовая пища, пищевые табу и т. п.). В современных условиях обряд или календарный праздник, воспроизводимые в сокращенной форме, могут фактически ограничиваться приготовлением традиционных блюд. Таким образом, трансформируя старые и приобретая новые функции, элементы традиционной материальной культуры вписываются в комплекс поведения, регулируемый этнокультурными ориентациями.

Языковое поведение и функциональная развитость билингвизма также находятся в тесной связи с этнокультурными установками. Особенно заметна эта связь у армян и эстонцев: в группе с интернациональной установкой 44.8 % армян и 60.7 % эстонцев владеют всеми формами национального языка; совсем не знают его соответственно 22.1 и 8.9 %. В группе с «ассимиляционной» установкой соотношение обратное: 71 % армян и 50 % эстонцев не владеют языком своей национальности (табл. 32). Обращает на себя внимание относительно невысокая доля использования армянами национального языка в семейном общении (четверть опрошенных) при значительной активности представителей этой группы в этнокультурном потреблении. Очевидно, здесь находит свое подтверждение сделанное на другом объекте наблюдение, что у работников умственного труда (их доля, как уже отмечалось, среди ленинградских армян высока) набор признаков духовной культуры, по которым они ассоциируют себя с этносом, полнее и разнообразнее, чем у малообразованных.³⁶

³⁶ Губогло М. Н. Интегрирующая функция языка. — В кн.: Социолингвистические проблемы развивающихся стран. М., 1975. По-видимому, расширению списка осознаваемых референтов этнического самосознания вообще обусловлено ростом образования (см. раздел 1 настоящей главы).

Т а б л и ц а 32

Языковое поведение в зависимости от этнокультурной установки (в %)

	Группа	Тип этнокультурной установки			В среднем по массиву
		А	И	Э	
Считают родным свой национальный язык	Т	57.1	68.1	87.8	66.9
	А	7.9	51.4	—	42.4
	Э	17.2	57.1	—	31.7
Свободно говорят, читают и пишут на своем национальном языке	Т	25.8	40.2	55.3	35.7
	А	5.2	44.8	—	35.9
	Э	12.5	60.7	—	31.2
Используют национальный язык в семейном общении	Т	48.6	62.3	80.6	59.8
	А	2.6	32.4	—	25.3
	Э	4.7	21.4	—	11.6

Выше уже были рассмотрены национально-смешанные браки, в которые вступают представители этнодисперсных групп, и отмечалась корреляция отношения к подобным бракам с наличием или отсутствием дружеского общения в своей «этнической микросреде» (гл. IV, 1). Как следует из наших данных, межэтническое общение и его особенности в значительной мере определяются этнокультурными ориентациями личности и, возможно, являются важнейшими, результирующими проявлениями последних (табл. 33).

Как видно из табл. 33, для всех этнодисперсных групп характерна одна и та же тенденция: те, кто проявил «ассимиляционную» установку, чаще вступают в межнациональные браки, чем те, кто ориентирован на сохранение национального в образе жизни.

Ориентация на дружеское общение с представителями своей национальности тоже существенно варьирует от проявленных этнокультурных установок в этой сфере. Так, более 70 % татар, ориентированных «узконационально» (тип Э), имеют близких друзей татар, тогда как среди представителей всех национальностей, проявивших «интернациональную» установку (тип И), в среднем каждый второй имеет друга своей национальности. Респонденты с «ассимиляционной» установкой меньше других ориентированы на дружеское общение с представителями своей национальности. Кроме того, в этой последней группе особенно отчетливо вырисовываются этнические различия: татары (даже ориентированные на ассимиляцию) в 1.7 раза чаще армян и в 3.6 раза чаще эстонцев имеют друзей своей национальности. Таким образом, мы опять убеждаемся, что для татар в целом характерна более высокая значимость внутриэтнического общения. Проявляется это не только в дружеских, но и в других межличностных контактах. Например, татары чаще армян и эстонцев поддерживают отношения со своими соседями. Среди них почти 70 % в той или иной мере знакомы с татарами, живущими в том же или соседних домах, тогда как среди армян и

Таблица 33

Поведение в сфере межличностных национальных контактов в зависимости от этнокультурной установки (в %)

	Группа	Тип этнокультурной установки			В среднем по массиву
		А	И	Э	
Состоят в национально-смешанном браке	Т	35.3	24.8	14.9	26.8
	А	73.7	51.4	—	55.7
	Э	81.3	67.9	—	76.3
Имеют близких друзей своей национальности	Т	45.2	51.5	70.2	54.9
	А	26.3	54.3	—	49.0
	Э	12.5	42.9	—	26.0
Не знают, живут ли представители их национальности по соседству	Т	44.6	28.6	10.9	32.2
	А	73.7	68.6	—	69.6
	Э	90.6	62.5	—	79.9
Не обращают внимания на национальность прохожих на улице	Т	18.4	9.5	0.0	12.0
	А	23.7	8.6	—	12.8
	Э	32.8	32.1	—	33.1
Не реже 1 раза в 5 лет бывают в своей республике *	Т	33.3	45.7	51.2	41.7
	А	34.2	75.2	—	64.6
	Э	56.3	80.4	—	62.6

* Здесь учитываются также области, где живут многочисленные представители соответствующей национальности (при относительно компактном расселении). Например, Пензенская и Горьковская области (татарские села), Нахичевань-на-Дону (преимущественно армянский город) и т. п.

эстонцев 70—80 % не интересовались соседями с точки зрения их принадлежности к своему этносу.

В определенной мере предпочтение территориально-соседского общения объясняется тем, что более половины ленинградских татар — сельские мигранты, для которых такие контакты наиболее привычны (в то время как большая часть армян — приезжие из больших городов, а среди эстонцев значительную долю составляют уроженцы или старожилы Ленинграда).

«Этнолокальные» соседские контакты в иноэтнической городской среде остаются — наряду с внутрисемейным общением — одним из важнейших каналов передачи и сохранения традиционной культуры народа. Поэтому естественно, что этот тип общения более характерен для лиц с «этнической» ориентацией, тесно связанной с традиционным этнокультурным комплексом.

Большинство опрошенных так или иначе визуально выделяет представителей своей национальности среди окружающих их горожан. Только 12—13 % татар и 33 % эстонцев ответили, что не обращают на это внимания. Характерно, что среди этнически ориентированных (тип Э) татар таких лиц вообще не оказалось.

Приведенные материалы свидетельствуют о том, что этнокультурные установки, проявляющиеся в разных аспектах образа жизни, нередко являются согласованными, образуют специфические «симптомокомплексы», или общие этнокультурные ориента-

ции разных типов. Распространенность каждого типа этнокультурной ориентации в конкретных этнодисперсных группах обусловлена влиянием различных факторов социально-культурного и исторического порядка, а приверженность той или иной ориентации на индивидуальном уровне зависит главным образом от социально-демографических параметров личности.

Ленинградские татары в большой мере сохраняют национальное своеобразие. Большинство из них (62 %) ориентированы на сочетание ценностей своей национальной культуры с достижениями культуры других народов, с положительными ориентациями на межнациональное дружеское и даже внутрисемейное общение. Ориентация на «сугубо этнические» ценности выражена минимально (6.5 % опрошенных). И, наконец, часть ленинградских татар (31.5 %) проявила «ассимиляционную» этнокультурную ориентацию и, судя по всему, реально стоит на пути естественной ассимиляции.

Типологически сходные варианты адаптации представлены в армянской этнодисперсной группе, хотя армяне несколько реже татар проявляют «ассимиляционную» этнокультурную ориентацию (примерно каждый четвертый опрошенный). Подавляющее большинство (2/3) ориентированы на сочетание национального и интернационального в образе жизни. Однако в отличие от татар, у которых национальное проявляется в равной мере как в сохранении традиционно-обрядового слоя своей культуры, так и в интересе к профессиональным ее формам, у армян национальное самосознание реализуется прежде всего в хорошем знании истории, искусства, науки, деятелей культуры своего народа.

Отличный от татар и армян вариант этнокультурной адаптации в иноэтнической среде представлен этнодисперсной эстонской группой. Здесь шире распространена «ассимиляционная» ориентация (около 60 % опрошенных). Ориентацию на сочетание национального и интернационального в культуре проявило около 40 % ленинградских эстонцев. Еще меньше, чем у армян, в этой группе сохранился традиционно-бытовой слой национальной культуры. Национальное самосознание ленинградских эстонцев проявляется практически только в интересе к профессиональным формам эстонской культуры и частично в языковом поведении.

Социально-демографические особенности структуры каждой из изученных этнодисперсных групп оказывают существенное влияние на распространенность описанных ориентаций. Так, оказалось, что «ассимиляционная» ориентация (А) характернее для молодежи от 16 до 35 лет, среди которой много уроженцев Ленинграда; «интернациональная» ориентация типичнее для лиц среднего возраста (26—55 лет), а ориентация на «сугубо этнические» ценности присуща чаще пожилым людям (старше 56 лет), мигрантам из села. Возраст этих подгрупп в свою очередь тесно коррелирует с уровнем образования. На содержании этнокультурных ориентаций сильно сказываются условия социализации личности — село или город, моноэтническая, полиэтническая или

иноэтническая среда, язык обучения в школе и др. Условия воспитания являются, судя по нашим материалам, более значимым фактором, чем длительность аккультурации в новой среде.

В то же время в ряде видов культурно-потребительской деятельности, социально-культурных ориентациях горожан разной национальности различий практически нет или они незначительны, так как определяются более широкой макросредой, общим контекстом образа жизни и ценностными ориентациями нашего общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая социологические очерки, посвященные этнодисперсным группам в современном русском городе, подытожим эмпирический материал и снова обратимся к теоретическим предпосылкам исследования, сформулированным вначале (гл. I).

Как свидетельствуют данные исследования, этнодисперсные группы представляют собой одновременно полноправную часть населения современного крупного города и части социалистических наций — татарской, армянской, эстонской. Под воздействием новых этносоциальных условий происходит трансформация многих черт культуры и быта этнодисперсных групп, глубокое усвоение их членами форм общесоветской русскоязычной культуры. Однако в то же время значительная численность групп, приток новых мигрантов и периодические контакты с этническим ядром способствуют сохранению этнокультурной специфики и этнического самосознания у представителей разных народов страны, живущих в Ленинграде (тем более что значительная их доля состоит из мигрантов в первом поколении). Уроженцы города утрачивают этнокультурную специфику быстрее.

Социально-профессиональные структуры всех этнодисперсных групп однотипны со структурой населения города в целом: в них представлены квалифицированные рабочие, инженерно-техническая интеллигенция, научные работники, причем нередко показатели уровня образования у жителей Ленинграда выше, чем у представителей соответствующих народов в среднем по стране. Темпы вертикальной социальной мобильности здесь также нередко выше, чем в городах на основной этнической территории.

Однотипность социально-профессиональных структур этнодисперсных групп и населения города является основой межэтнической интеграции в важнейших сферах образа жизни, семейной культуры и быта.

Сближение уровня образования членов этнодисперсных групп с уровнем образования населения Ленинграда в целом оказалось фактором, определяющим сходство параметров демографической структуры, причем демографическое поведение иноэтнического меньшинства представляет собой результат взаимодействия социально-экономических и этнокультурных характеристик новой среды и традиционных норм исходной этнической среды. В итоге образуется маргинальная демографическая структура, сочетающая в себе черты прежних этнокультурных стереотипов (например,

у армян и татар — многодетная, неразделенная семья с боковыми родственниками) и черты новой этносоциальной среды (малая нуклеарная семья с ограниченной рождаемостью), типичные для крупных городов европейской части страны.

Материалы исследования еще раз подтвердили, что во всей совокупности социальных явлений этнокультурные и этнопсихологические характеристики (прежде всего — этническое самосознание) оказываются довольно устойчивыми, тогда как социально-экономические характеристики — весьма подвижными.¹

Быстрое выравнивание социально-экономических параметров горожан разного происхождения снова заставляет убедиться в справедливости положения о сужении зоны этнической специфики, ее перемещении в этнопсихологическую и психолингвистическую сферы. Очевидно, наиболее перспективными в рамках этнографического и этносоциологического подходов к изучению населения крупных городов являются исследования этнического сознания и его проявлений в повседневных формах поведения, специфики внутриэтнических и межэтнических коммуникаций, а также влияния на эти процессы этнических стереотипов, этнопсихологических аспектов традиционной духовной культуры и др.

Этносоциологические материалы нашего исследования позволяют нам ответить на поставленный ранее вопрос: является ли этнодисперсная группа «этносом в миниатюре», хранительницей первоначальных этнокультурных форм, или зеркальным отражением характеристик нового, иноэтнического окружения? Оказывается, что ни тем, ни другим, поскольку этнодисперсная группа — неоднородное образование, дифференцированное в социально-профессиональном отношении и по культурным характеристикам не меньше, чем население города в целом. Неоднородность группы усиливается тем обстоятельством, что она сформирована из мигрантов разных «волн». Этапы их переезда приходились на разные исторические периоды и захватывали представителей различных этнографических групп. Следы прежних различий квалификационных и общекультурных характеристик представителей разных народов и локальных этнографических групп обусловлены различием уровней урбанизации в регионах их прежнего расселения. Разные сроки адаптации к городской среде и общекультурный уровень мигрантов определяют широкие вариации черт образа жизни социальных подгрупп и гетерогенность этнокультурных процессов, получивших наибольшее развитие. Различия между этнодисперсными группами обусловлены также несходством исторических путей их развития и своеобразием исторически сложившегося фонда национальных культур.

В то же время в исследовании выявлены и определенные черты общности образа жизни, обусловленные влиянием этнических традиций и сохранностью элементов бытовой поведенческой

¹ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983, с. 235.

культуры (гл. IV, 2). По крайней мере часть этнодисперсной группы образует специфическую культурно-потребительскую подгруппу в населении города со своими запросами и интересами. Удовлетворение потребности в этнокультурной информации иногда может пойти по косвенным путям: через усиление родственного и территориально-соседского общения, общения на конфессиональной основе, через некоторое оживление элементов традиционной духовной культуры, например календарной обрядности, которая, в частности, берет на себя усиленную этноинтегрирующую функцию в иноэтнической среде и служит поводом для внутриэтнического общения в этнодисперсной группе. Для многих представителей этнодисперсных групп характернее удовлетворение этнокультурных потребностей через активное приобщение к национальной литературе, музыке, театру, интерес к событиям истории своего народа и т. п.

Культурное потребление членов этнодисперсных групп и диапазон этнокультурных ориентаций — от узкоэтнических до интернациональных — реализуются в специфических условиях.

Если для внутриэтнических процессов в целом характерен «культурный дуализм, возникающий в результате общественного разделения труда в области духовного производства и вычленения определенных форм духовной культуры из быта»,² то этнодисперсная группа находится в ситуации культурного дуализма иного рода. Профессиональные формы духовной культуры, с которыми группа находится в теснейшем соприкосновении, оказываются, как правило, общесоветскими или интернациональными, а бытовые формы духовной культуры представляют собой «законсервированные» фрагменты прежде целостной этнической культуры (иногда — даже более архаические или канонические, чем в основном этническом ареале: структура семейных обрядов, локальные этнонимы татар и т. п.). Эти элементы уже не составляют единого целого даже на бытовом уровне. Устойчивее в иноэтнической среде оказываются те формы духовной культуры, которые в меньшей степени связаны с утилитарными функциями, теснее — с этнопсихологическими и эстетическими. Временная консервация некоторых фрагментов обрядовой жизни и черт семейного быта существует благодаря носителям этих форм традиционно-бытовой культуры, главным образом сельским мигрантам довоенного периода; таким образом, социально-демографическая база этих явлений постоянно сокращается.

Воспроизведение этнических стереотипов поведения может замедлять усвоение норм городского образа жизни; с другой стороны, поддержание привычного уклада в новой среде является одной из форм адаптации.

Как видно из материалов этносоциологического исследования, в иноэтнической среде отчетливее проявляются некоторые черты этнического самосознания, причем его структура перестраива-

² Современные этнические процессы в СССР. М., 1977, с. 319.

ется — большее значение приобретают этнопсихологические признаки и символы этнической самоидентификации при реальном стирании объективных этнических различий (ср. гл. V, 1). Иноэтнический «фон» способствует укрупнению внутриэтнических подразделений и утрате прежних этнонимов представителями субэтнических групп (особенно — потомками переселенцев). Среди молодежи растет численность лиц с «неопределенным» этническим самосознанием.

Эмпирические данные свидетельствуют о том, что комплексы обрядов семейного и календарного циклов выполняют различные этнопсихологические функции и, по-видимому, корреспондируют с разными элементами в структуре этнического сознания; этот вопрос требует дальнейшего специального внимания исследователей. В иноэтнической среде усиливается этноинтегрирующая роль календарной обрядности.

Особое место в исследовании занимает роль города — крупного промышленного и культурного центра страны — и его влияние на характеристики составных частей населения. На наш взгляд, это влияние ярче всего проявляется в темпах межпоколенной вертикальной мобильности и в скорости усвоения городских норм образа жизни (особенно во внесемейной сфере). В то же время многие социальные и этнокультурные характеристики выражены этноспецифическими чертами поведения (развитость и определенность этнического самосознания и др.) зависят не столько от длительности проживания в городе, сколько от условий и места, в которых проходила социализация (и «этнизация») личности. Адаптация к новым условиям труда и жизни затрагивает не только период юношеской социализации личности. «Речь идет не о школьных годах обучения, а о восприятии всей городской индустриальной культуры, овладение которой может осуществиться лишь в ряде поколений».³

После анализа выявленных в исследовании закономерностей возникает необходимость еще раз вернуться к определению объекта нашего исследования — этнодисперсной группы городского населения. Городская этнодисперсная группа может состоять из некоторой статистической совокупности представителей какой-либо национальности, живущих в иноэтнической среде и не знающих ничего друг о друге. Такую этнодисперсную группу можно обозначить как номинальную. По-видимому, без притока новых мигрантов она начнет растворяться в новом окружении уже в следующем поколении (что мы наблюдаем на примере эстонской этнодисперсной группы).

Другой вариант — когда этнодисперсная группа представляет не простую статистическую совокупность; ее члены регулярно контактируют между собой на основе общих этнокультурных интересов, стремятся не только приобщиться к общесоветским

и интернациональным культурным ценностям, широко доступным в большом городе, но и сохранить свою этничность. Такая группа представляет собой реальное социально-психологическое образование, и поэтому ее можно назвать реальной этнодисперсной группой (или референтной, поскольку такая группа является также одним из значимых источников культурной информации для ее членов).

Реальная этнодисперсная группа может способствовать сохранению этнического самосознания своих членов длительное время даже без притока новых мигрантов.

Этнодисперсные группы татар, армян и эстонцев, живущих в Ленинграде, сочетают черты номинальных и реальных социально-психологических образований. В среде армян и татар существуют небольшие социально-психологические «ядра», активно интересующиеся этнокультурными национальными ценностями и поддерживающие общение; при этом значительная часть обеих групп находится «на периферии» и поддерживает лишь нерегулярные контакты с другими представителями своей национальности (или не поддерживает их вовсе). Этнокультурное потребление в изученных этнодисперсных группах неоднородно, поскольку они включают людей с полярными социально-культурными характеристиками: проявляющих интерес к профессиональной национальной культуре своего народа (наряду с широким общекультурным кругозором) либо сохраняющих фольклорно-бытовые и обрядовые элементы традиционной культуры. Первый тип — приобщение к профессиональным формам своей национальной культуры — более характерен для ленинградских армян. Сохранность элементов традиционно-бытовой культуры своего народа, как уже говорилось, имеет место в определенной социально-демографической подгруппе ленинградских татар.

Различие этих основных типов этнокультурной активности характеризует существенную культурно-потребительскую дифференциацию представителей всех этнодисперсных групп. По-видимому, это различие основывается на разнице в способе получения этнокультурной информации — путем непосредственного межличностного контакта (традиционный способ) или с помощью средств массовой коммуникации, книг (внеконтактный способ).

В этнодисперсных группах наблюдаются разные этнические процессы, носителями которых являются различные социально-демографические и этнокультурные слои. (Этим процессам соответствуют выявленные в ходе исследования типы этнокультурных ориентаций — ассимиляционная, интернациональная, этническая).

Ведущим является процесс межэтнической интеграции, сближение наций во всех сферах — социально-профессиональной, бытовой, культурной и духовной. Эта тенденция в той или иной степени затрагивает всех без исключения членов этнодисперсной группы, а также контактирующее с ней население города в целом. Благодаря равенству социальных позиций, совместному труду в многонациональных коллективах, соседскому проживанию

³ Бромлей Ю. В. Совершенствование национальных отношений в СССР. — Коммунист, 1986, № 8, с. 83.

и культурно-бытовым связям происходит взаимное расширение этнического кругозора людей разных национальностей и заимствование черт образа жизни. Интернационализация всех сторон культуры и быта реализуется на основе общесоветской культуры и русского языка как языка межнационального общения.

Значительная доля всех семей в этнодисперсных группах — от трети у татар до двух третей у эстонцев — национально-смешанные, причем более чем в половине случаев родители хотят, чтобы дети от смешанного брака избрали русскую национальность (в соответствии с языком внутрисемейного общения), что свидетельствует о наличии ассимиляционной установки у значительной части иноэтнического населения города.

Процесс добровольной естественной ассимиляции с русскими можно считать по значимости и распространенности вторым; на этом пути этнокультурных изменений находится, вероятно, не менее трети этнодисперсной группы татар, около половины армян, более половины ленинградских эстонцев, хотя процесс ассимиляции может оказаться длительным и завершиться только у следующих поколений потомков мигрантов. Особенно замедленно протекает он на последних стадиях, связанных со сменой этнической идентичности, тогда как образ жизни, социальные характеристики и т. д. весьма подвержены влиянию нового окружения. Отметим, что наличие ассимиляционного процесса в этнодисперсной группе отнюдь не характеризует тенденций развития соответствующего этноса в целом.

И, наконец, третий тип среди развивающихся в этнодисперсных группах этнических процессов на первый взгляд определяется как внутриэтническая консолидация и действительно содержит ряд ее типичных черт: утрату локальных этнонимов субэтнических групп, стирание их объективных бытовых особенностей, некоторую акцентуацию этнического самосознания, интерес к этнокультурным традициям своего народа и профессиональным формам его культуры, сочетание межэтнических контактов с активным внутриэтническим общением и др. Однако остается открытым вопрос: с какой этнической общностью в этом случае происходит консолидация? Сама по себе этнодисперсная группа, как мы установили, не представляет «этноса в миниатюре», а говорить о дальнейшей консолидации этнодисперсной группы с соответствующей социалистической нацией было бы также неправомерным, поскольку ее представители, проживающие в городской иноэтнической среде, объективно втянуты в развитие более широкой социальной общности — советского народа в целом. Очевидно, здесь имеет место как бы «многоярусное» развитие этнических процессов, подчас выражающееся в разнонаправленных этнокультурных явлениях и тенденциях. В специфических условиях дисперсного расселения в иноэтнической урбанизированной среде укрупнение категорий этнического самосознания может рассматриваться не столько как признак этнической консолидации, сколько как отражение одного из этапов естественной этнической ассимиляции.

Взаимодействие этих неоднозначных тенденций этнического развития формирует различные типы индивидуальной адаптации и аккультурации членов этнодисперсной группы к новым условиям жизни: от стремления воспроизвести в новой этнокультурной среде привычные элементы образа жизни, в частности этническую «микросреду» общения на национальном языке (у пожилых мигрантов из татарских сел), до восприятия социальных и поведенческих норм нового окружения и готовности сменить этническую принадлежность (что типичнее для большой доли эстонской группы).

Представители этнодисперсных групп одновременно вовлечены в динамическое развитие на разных уровнях; часть из этих изменений влечет за собой смену этнической принадлежности, другие обуславливают лишь эволюцию тех или иных социальных и этнокультурных характеристик. Нетрудно заметить, что все выявленные на нашем объекте исследования этнические процессы — этнообъединительные.⁴ Их изучение позволяет полнее понять тот механизм, в результате которого формируется братское сотрудничество советских народов, складывается единая советская многонациональная культура, сочетающая в себе национальные и интернациональные элементы.

⁴ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса, с. 233—238.

АНКЕТА
ДЛЯ ОПРОСА ТАТАР В ЛЕНИНГРАДЕ
(по месту жительства)

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ АН СССР им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

Уважаемый товарищ!

В нашем городе живут и работают представители многих национальностей нашей страны, составляющих единый советский народ. Мы обращаемся к Вам с рядом вопросов о Вашей жизни, чтобы с Вашей помощью исследовать условия труда, быта и культуры в городе, полнее учесть запросы различных групп трудящихся.

Данные, полученные в ходе опроса, используются только в научных целях; лицу, проводящему опрос, запрещено сообщать посторонним сведения, которые Вы предоставите исследователям.

Фамилия и адрес опрашиваемого в анкету не вписываются, так как ответы учитываются лишь в общей сумме с помощью вычислительных машин.

Просим Вас отвечать на вопросы серьезно и искренне.

КАК ЗАПОЛНЯТЬ АНКЕТУ

Следует каждый раз вначале внимательно прочесть вопрос и все варианты ответов на него. Затем выбрать ответ, соответствующий Вашему мнению и обвести кружком номер этого варианта. Если подходящего для Вас ответа нет, впишите его своими словами в свободной строчке. При заполнении таблиц следует поставить «галочку» в клеточке, соответствующей Вашему ответу.

Пожалуйста, не пропускайте вопросов и постарайтесь при ответе не советоваться с окружающими, а выражать свое личное мнение.

Заранее благодарим Вас за помощь!

I. ВЫ И ВАШ ГОРОД

1. Сколько лет в общей сложности Вы живете в Ленинграде?
приезжий, живу здесь лет _____ 1
уроженец Ленинграда и живу в нем лет _____ 2
2. Если Вы не уроженец этого города, то укажите, пожалуйста, откуда Вы приехали?
из другого города _____ 1
укажите его название _____
из села, поселка городского типа _____ 2
укажите область (край, республику), где находится этот город или село _____
3. Если Вы не уроженец Ленинграда, то по каким причинам Вы приехали в Ленинград? (можно отметить несколько)
надеялся (ась) найти более интересную работу _____ 1
надеялся (ась) найти более оплачиваемую работу _____ 2
надеялся (ась) ускорить продвижение по работе _____ 3
хотел (а) жить в большом культурном центре _____ 4
для того, чтобы найти работу другим членам семьи _____ 5
вернулся (ась) на родину _____ 6
привезли родители _____ 7
в связи с женитьбой (замужеством) _____ 8
приехал (а) к родственникам _____ 9
приехал (а) учиться _____ 10
другая причина (какая?) _____
4. Жили ли в Ленинграде до Вашего переезда родственники, друзья или знакомые?
жили близкие родственники (родители, дети, братья или сестры) _____ 1
жили дальние родственники _____ 2
жили близкие друзья _____ 3
нет, знакомых, друзей и родных не было _____ 4
5. Если Вы родились в Ленинграде или были привезены сюда ребенком, то не могли бы Вы ответить, кто из Ваших прямых родственников первым переехал в этот город?
родители _____ 1
дедушка, бабушка _____ 2
прадед, прабабка _____ 3
более ранние предки _____ 4
не знаю _____ 5
6. В какие приблизительно годы это произошло? Или не позднее каких лет?
в 1960—1975 гг. _____ 1
в 1940—1959 гг. _____ 2
в 1920—1939 гг. _____ 3
в 1900—1919 гг. _____ 4
в 1850—1900 гг. _____ 5

- до 1850 г. _____ 6
не знаю, в какие годы или не позднее каких лет _____ 7
7. Откуда Ваши родители или другие прямые родственники приехали в Ленинград?
из другого города _____ 1
укажите его название _____
из села или поселка городского типа _____ 2
укажите область (край, республику, где находится этот город или село)
не знаю, откуда приехали _____ 3
8. Известно, что выбор места жительства не всегда зависит от желаний человека. Хотели бы Вы уехать из Ленинграда?
нет _____ 1
не знаю _____ 2
да, хотел (а) бы _____ 3
9. Если Вы хотите уехать, то по каким причинам?
хочу вернуться на родину, где вырос _____ 1
в связи с замужеством (женитьбой) _____ 2
по состоянию здоровья _____ 3
хочу ускорить продвижение по службе _____ 4
хочу улучшить материальное положение _____ 5
в связи с необходимостью переезда кого-либо из членов семьи _____ 6
хочу жить среди людей своей национальности _____ 7
другая причина (какая?) _____ 8
10. Припомните, пожалуйста, в каком самом удаленном от Ленинграда географическом пункте Вы побывали в своей жизни после того, как Вам исполнилось 16 лет? Впишите название города, области или географического района, республики _____
11. Где вы провели свой последний отпуск?
дома, никуда не ездил (а) _____ 1
на своей даче или садовом участке _____ 2
в деревне, поселке или другом городе у родственников _____ 3
в пригороде, снимали дачу у частных лиц _____ 4
в пригороде на государственной даче _____ 5
снимали комнату или койку на курорте вне пределов области _____ 6
в самостоятельной туристской поездке, походе (без путевки) _____ 7
в туристской поездке или на турбазе, в спортивном лагере по путевке _____ 8
в доме отдыха, в пансионате _____ 9
в туристской поездке за границу _____ 10
12. Как давно Вы были в последний раз в Татарской АССР или в других областях с татарским населением?
был (а) . . . лет назад _____ 1
никогда не был (а) _____ 2

II. РАССКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, НЕМНОГО О ВАШЕМ ТРУДОВОМ ПУТИ

13. Кем Вы начали свою трудовую деятельность? (Имеется в виду первая постоянная работа)
профессия _____
разряд (для рабочих) _____
должность (для служащих) _____
14. Какое у Вас было образование, когда Вы начали постоянно работать?
малограмотный (ая) _____ 1
до 4-х классов _____ 2
4—6 классов _____ 3
7—9 классов _____ 4
10—11 классов _____ 5
среднее специальное (техникум, медучилище и т. п.) _____ 6
незаконченное высшее (3 курса и более) _____ 7
высшее _____ 8
15. Учились ли Вы в татарской школе?
да _____ 1 нет _____ 2
16. Кем Вы работаете сейчас?
профессия _____
разряд (для рабочих) _____
должность (для служащих) _____
17. Ваше нынешнее образование?
малограмотный (ая) _____ 1
до 4-х классов _____ 2
4—6 классов _____ 3
7—9 классов _____ 4
10—11 классов _____ 5
ПТУ со средним образованием _____ 6
среднее специальное (техникум, педучилище и т. п.) _____ 7
незаконченное высшее (3 курса и более) _____ 8
высшее _____ 9
имею ученую степень _____ 10
18. Учитесь ли Вы сейчас?
нет, не учусь _____ 1
учусь в вечерней школе _____ 2
учусь в техникуме _____ 3
учусь в вузе _____ 4
повышаю квалификацию на производственных курсах (во внерабочее время) _____ 5
другая форма учебы (какая?) _____ 6

19. Постарайтесь, пожалуйста, припомнить...
Внимание! В каждой строчке поставьте одну «галочку» в нужном столбце

	Не имею	До 1 года	От 1 до 3 лет	От 3 до 7 лет	От 7 до 15 лет	От 15 до 25 лет	Свыше 25 лет
Ваш общий трудовой стаж (включая работу в колхозе, в единоличном хозяйстве и службу в армии)							
Стаж Вашей работы по нынешней специальности							
Стаж Вашей работы на данном предприятии, в учреждении							
Стаж Вашей работы в нынешней должности							

20. Укажите, пожалуйста, каков Ваш среднемесячный заработок на протяжении года:

		ВНИМАНИЕ!	
до 60 руб.	1	Нас интересует Ваш заработок, включая премии и 13-ю зарплату до вычета налогов и уплаты алиментов, если таковые имеются. Включите в расчет и дополнительный заработок, если он у Вас есть.	
60—80 руб.	2		
81—100 руб.	3		
101—120 руб.	4		
121—140 руб.	5		
141—160 руб.	6		
161—200 руб.	7		
201—250 руб.	8		
251—300 руб.	9		
301—400 руб.	10		
свыше 400 руб.	11		

21. В какой мере Вы удовлетворены следующими сторонами Вашей работы?

	Вполне удовлетворен	Скорее удовлетворен, чем нет	Не удовлетворен
Содержание труда (разнообразие, интенсивность, самостоятельность)			
Возможность повышения квалификации (продолжать учебу, продвигаться по службе, в разряде и т. п.)			
Размер заработной платы			
Отношения с товарищами по работе			
Отношения с руководством			

22. Когда Вы искали свою нынешнюю работу, кто помог Вам советом?
о работе рассказали друзья и знакомые _____ 1
посоветовали родственники _____ 2
был направлен по распределению или через организованный набор рабочей силы _____ 3
работу нашел сам _____ 4

23. Участвуете ли Вы в общественной работе?
не участвую _____ 1
выполняю временные общественные поручения _____ 2
нахожусь на выборной работе, выполняю постоянное общественное поручение _____ 3
являюсь депутатом, членом РК (ГК, ОК) КПСС или ВЛКСМ, народным заседателем и др. (вне организации) _____ 4

III. РАССКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, О ВАШЕЙ СЕМЬЕ

24. Состоите ли Вы в браке?
женат (замужем) _____ 1 **ВНИМАНИЕ!**
холост (не замужем) _____ 2 **Имеется в виду фактическое семей-**
разведен (а) _____ 3 **ное положение с ведением общего**
вдов (а) _____ 4 **хозяйства**

25. Сколько у Вас всего детей? _____
26. Каков состав Вашей семьи (кроме Вас)?
Внимание! В составе семьи должны быть учтены и временно отсутствующие члены (не более 6 месяцев).
Семьей здесь называются лица, которые постоянно живут вместе с Вами и ведут (полностью или частично) общее хозяйство.

Кем Вам приходится данный член семьи (жена, мать, брат, сын и т. д.)	Год его (ее) рождения	Образование	Чем занят (профессия, должность или домохозяйка и т. п.)	Место работы (учебы): завод, НИИ, магазин и т. п.	Национальность	Партийность
1	2	3	4	5	6	7

27. В каком году (хотя бы приблизительно) родились Ваши родители (или люди, заменившие их)?
мать в году отец в году

28. Кем они работали в то время, когда Вы начали свой трудовой путь? Укажите должность и профессию

мать _____
отец _____

29. Какое они имели (имеют) образование?

	Неграмотный (ая) или малограмотный (ая)	До 4 классов	4—6 классов	7—9 классов	10—11 классов	Среднее специальное	Высшее
	1	2	3	4	5	6	7
Мать							
Отец							

30. Кто по национальности Ваши родители?

мать _____ отец _____

31. Какими именами зовут Вас и детей в Вашей семье?

По документам (свидетельство о рождении, паспорт):

Ваше имя _____ имена детей _____

Как принято называть в семье:

Вас _____ детей _____

Как принято называть на работе, в школе:

Вас _____ детей _____

IV. ОТВЕТЬТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, НА НЕСКОЛЬКО ВОПРОСОВ О МАТЕРИАЛЬНО-БЫТОВЫХ УСЛОВИЯХ ВАШЕЙ СЕМЬИ

32. Каковы жилищные условия Вашей семьи?

- снимаю комнату или часть комнаты _____ 1
1 комната в коммунальной квартире _____ 2
2—3 комнаты в коммунальной квартире _____ 3
отдельная однокомнатная квартира _____ 4
отдельная квартира из 2-х и более комнат _____ 5

33. Сколько квадратных метров жилой площади приходится на каждого члена Вашей семьи? (Кухню, коридор и т. п. не считать).

1	2	3	4	5
Меньше 4.5 кв. м	4.5—6 кв. м	6.1—9 кв. м	9.1—12 кв. м	Более 12 кв. м

34. Подсчитайте, пожалуйста, денежный доход на 1 члена Вашей семьи в среднем за месяц. Для этого сложите все доходы семьи и разделите сумму на число членов семьи.

- до 30 руб. _____ 1
31—40 руб. _____ 2
41—50 руб. _____ 3
51—60 руб. _____ 4
61—70 руб. _____ 5
71—80 руб. _____ 6
81—100 руб. _____ 7
101—120 руб. _____ 8
121—150 руб. _____ 9
151—200 руб. _____ 10
более 200 руб. _____ 11

Внимание! В доход, кроме среднемесячного заработка членов семьи, включаются: пенсии, стипендии, дополнительные заработки, алименты, помощь живущих отдельно родственников и др. Из дохода исключаются выплачиваемые алименты, помощь родственникам (если такие расходы есть постоянно)

35. Кому принадлежит жилая площадь, на которой Вы проживаете?

- предприятию, учреждению (ведомственная) _____ 1
местному Совету (жилконторе) _____ 2
жилищно-строительному кооперативу _____ 3
собственный дом или часть дома _____ 4

36. Каким образом Вы получили эту площадь?

- от предприятия, по месту работы _____ 1
по очереди от райсовета _____ 2
путем обмена в районах города _____ 3
междугородным обменом _____ 4
приехал (а) по месту жительства родных _____ 5
купил (а) в ЖСК _____ 6

37. Сколько времени Вы тратите на дорогу от дома до места работы (в один конец)?

1	2	3	4	5	6	7
До 15 мин.	До 30 мин.	До 45 мин.	До 1 часа	До 1 часа 15 мин.	До 1 часа 30 мин.	Более полутора часов

38. Скажите, пожалуйста, живут ли другие татары, кроме Вас, в Вашем или соседних домах?

- да, живут в моем доме _____ 1
живут в соседних домах _____ 2
нет ни в моем, ни в соседних домах _____ 3
не знаю, не интересовался этим _____ 4

39. Если Вы знаете соседей-татар, то насколько близко Вы с ними знакомы?

- знаю только в лицо, но не знаком _____ 1
немного знаком (а) _____ 2
среди них есть близкие друзья _____ 3
в числе соседей есть родственники _____ 4

40. Если есть среди соседей-татар знакомые или друзья, то как Вы с ними познакомились?

- встречались по соседству _____ 1
 через других общих знакомых _____ 2
 через своих родственников _____ 3
 встречались на работе _____ 4
 иным путем (как и где?) _____ 5

41. Кто обычно выполняет разные домашние дела в Вашей семье? (поставьте «галочку» в нужном месте или впишите: «мать», «жена», и т. п. В одной строчке может быть несколько отметок).

Что делает	Кто делает			
	я сам (а)	другие члены семьи, проживающие со мной (впишите, кто)	приходящие родственники (впишите, кто)	пользуюсь услугами учреждений культурного или бытового обслуживания (ателье, прачечная и др.)
	1	2	3	4
Уход за маленькими детьми				
Проверка уроков, посещение родительских собраний				
Специальные занятия с детьми (музыка, иностранный язык и т. п.)				
Приобретение продуктов				
Приготовление пищи				
Стирка белья				
Уборка квартиры				
Ремонт квартиры				

V. РАССКАЖИТЕ ТЕПЕРЬ О ВАШЕМ ПОВСЕДНЕВНОМ БЫТЕ И ДОСУГЕ

42. Приходилось ли Вашей семье в течение последнего года (т. е. 12 месяцев)

- пользоваться услугами:
 ателье по пошиву и ремонту одежды _____ 1
 ателье по ремонту обуви _____ 2
 химчистки _____ 3
 прачечной _____ 4
 ателье проката _____ 5
 стола заказов продуктов _____ 6
 домашней кухни или кулинарии (покупка полуфабрикатов и др.) _____ 7
 нет, ничем из перечисленных не пользовались _____ 8
 не знаю _____ 9

43. Как Вы думаете, сколько времени в среднем Вы тратите в будний (рабочий) день.

	Больше 2-х часов	1—2 часа	Менее 1 часа
На хождение по магазинам (покупки) и другие хозяйственные дела вне дома			
На отдых, развлечения и необязательные дела вне дома			
На домашний труд и другие хозяйственные дела дома (включая необходимый уход за детьми)			
На отдых, развлечения, необязательные дела дома (включая игры и занятия с детьми)			

44. Как часто в Вашей семье готовят татарские национальные блюда? _____

45. Имеет ли Ваша семья следующие предметы культурно-бытового обихода?

- холодильник _____ 1 телевизор _____ 8
 пылесос _____ 2 радиоприемник или радиолоа _____ 9
 стиральная машина _____ 3 проигрыватель _____ 10
 кухонный гарнитур _____ 4 магнитофон _____ 11
 мебельный гарнитур _____ 5 фото- или киноаппарат _____ 12
 мотоцикл, мопед _____ 6 произведения искусства в подлинниках _____ 13
 автомашинна, моторная лодка _____ 7

46. Имеются ли у Вас или у кого-нибудь из членов семьи, живущих совместно с Вами, предметы традиционного татарского быта и культуры?

- предметы одежды _____ 1
 предметы домашнего обихода (посуда, утварь и т. п.) _____ 2
 традиционные украшения _____ 3
 старинные настенные изречения _____ 4
 другие предметы (какие?) _____ 5

47. Сколько собственных книг у Вашей семьи (кроме школьных учебников)?

Внимание! В одном погонном метре на полке помещается в среднем 40 книг.

	1	2	3	4	5	6	7	8
Книг нет	До 10 книг	10—50 книг	50—100 книг	100—1000 книг	200—500 книг	500—1000 книг	Свыше 1000 книг	

48. Сколько из этих книг (хотя бы приблизительно) написано татарскими авторами или издано на татарском языке?

- на татарском языке штук _____ 1
 книг татарских писателей на русском языке _____ штук _____ 2
 ни тех, ни других книг нет _____ 3

49. Есть ли у Вас дома пластинки с записями татарской музыки?
 да _____ 1 нет _____ 2

50. Слушает ли кто-нибудь в семье передачи татарского радио?
 да _____ 1 нет _____ 2

51. Бываете ли Вы на гастрольных представлениях татарских театров или на концертах татарских артистов?
 да, стараюсь не пропустить такого выступления _____ 1
 бываю редко, от случая к случаю _____ 2
 нет, не бываю _____ 3

52. Ниже приведен список некоторых занятий. Пожалуйста, отметьте «галочками» в соответствующих строчках, как часто Вы уделяете время каждому из них. Постарайтесь не пропустить ни одной строчки.

	Каж- дый день	Не реже 1 раза в неделю	Не реже 1 раза в 2 недели	Не реже 1 раза в мес.	Не реже 1 раза в 3 мес.	Не реже 1 раза в пол- года	Реже 1 раза в пол- года	Ни- когда
	1	2	3	4	5	6	7	8
Занятия любительским трудом (рукоделие, фотография)								
Встречи с родственниками, живущими отдельно								
Встречи с друзьями, знакомыми								
Чтение литературы по специальности во внеурочное время								
Чтение художественной литературы								
Чтение газет								
Просмотр телевизионных передач								
Слушание музыки (пластинки и т. п.)								

	1	2	3	4	5	6	7	8
Посещение кино								
Посещение театров, концертов								
Посещение музеев, выставок								
Посещение курсов, кружков								
Посещение кафе, ресторанов								
Хождение по промтоварным магазинам								
Поездки за город с целью отдыха								
Работа на садово-огородном участке								

53. Скажите, пожалуйста, кем являются Ваши ближайшие друзья?
 товарищи по работе _____ 1
 товарищи по учебе _____ 2
 соседи по дому _____ 3
 соседи по району _____ 4
 товарищи по интересам или по любительским занятиям _____ 5
 родственники _____ 6
 другие _____ 7

54. Кто по национальности Ваши ближайшие друзья? (Можно выбрать два-три варианта).
 татары _____ 1
 русские _____ 2
 другая национальность (какая?) _____ 3

VI. ТЕПЕРЬ ОТВЕТИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, НА НЕСКОЛЬКО ВОПРОСОВ, КАСАЮЩИХСЯ ВАШЕЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ, КУЛЬТУРЫ И БЫТА

55. Известно, что татарами называются несколько народов с близким языком. К какой группе татарских народов Вы отнесли бы себя?

казанская _____	1	касимовская _____	6
астраханская _____	2	мишари _____	7
тобольская _____	3	другая группа (какая?) _____	8
барабинская _____	4	затрудняюсь сказать _____	9
крымская _____	5		

56. А к какой группе, по Вашему мнению, отнесли бы себя Ваши родители? (Впишите).

отец _____ мать _____

57. Если Ваш брак национально-смешанный, то какую национальность Вы избрали (хотите избрать) для своих детей при получении паспорта?

татарскую _____	1
русскую _____	2
другую (какую?) _____	3

58. Что, по Вашему мнению, вообще должно быть главным при определении национальности человека?

национальность отца _____	1
национальность матери _____	2
принятый в семье язык _____	3
желание самого подростка _____	4
место или республика проживания _____	5
что-то другое (что?) _____	6

59. Как Вы считаете, чем отличаются представители разных национальностей в первую очередь (можно выбрать два-три ответа)?

чертами характера, психологией _____	1
особенностями поведения _____	2
традиционной культурой _____	3
главным образом языком _____	4
различия только внешние _____	5
чем-то трудно определимым _____	6
в сущности различий нет _____	7

60. Что, по Вашему мнению, сближает Вас с другими людьми Вашей национальности? (Можно выбрать два-три ответа).

язык _____	1
народные обычаи, обряды, культура _____	2
общее историческое прошлое _____	3
общие перспективы, будущее _____	4

религия _____	5
черты внешнего облика _____	6
черты характера, психология _____	7
ничто не сближает _____	8
трудно сказать _____	9

61. Пожалуйста, постарайтесь припомнить какие-либо важные события в истории татарского народа. Попробуйте кратко назвать их.

62. Припомните и укажите, пожалуйста, фамилии известных Вам выдающихся людей, представителей Вашей и других национальностей (по одному).

	Татары	Русские	Зарубежные
Артисты			
Писатели			
Композиторы			
Ученые			

63. Какой язык Вы считаете родным?

татарский _____	1	русский _____	2	другой _____	3

64. Насколько свободно Вы владеете:

	татарским языком	русским языком
Свободно говорю, читаю и пишу		
Говорю, но не читаю и не пишу		
Понимаю и могу объясниться		
Практически не владею		

65. На каком языке Вы обычно говорите дома?

на татарском _____	1	на русском _____	3
на обоих _____	2	на другом _____	4

66. Хотите ли Вы, чтобы Ваши дети знали татарский язык?

да _____	1	нет _____	2	мне это безразлично _____	3

67. Как бы Вы отнеслись к браку Вашего сына, дочери или близкого родственника с русским(ой) или с представителем другой (не Вашей) национальности?

положительно _____	1
во всяком случае не возражал бы _____	2
считаю такой брак нежелательным _____	3
затрудняюсь ответить _____	4

68. Скажите, пожалуйста, узнаете ли Вы на городской улице представителей своей национальности по внешнему виду?

- да, легко _____ 1
 не всегда _____ 2
 не обращаю на это внимания _____ 3
 нет, отличить их трудно _____ 4

69. Как известно, социалистические нации приобрели много общих черт и вместе с тем они сохраняют национальное своеобразие в привычках, традициях, культуре. Какие черты Вы больше всего цените у представителей своей национальности? (Назовите три-четыре черты).

VII. НЕСКОЛЬКО ВОПРОСОВ О ТРАДИЦИОННЫХ НАРОДНЫХ ОБРЯДАХ И РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЫЧАЯХ

70. Соблюдаются ли в семье национальные обычаи при следующих событиях.

	Да	Частично	Нет
Рождение ребенка			
Свадьба			
Похороны			

71. Празднуете ли Вы курбан-байрам, рамазан и другие татарские праздники?

- да _____ 1 не всегда _____ 2 нет _____ 3

72. Верили (веруют) ли в бога Ваши родители (или хотя бы один из них)?

- да _____ 1 нет _____ 2

73. Верит ли в бога кто-нибудь из других членов семьи, живущих совместно с Вами (кроме родителей)?

- да _____ 1 нет _____ 2 колеблются _____ 3

74. Веруете ли Вы сами?

- да _____ 1 нет _____ 2 затрудняюсь ответить _____ 3

75. Если Вы верующий (ая), то какова Ваша религиозная принадлежность?

Мусульманин			Христианин			Другая вера
суннит	шиит	др.	православный	сектант	др.	
1	2	3	4	5	6	7

76. Бывает так, что мечеть, церковь и другие виды храмов посещают не только верующие. Следующие вопросы относятся как к верующим, так и к неверующим.

Посещаете ли Вы мечеть, церковь или молельный дом?

- посещаю мечеть _____ 1
 посещаю церковь _____ 2
 посещаю другие виды храмов _____ 3
 посещаю молельный дом _____ 4
 нет, не посещаю _____ 5

77. Если Вы посещаете какие-либо места культа, то как часто?

- не реже 1 раза в 2 недели _____ 1
 по большим религиозным праздникам, несколько раз в год _____ 2
 раз в год и реже _____ 3

78. Если Вы неверующий, но посещаете мечеть или церковь, то по каким причинам? (Можно отметить несколько ответов).

- хочу отдать дань уважения вере предков _____ 1
 интересуюсь религиозными обрядами в познавательных целях _____ 2
 хочу повидать знакомых _____ 3
 хочу побыть среди людей своей национальности _____ 4
 хочу поговорить по-татарски _____ 5
 просто из любопытства _____ 6
 другие причины (какие?) _____ 7

79. Вопрос к верующим и неверующим.

Известен ли Вам календарь традиционных религиозных праздников, отмечающихся верующими татарами?

- да, в основном известен _____ 1
 иногда знаю о датах некоторых праздников _____ 2
 нет, ничего о нем не знаю _____ 3

VIII. В ЗАКЛЮЧЕНИЕ СООБЩИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, НЕКОТОРЫЕ ОБЫЧНЫЕ СВЕДЕНИЯ О СЕБЕ

80. Ваш пол мужской _____ 1 женский _____ 2

81. Вы родились в 19 _____ году

82. Ваша партийность

- беспартийный (ая) _____ 1
 член ВЛКСМ _____ 2
 член (кандидат) КПСС _____ 3

83. Пожалуйста, выскажите имеющиеся у Вас пожелания по совершенствованию культурного и бытового обслуживания ленинградцев

Спасибо за помощь!

SUMMARY

The book considers formation history and modern sociocultural aspect of some ethnic groups inhabiting Leningrad (former Petersburg), the second largest Soviet city. The research is based upon XIX—XX c. population censuses data, archival sources as well as upon a recent sociological study among Armenians, Tatars, Estonians living in Leningrad.

The author elucidates social mobility of these groups, their demographic peculiarities, the impact of bilingualism and mixed marriages upon ethnic processes. Relationship is marked between the frequency of females entering mixed marriage and the group's tendency to natural assimilation. It's concluded that wiping out of differences in material culture and mode of life among urban dwellers is accompanied by an increasing role of ethnic self-awareness in ethnicity preservation. It's found that ethno-cultural attitudes of socialization period are more important as regards ethnicity conservation or obliteration than the duration of subsequent sojourn in ethnically alien urban environment. Two opposite types of migrant adaptation to ethnically alien environment are considered, the first type consisting in natural assimilation by the surrounding majority, while the second type is aimed at reproduction of ethno-cultural features within everyday communication sphere.

Transformations of family and calendar rites as well as that of religious observance are analysed. Empiric references are set, upon which a typology of ethnic orientations among modern Soviet urban ethnic groups is presented.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВФ — Вопросы философии, журнал
 ГИАЛО — Государственный исторический архив Ленинграда и Ленинградской области
 ГИАЭ — Государственный исторический архив Эстонской ССР (Тарту)
 МКАЭН — Международный конгресс антропологических и этнографических наук
 СЭ — Советская этнография, журнал
 ЦГИА — Центральный государственный исторический архив СССР (Ленинград)

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. Теоретические предпосылки и предмет исследования	9
ГЛАВА II. История формирования этнодисперсных групп в населении Петербурга—Ленинграда	37
1. Эстонцы	37
2. Татары	50
3. Армяне	63
ГЛАВА III. Социально-демографическая структура этнодисперсных групп армян, татар, эстонцев Ленинграда	78
ГЛАВА IV. Особенности образа жизни в непроизводственной сфере	93
1. Распространение билингвизма и национально-смешанных браков	95
2. Взаимосвязь непроизводственных видов деятельности	101
3. Традиционная бытовая обрядность и ее этнопсихологические функции	116
ГЛАВА V. Этнопсихологические аспекты этнических процессов	124
1. Элементы этнической идентификации	124
2. Этнокультурные ориентации армян, татар, эстонцев Ленинграда	136
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	149
ПРИЛОЖЕНИЕ. Анкета для опроса татар в Ленинграде (по месту жительства)	156
Summary	172
Список сокращений	173

Галина Васильевна Старовойтова

ЭТНИЧЕСКАЯ ГРУППА В СОВРЕМЕННОМ СОВЕТСКОМ ГОРОДЕ

Утверждено к печати

*Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Академии наук СССР*

Редактор издательства И. П. Палкина
Художник А. И. Слепушкин
Технический редактор Г. А. Смирнова
Корректоры Г. А. Александрова, Г. В. Семерикова
ИБ № 33086

Сдано в набор 25.12.86. Подписано к печати 22.05.87.
М-33068. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура литературная. Фотонабор. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 11. Усл. кр.-отт. 11.25. Уч.-изд. л. 12.55.
Тираж 1650. Тип. зак. 1131. Цена 1 р. 90 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука». Ленинградское отделение.
199034, Ленинград, В-34, Менделеевская линия, 1.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА» МОЖНО ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ЗАКАЗАТЬ
В МАГАЗИНАХ КОНТОРЫ «АКАДЕМКНИГА», В МЕСТНЫХ МАГАЗИНАХ
КНИГОТОРГОВ ИЛИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу:

117192, Москва, Мичуринский пр., 12. Магазин «Книга — почтой»
Центральной конторы «Академкнига».

197345, Ленинград, Петрозаводская ул., 7. Магазин «Книга — почтой»
Северо-Западной конторы «Академкнига».

Или в ближайший магазин конторы «Академкнига», имеющий отдел
«Книга — почтой»:

- 480091, Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);
370005, Баку, Коммунистическая ул., 51 («Книга — почтой»);
232600, Вильнюс, ул. Университето, 4;
690088, Владивосток, Океанский пр., 140 («Книга — почтой»);
320093, Днепропетровск, пр. Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
734001, Душанбе, пр. Ленина, 95 («Книга — почтой»);
375002, Ереван, ул. Туманяна, 31;
664033, Иркутск, ул. Лермонтова, 289 («Книга — почтой»);
420043, Казань, ул. Достоевского, 53;
252030, Киев, ул. Ленина, 42;
252142, Киев, пр. Вернадского, 79;
252030, Киев, ул. Пирогова, 2;
252030, Киев, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);
277012, Кишинев, пр. Ленина, 148 («Книга — почтой»);
343900, Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1 («Книга — почтой»);
660049, Красноярск, пр. Мира, 84;
443002, Куйбышев, пр. Ленина, 2 («Книга — почтой»);
191104, Ленинград, Литейный пр., 57;
199034, Ленинград, Таможенный пер., 2;
199004, Ленинград, 9 линия, 16;
220012, Минск, Ленинский пр., 72 («Книга — почтой»);
103009, Москва, ул. Горького, 19а;
117312, Москва, ул. Вавилова, 55/7;
630076, Новосибирск, Красный пр., 51;
630090, Новосибирск, Морской пр., 22 («Книга — почтой»);
142284, Протвино Московской обл., ул. Победы, 8;
142292, Пущино Московской обл., МР «В», 1;
620161, Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
700000, Ташкент, ул. Ю. Фучика, 1;
700029, Ташкент, ул. Ленина, 73;
700700, Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
700185, Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
634050, Томск, наб. реки Ушайки, 18;
634050, Томск, Академический пр., 5;
450059, Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
450025, Уфа, Коммунистическая ул., 49;
720000, Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
310078, Харьков, ул. Дзержинского, 87 («Книга — почтой»).

1р. 90 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„НАУКА”
ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ

